

Марина Эльденберт

Танцующая для дракона.
Звезды падают в небо

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Отбор продолжается, и съемки тоже. Интриги одна другой хлеще, и не сказать, что я знаю, где безопасней. В Даармархе, где каждое неосторожное слово может обойтись Теарин очень дорого, или в Аронгаре, где каждый съемочный день для меня и Джермана Гроу может стать последним. Впрочем, когда я боялась трудностей? Гораздо больше меня, так же как и Теарин, пугает близость одного-единственного дракона. Без которой даже самое сильное пламя становится ледяным.

- [Марина Эльденберт](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Марина Эльденберт
ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ В НЕБО

ГЛАВА 1

Зингсприд, Аронгара

Шмякнулась я в самый неподходящий момент. То есть почти шмякнулась: под окрик Единички лодыжку прошило болью, и нога подогнулась. Резко. Встреча с покрытием телепортационного зала была бы весьма эпичной, если бы Гроу, в два шага преодолев разделяющее нас расстояние, меня не подхватил.

Я успела только почувствовать сильные руки на своей талии и резкий запах сигарет, когда из меня вышибло все мысли. Впрочем, мысли сейчас точно были лишними, потому что в полыхающих зеленом глазах я видела свое отражение, а вертикальный зрачок меня ни капельки не пугал. Наоборот, вечно бы смотрела. И чувствовала напряженные мышцы под пальцами и яростное, клубящееся в глубине его глаз пламя.

— Местр Гранхарсен... — Под голос Рона в зал бодро влетели сотрудники службы безопасности Зингспридского телепорта.

В довершение всего телефон Единички разразился звонком: подозреваю, что в эту минуту вальцгард мысленно ругался трехэтажным аронгарским из-за того, что не написал прошение об отставке, когда получил назначение телохранителем Танни Ладэ. Пара коротких слов, которые я не расслышала, а потом Рон протянул мобильный Гроу. Черты лица мужчин заострились, зрачок вальцгарда тоже расплосовал радужку, и меня окатило звериным напряжением.

Мобильный Гроу взял, но меня не отпустил.

— Да, моя милая Люси, — произнес он таким тоном, что даже меня здорово проняло. — Тут такое дело... Видишь ли, пока я пытался тебе дозвониться, а ты не брала трубку, мне довелось узнать, что ты хочешь увезти Танни в Мэйстон. В связи с чем у меня к тебе деловое предложение: ты отзываешь своих покусак, а я не устраиваю развлечение для СМИ.

— Ты окончательно сдурел, Гроу?! — Трубка здорово фонила, поэтому ледяным душем окатило и меня заодно.

— Окончательно сдурел я еще лет двадцать назад, так что давай не будем проверять насколько.

— Моя сестра едет в Мэйстон.

— Танни останется со мной.

— Вы. Оба. Социально опасные элементы. — Теперь уже Леона

цедила слова. — Или ты сейчас отдаешь мне сестру, или...

— Или что?! — издевательски поинтересовался он.

В зале повисла тишина.

Не могу быть уверена, что все всё слышали, но у портпроводницы глаза неестественно округлились, а у Рона в радужку добавилось пламя. Правда, по сравнению с тем, какое пламя сейчас излучал Гроу, это было так, фонарик на смартфоне.

— Мне нужно поговорить с сестрой, — донеслось из трубки сквозь зубы.

— Несомненно. Ближе к вечеру ты все равно будешь в Зингсприде, тогда и поговорите. Так что мне передать парням из службы безопасности? Они тут нервничают в непонятках: надевать на меня наручники или нет?

Из трубки донесся судорожный вздох и что-то затрещало.

— Отдай телефон Местерхарду, Джерман.

Гроу с улыбкой, больше напоминавшей оскал, протянул мобильный Единичке. Ноздри вальцгарда едва уловимо дернулись, он поднес телефон к уху и сдержанно кивнул. Потом из кольца телепорта обратно выкатился его напарник, и Рон кивнул совершенно ошарашенной портпроводнице:

— Закрывайте переход.

Видимо, мои мыслительные процессы здорово сбились, потому что до меня только сейчас дошло, что Гроу сказал Леоне.

«Пока я пытался тебе дозвониться».

На этой оглушающей мысли схлопнулось сияние кольца, а Гроу рывком подхватил меня на руки.

— Это внутреннее, вы свободны, — процедил Единичка, и парни из службы безопасности расступились.

Столько ошалевших физиономий вокруг я не видела еще ни разу, но подозреваю, что и моя была не лучше.

— Погоди... ты сказал, что звонил Леоне?

— Звонил, — коротко отозвался он, когда мы шли к лифтам.

— То есть...

— Не сейчас.

Это было сказано настолько резко, что после всего даже «заткнись» прозвучало бы менее обидно. Впрочем, играть в обидки мне сейчас было некогда: ощущение, что на меня опрокинули ведро студеной воды, а следом окатили ледяным пламенем, было гораздо сильнее. Получается, Леона знала, что Гроу нашелся, и мне ничего не сказала?!

Желание сказать ей все, что я о ней думаю, перебило появление Единички.

— На вашем месте я бы не вел себя столь вызывающе, местр Гранхарсен. Особенно после того, что случилось.

— На вашем месте я бы заткнулся, капитан Местерхард, потому что у меня был очень хреновый день, и пара лишних лет таэрран меня совершенно не смущает.

Единичка тоже знал?!

То есть он все это время знал, что...

На этом я окончательно выпала в нерастворимый осадок.

Несмотря на то что шли мы не через основные залы, на нас смотрели. Я бы даже сказала, пялились: потому что всклокоченная девица в вечернем платье на руках знаменитого режиссера в сопровождении двух внушительных парней, шириной плеч не уступающих шкафам, один из которых ведет виари (мужчина, не шкаф), — такое зрелище увидишь не каждый день.

Перед глазами мельтешило: вслед за схлынувшим напряжением иссяк и остаток сил, и сейчас меня слегка потряхивало. Лица сливались в пестрый калейдоскоп, неоновая реклама заставляла жмуриться, поэтому, когда в лицо снова ударила духота зингспридской ночи, я судорожно вздохнула.

Гроу осторожно опустил меня рядом с флайсом, по-прежнему не отпуская моей талии.

— Блохастую на заднее сиденье, — скомандовал вальцгардам.

Те, хоть и с зубовным скрежетом (видно было по лицам), подчинились. Бэрри обиженно виркнула, когда ее затолкали во флайс. К счастью, меня никто во флайс не запихивал, я сама села. Точнее, упала на мягкое сиденье, игнорируя механический голос: «Пожалуйста, пристегнитесь».

Постойте-ка...

А куда мы едем?

— От моей квартиры ничего не осталось, — сказала я, когда Гроу оказался рядом, мазнув пальцами по панели управления.

— Знаю. — Это снова прозвучало резко.

Сквозь зубы.

— Откуда?

— От Паршеррда. — Это прозвучало еще резче.

И на десять градусов холоднее.

Разом вспомнилось все: ледяные пальцы и текущий вдоль позвоночника холод, когда я считала, что вот-вот оставлю его в Зингсприде. Короткая вспышка радости, когда он вошел в зал, и сильные руки на моей талии. Мы ни слова не сказали друг другу, но это было и не нужно, поэтому

сейчас его холод оказался обжигающе болезненным.

Выбившим из меня остатки сил.

Наверное, в эту минуту меня окончательно накрыло, потому что я ударила по кнопке поднятия дверцы и рванулась из салона обратно, на крышу.

— Ты рехнулась?! — процедил Гроу, рывком втягивая меня обратно.

Под его пальцами вспыхнула панель на моем сиденье, припечатывая меня ремнем к креслу.

— Рехнулась, ага! — Тоже шарахнула по панели, и ремень втянулся назад, освобождая меня. — Точнее, чуть не рехнулась, пока считала тебя пропавшим без вести! Спасибо, что избавил меня от необходимости оправдываться перед сестрой, но я лучше пойду.

Дверца снова поехала вверх, но не доехала: Гроу ударил по панели раньше, чем она успела подняться хотя бы до середины. После чего запечатал нас внутри блокировкой, приложив большой палец к сенсору.

— Никуда ты не пойдешь, Танни.

В его голос ворвались те самые интонации, которые звучали, когда он говорил с Леоной, а зрачок напоминал не то иглу, не то лезвие. Пламя, плеснувшее в меня, заставило задохнуться от смешанных чувств. Дикое, ни с чем не сравнимое влечение, которого я никогда раньше не испытывала, и почти звериная ярость.

Сумасшедший, полыхающий зеленью взгляд.

Гроу почти касался моих губ своими, и когда подался назад, из меня словно вытянули дыхание. Я видела, как зелень в темных глазах то набирает силу, то гаснет, и от этих перемен меня саму знатно потряхивало.

— Я тоже чуть не рехнулся, когда узнал, что ты сбежала в налет, — произнес он, не отпуская моего взгляда. — Эти придурки, твоя охрана, позвонили мне, и...

Вместо продолжения Гроу разблокировал управление и потянул пальцами шкалу набора высоты. Флайс на удивление плавно взмыл ввысь.

— И? — переспросила я.

— Это случилось за пару секунд до того, как меня арестовали.

Арестовали?!

— За что?!

— Как бы за нарушение общественного порядка во время налета.

Я чуть не подавилась воздухом, а Гроу продолжил:

— Видите ли, им была не нужна моя помощь. Мать их, у них город рушился, драконы орали от боли, а этот дебил орал мне в лицо, что я гражданский.

Видеть его глаза я сейчас могла только через зеркало заднего вида, и огня в них меньше не становилось. Напротив, с каждым мгновением зелень яростного пламени вытесняла цвет человеческой радужки.

— И что я должен валить в убежище. В конечном итоге, я сказал ему, что он может валить сам, и меня попытались скрутить.

Только сейчас я заметила запекшуюся кровь у него на скуле, прикрытый растрепавшимися волосами кровоподтек выползал из-под темных прядей. В общем, дальше можно было не продолжать, потому что я приблизительно представляла, чем может закончиться попытка скрутить Гроу, когда он этого не хочет.

— Поэтому вместо того, чтобы помогать, я весь налет сидел за решеткой.

Последнее он вытолкнул из себя через силу, и я понятия не имела, какой ценой ему дались такие слова. В меня странным образом ворвались смешанные чувства: ярости, боли и какой-то дикой, звериной тоски, а я приросла к креслу. Защищаться я умела отлично, но что делать в таких ситуациях, просто не представляла, поэтому предпочла сменить тему:

— Что случилось с драконами?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Полная хрень, если верить собственным чувствам.

— Ты можешь их чувствовать?

— А как же. Я не только могу их чувствовать, я чувствую то же, что и они. С тех пор как мы связали себя кровью, прошло до хрена времени, но суть от этого не меняется. Мы по-прежнему их чувствуем, поэтому меня знатно крыло перед налетом. Я думал, что все дело в моем дерьмовом характере, ан нет.

Я потеряла нить рассуждения после слов «связали себя кровью». Не его нить, свою, но сейчас, кажется, поняла, чем меня озарило.

— Подожди... но если вы их настолько чувствуете...

— В современном мире привыкли полагаться на системы слежения, а зря. Во времена Даармархского доверяли собственному чутью, и чем сильнее было это чутье, тем целее был твой народ. Сейчас мы все завязаны на электронике и технологиях. Из того, что мне удалось узнать, системы слежения Зингсприда были взломаны, поэтому налет не удалось предотвратить. То есть когда драконы обрушились на границу, было уже слишком поздно, стянуть вальцгардов не успели. Обезумевшие от боли звери ломались за щит, невзирая на то, что с ними творилось в городе.

Я обхватила себя руками не потому, что Гроу слишком сильно включил кондиционер, а потому что вспомнила лежавшего на земле дракона.

— Много их...

— Много.

— Мне жаль.

Слова вырвались у меня настолько скупые, что вряд ли могли передать то, что я сейчас чувствовала. Но судя по тому, как Гроу на меня посмотрел, судя по раскрывшемуся вертикальному зрачку, это он почувствовал тоже.

— Леона приедет во второй половине дня, — внезапно сказал он. — Но встретитесь вы, скорее всего, вечером.

— Мне все равно, — буркнула я.

— Не все равно. Она злится на себя гораздо больше, чем на тебя, Танни. Поэтому, как бы тебе ни хотелось ее прибить, имей это в виду.

Прибить ее мне действительно хотелось.

— Она не сказала, что с тобой все в порядке, — сдавленно пробормотала я.

— Со мной все в порядке.

— Но я этого не знала.

— Тем, кто стоит у власти, приходится принимать сложные решения.

— С чего ты вообще ее защищаешь?

— Не защищаю. По большому счету мне вообще до нее нет дела.

— Но?

— До тебя есть.

Я взглянула на него, чтобы перехватить короткую волну ударившего в меня пламени, потом Гроу быстро отвернулся.

— Откуда ты знаешь, что она приедет?

— Говорил с ее братом.

Пара мгновений моего залипания стоила мне ответа, и Гроу продолжил:

— По его приказу меня отпустили. Рингисхарр вообще на редкость адекватный тип. Даже странно, что ему удалось стать правящим.

— Не очень-то ты доверяешь правящим, — фыркнула я.

— Я вырос рядом с ярчайшим представителем этой породы.

Я пожевала губы, не представляя, что на это ответить. Небо над Зингспридом медленно светлело, открывая новый день для города, который начнется уже совершенно не так, как все представляли.

Леона приедет во второй половине дня.

Разумеется, приедет. Первая леди должна быть там, где случилась трагедия, особенно когда правящий пострадавшего города — ее брат.

Опустила взгляд на панель управления, где поверх датчиков заряда аккумулятора мигало время и дата. Суббота, шесть утра.

Суббота!

— А заседание?! — вырвалось у меня. — Его перенесли?

Ноздри Гроу шевельнулись, он резко повернулся ко мне.

— Откуда ты знаешь про заседание, Танни?

Да ну...

— А не должна? — поинтересовалась я. — Мелора пыталась сбросить меня с башни, то есть с балкона. Мне как-то хотелось конкретики по этому делу.

— Гм, — произнес Гроу и отвернулся, а я мысленно дала себе пинка.

Во-первых, вопрос был риторический: разумеется, заседание перенесли, а во-вторых... надо думать перед тем, как говорить. Потому что сообщать Гроу о том, что я собираюсь сделать, в мои планы пока не входило, и что-то мне подсказывало, что в восторге от этого он не будет. Особенно после случившегося.

Но пара лишних лет таэрран...

М-да.

Не знаю, к сожалению или к счастью, но мы прилетели. Опустились на парковку одной из тех элитных высоток, которые выстроились иглами на второй линии вдоль побережья. Отличались они этажностью и изобретательностью архитекторов: наша, например, напоминала закрученную спираль или модель ДНК в стекле. Вспомнилось, как я пырилась на нее, гуляя по пляжу лет десять назад, когда впервые приезжала сюда с Леоной и Рэйнаром. Как будто в другой жизни все это было.

Так, все.

Пока не выплусь, не буду думать о Леоне.

Вообще ни о чем думать не буду.

— А ее ветром не сдует? — поинтересовалась я, глянув за ограждение.

— Не сдует, — пообещал Гроу. — Во время штормов и ураганов включается силовой щит.

Могу себе представить, сколько здесь стоит квартирка.

Точнее, не могу.

Флайс вальцгардов опустился на свободное парковочное место, угрюмые и мрачные, они выкатились на крышу и потопали к нам.

— Может, их отпустить? — спросила я, поглаживая Бэрри, которая откровенно зевала.

Хочу быть, как виари.

Напугалась, обиделась — через две минуты уже все в порядке.

— Еще чего, — хмыкнул Гроу. — Во-первых, пусть выгуляют ее, мне в квартире сюрпризы не нужны.

— А во-вторых?

— А во-вторых, хрен ты их отпустишь, пока смена не придет.

Его ноздри по-прежнему едва уловимо подрагивали, а зелень из глаз никуда не девалась. Зрачки то вытягивались в полоски-лезвия, то раскрывались во всю ширину радужки, и тогда у меня начинало едва заметно покалывать кожу. Прежде чем я успела спросить, что это вообще такое, к нам приблизились вальцгарды.

— Это ваше. — Гроу бесцеремонно перехватил ошейник Бэрри у меня из рук, подталкивая виари к вальцгардам. — Парк внизу, всем доброго утра.

И, не дожидаясь ответа, рывком увлек меня к лифтам.

Нет, я, конечно, понимаю, что он злится, и все такое...

— А помягче нельзя? — поинтересовалась я, когда мы снова остались один на один.

— Помягче нельзя, — ответил он. — После того, что ты выкинула.

Началось.

— Думаешь, мне весело? — поинтересовалась я. — Весело знать, что из-за меня Рихта и еще двух парней ждет разбирательство?

— У Рихта и двух парней есть свои головы, — заметил Гроу. С ним вообще творилось что-то странное, потому что таким спокойным я его еще никогда не видела. То есть спокойным после такого. Я бы сказала, неестественно спокойным. — Что касается парней, они вообще могли набрать ближайший наряд и сказать: вытащите блохастую из такой-то квартиры в убежище. Все, проблема была бы исчерпана.

— То есть ты не считаешь, что я поступила неправильно?

Лифт щелкнул, раскрывая двери. Просторный холл уже был залит восходящим солнцем, притаившиеся по углам кадки с зеленью стали единственными свидетелями емкого вердикта:

— Я считаю, что ты заслужила хорошую трепку.

На этой оптимистичной ноте меня втоптали в квартиру, холл которой немногим уступал общему. Впрочем, это была последняя мысль, которая успела оформиться в моей голове, потому что меня толкнули к стене, запечатав между рук и обжигая звериным взглядом. Не только взглядом, в меня словно потоком ворвалась его сила, заставляя все волосы на коже вытянуться пружинками, дыхание сорваться, а желудок — бодрячком подкатить к горлу.

— За то, что рисковала собой, — прорычали прямо в лицо. — Поэтому, пожалуйста, Танни, будь хорошей девочкой. Не зли меня еще больше.

Не зли меня еще больше?!

— Я ее спасала! — выдохнула, мотнув головой в сторону входной двери, за которой где-то там, в парке, сейчас выгуливали виари.

— Только поэтому я с тобой сейчас разговариваю. Потому что тоже считаю, что бросать друзей в беде нельзя. А теперь смотри мне в глаза.

Учитывая, что я и так смотрела ему в глаза, последнее было излишним.

Равно как и то, что я почти не могла пошевелиться, чувствуя, как искрящее внутри напряжение протягивается по венам резкими ударами сердца.

— У меня интоксикация пламенем. Такое очень редко, но случается. — Гроу говорил медленно и очень спокойно, и, кажется, только сейчас я начинала понимать почему: боялся сорваться. — Случается, когда было общение с драконом, но впоследствии силу долгое время приходилось удерживать в бездействии, как произошло во время ареста. Поэтому сейчас я пойду в душ, а ты будешь сидеть на первом этаже и ждать, пока я выйду. Там вода, мне станет легче. Ты не зайдешь ко мне, что бы ни услышала, это понятно?

— Понятно, — тихо сказала я.

Понимая, откуда все эти чувства: продирающая до дрожи звериная ярость и боль.

— Надеюсь. — Он оттолкнулся от стены и направился в сторону лестницы, уводящей на второй этаж двухуровневой квартиры. Махнул рукой. — Кухня там. В холодильнике даже есть что пожрать.

Он это сейчас серьезно?

То есть он сейчас серьезно думает, что после слов «у меня интоксикация пламенем», после всего случившегося я сяду у него на кухне и буду жрать?!

Наверху хлопнула дверь, и только тогда меня отпустило.

Я сделала пару шагов в сторону кухни и остановилась.

Нет, сидеть на кухне я тоже не буду.

Гостиная у Гроу оказалась огромной, но я пересекла ее в два шага, а точнее, в два удара сердца. Положила руку на перила, чувствуя, как от ладони пульс вбивается до самой груди.

Интоксикация пламенем.

Я не представляла, что это такое, и представлять не хотела, но точно знала: не хочу оставлять его с этим один на один. Найти ванную труда не составило, вернее, я просто толкала все двери подряд, пока не нашла нужную. Увидела валяющуюся на полу рубашку и спину Гроу. Мощную,

под смуглой кожей перекачивались напряженные мышцы.

Реакция у него была отменная: вдох — и вслед за яростным взглядом в меня врывается ярость пламени, оглушая, отбрасывая назад все лишнее, кроме одного-единственного желания. Быть со стоящим рядом со мной драконом единым целым.

Выдох — и вместо пламени я чувствую пустоту.

— Ты сказала, что все поняла, Танни.

Это уже не голос человека, это рычание зверя, и вертикальный зрачок, объятый пламенем, гипнотизирует.

— Я не сказала, что не пойду за тобой.

Между нами было несколько шагов, и я сделала первый.

— Ты понимаешь, что творишь? — процедил он. — Ты понимаешь, что зверь воспринимает тебя как самку?

— А ты? — Я сделала еще шаг.

Может, это и было глупо, но я слишком долго убегала, чтобы сейчас просто уйти.

— Танни, — хрипло произнес он. — Уходи. Еще пара секунд — и я тебя уже не отпущу.

Еще шаг — и я уже могу дотянуться до его лица.

Касаюсь резкого подбородка, чувствуя под пальцами жесткую щетину.

И так же хрипло выдыхаю:

— Не отпускай.

А потом рывком подаюсь вперед и впиваюсь губами в жесткие губы.

Не отпустил.

Одно движение — и меня уже вжимают в стену. Губы тоже не отпуская, выпивая выдохи, возвращая вдохи, прикусывая кожу, из-за чего по телу проходит волна сумасшедшей дрожи, вслед за которой в меня врывается огонь.

Заставляя всхлипнуть и податься вперед.

Еще ближе, еще острее, еще ярче.

На миг, когда Гроу прерывает поцелуй, воздух течет по горящим губам жидким льдом. Этот миг кажется безумно длинным, когда мой пульс бьется в браслеты его ладоней. Мои руки он тоже вжимает в стену, впиваясь в меня совершенно звериным взглядом. Пламя течет сквозь него, окутывая меня струящейся дымкой, заставляя соски стянуться плотными твердыми горошинами.

Он это замечает — взглядом скользнув по вырезу моего платья перед тем, как раскрыть мой рот новым глубоким поцелуем. И в этот раз места дыханию уже не остается: губы обжигает укус, и я кусаю в ответ, слыша

утробное рычание, рвущееся из груди. Из моей, из его — непонятно.

Есть что-то совершенно безумное в том, чтобы целоваться, не закрывая глаз.

Безумное и невероятно притягательное, потому что когда его зрачки раскрываются на полную, я вжимаюсь бедрами в его пах. Вжимаюсь так сильно, что даже сквозь платье и джинсы чувствую каждую клеточку его пресса, всю твердость его желаний, вдоль которого скольжу, слегка приподнимаясь на носки.

И тут же резко вниз, срывая теперь уже точно его рычание, эхом отзывающееся во мне. Пальцы на моих запястьях сжимаются сильнее, по губам снова скользит ледяной воздух. Впрочем, сейчас мне уже не до льда, потому что во мне пламя — живое, бегущее по венам, бегущее сквозь нас.

— Любишь дразниться? — хрипло произносит Гроу.

Меня подхватывают под бедра раньше, чем я успеваю не то что ответить — вздохнуть.

Одно движение — и мы становимся единым целым под выдох-рычание-крик или стон, разделенный на двоих. Резкий рывок назад, от которого из меня словно выходит воздух, и Гроу тоже.

Почти.

Этого «почти» хватает, чтобы я слегка подалась вперед, и пламя скользнуло вдоль стен.

Вдоль стен, по нам, по душевой, или мне это просто кажется, потому что я по-прежнему смотрю в эти сумасшедшие глаза, и мир вокруг окрашен в зеленый. Дымчатые ленты вьются над нами в воздухе, полосуюя заполнивший ванную комнату пар, а я кусаю губы от дикого, звериного, почти болезненного наслаждения. Нашего общего, которое я читаю в раскрытых во всю радужку зрачках.

Что-то шипит, раздаётся какой-то скрежет, но мне уже не до него.

Пламя течет по коже, впитываясь в меня, как вода в губку, и от этого срывается дыхание. Хочется кричать, и я кричу, впиваясь ногтями в плечи Гроу, сжимая пальцы на влажных темных прядях. Кричу на каждом движении врывающегося в меня пламени.

На каждом движении.

Впиваясь в губы напротив моих с такой яростью, словно от этого зависит моя жизнь.

Короткая вспышка боли. Скольжение языка по губам. Обрыв.

Стена за моей спиной каким-то чудом остается холодной, но обжигает ничуть не меньше ладоней под ягодицами.

Ничуть не меньше пальцев, жалящих кожу жестким прикосновением.

Сумасшедший контраст льда и пламени, от которого перед глазами все плывет, а напряженные плечи под моими ногтями становятся просто каменными.

Сумасшедший ритм, в котором я давно уже потерялась, перестала быть, стала чем-то... или кем-то новым рядом с ним.

И он, кажется, тоже, потому что обжигающее щеку дыхание течет по скуле, протягивает за собой по коже его шепот:

— Тан-н-нии. Моя несносная Тан-н-нии...

В срывающемся ритме это ударяет ничуть не слабее пламени, и удовольствие, собирающееся тугим жаром внизу живота, идет по нарастающей. Волной изумрудного цвета, высотой, которая накроет меня с головой и утащит на дно, откуда одной не выбраться.

Но я ведь больше не одна, правда?

Поэтому не отказываю себе в удовольствии прошептать:

— С днем рождения, Джерман.

Глядя ему в глаза.

Сильнее сводя ноги на его бедрах и сжимаясь... тоже сильнее, отпуская себя в полыхнувший взгляд, как в эпицентр шторма.

Волной меня все-таки накрыло, ударило сильно и резко.

Огненной пульсацией, рычанием в губы, моей дрожью и его дрожью — в ответ.

Дрожью, бьющей в меня вместе с освободившимся пламенем, накачивающей наслаждением снова и снова, до одури, до мельтешащих перед глазами искр и странного, рассыпающегося металлом и стеклом звона в ушах.

Кажется, я снова кричала, и кажется, на этот раз его имя.

Впиваясь ногтями в его плечи и подаваясь навстречу снова и снова. Горящие от поцелуев губы обожгло, а пламя, лизнув потолок, обрушилось на нас всей своей мощью.

Содрогаясь в кольце сильных рук, я цеплялась за взгляд Гроу.

Цеплялась, пока языки пламени таяли в воздухе под ритмичные удары сердца. Пока сквозь рассеивающийся пар, все еще подрагивающая, прижатая к стене сильным телом я не увидела душевую кабину. Ее очертания выступали из дымки, как водный дракон из стелющегося над океаном тумана.

Цеплялась, пока он не подался назад, позволяя мне осторожненько сползти на пол, но по-прежнему придерживая за талию.

Цеплялась, пока не вернулась в реальность вместе с ним, пока зелень из его глаз не вытеснил простой цвет человеческой радужки. В эту минуту

Гроу посмотрел мне в глаза и сказал очень выразительно и отчетливо:

— Когда-нибудь, Танни, я тебя убью.

Да, это определено именно то, что я хотела сейчас услышать.

Впрочем, озвучить свои мысли я не успела: пар окончательно рассеялся, и я отчетливо увидела душевую кабину. Часть стены была выломана вместе с душем, стекло осыпалось и лежало аккуратной горкой, из трубы хлестала вода (судя по всему, пар был именно от нее).

— Упс, — сказала я. — Это что, мы закипятели водичку?

То есть сейчас она, кажется, уже была не горячая. Я надеюсь. Потому что лужа медленно, но верно подбиралась по дорогущей плитке к нашим ногам.

— А ты как думаешь? — огрызнулся Гроу и переставил меня подальше.

После чего подтянул джинсы и направился к кабине, смачно хрустя осколками под подошвами. Пока он перекрывал воду, на меня напал ржач. То есть самый настоящий ржач: я стояла и давилась смехом, который пер из меня, как пар из несчастной трубы, и только когда Гроу обернулся ко мне, плотно сжала губы.

— По-твоему, это смешно, Танни?

— Мм... — Я кивнула.

Выражение лица режиссеродрокера (сейчас именно в таком порядке) внушало серьезные опасения, но, несмотря на это, я не могла перестать давиться смехом. У меня даже слезы на глазах выступили.

— Тан-на, — процедил он, шагая ко мне.

— Скажи это еще раз, — попросила я, проглотив сдавленный смех.

Вместо ответа ко мне подошли рывком и так же рывком вздернули в воздух, перекидывая через плечо. Подобное обращение отозвалось не самыми приятными ощущениями там, где только что было очень приятно, поэтому «ай» сдержать не получилось.

— Что — ай? — рыкнул Гроу, вынося меня из раздолбанной ванной и пинками сбивая с ног мокрые ботинки, чтобы не наследить.

— А ты как думаешь? — огрызнулась я, испытывая желание укубить его за ухо.

— Рядом с тобой я не знаю, что и думать.

— У меня, знаешь ли, десять лет не было секса, а ты перекинул меня через плечо, как мешок корма для Бэрри.

Слова вырвались раньше, чем пришло осознание сказанного, но сказать это определено стоило: хотя бы ради того, чтобы увидеть его лицо. Опустили меня на пол уже аккуратнее, и недоумение, отразившееся в

темных глазах, тут же сменилось прищуром.

— Ты, вообще, чем думала, когда ко мне пришла?! — рыкнул Гроу.

— Рядом с тобой у меня думать не получается, — хмыкнула я. — Потому что ты либо орешь, либо издеваешься, либо обещаешь меня убить. В драгоценные моменты твоего адекватности я вообще теряюсь, потому что, как вести себя с нормальным Джерманом Гроу, ни в одном пособии по общению с драконоподобными не написано.

— Кто бы говорил про адекват, — процедил он.

Но на этот раз на руки меня поднял уже гораздо более бережно. И, наверное, я даже не хотела вырываться и заявлять, что пойду сама.

— Куда мы идем?

— В другую ванную.

— Ее доламывать?

Я прикусила губу, потому что под тяжелым взглядом Гроу смех съезжился и заполз обратно. Здравый смысл, видимо, тоже.

— Слушай, так тебе, получается, кофемашина не нужна? Бросил перемолотые зерна, плеснул водички, стоишь-помешиваешь, а из-под пальцев пар идет?

— Танни, это не шутки, — произнес он. — Интоксикация действительно очень опасна. Я удержался, но если бы зверь перехватил контроль...

— Но он не перехватил. — Я коснулась пальцами его подбородка. — И теперь никакой интоксикации нет, насколько я поняла. Тебе хорошо, и мне хорошо. Всем хорошо.

Гроу скрипнул зубами и толкнул ближайшую дверь плечом.

Эта ванная была чуть поменьше, но по оформлению (черное с платиной) мне понравилась даже больше. Дальнюю стену, у которой стояло джакузи, сейчас закрывали жалюзи, и мне вдруг стало интересно.

— Там панорамное окно?

— Ага.

Гроу поставил меня на пол, скользнув пальцами по ягодицам.

— Не соврала, — хмыкнул он. — Белья и правда нет.

— Такими вещами не шучу, — гордо ответила я, понимая, что прикосновения его пальцев сейчас носят отнюдь не невинный характер. Платье поползло вверх, Гроу вниз, а потом я задохнулась от прикосновения его губ, заставивших содрогнуться от дикого, ни с чем не сравнимого удовольствия.

Мне казалось, что оно во мне кончилось, выгорело под напором льющегося сквозь меня пламени, но нет. Сейчас под движениями его языка

и губ во мне зарождалось новое, мое собственное, заставляющее цепляться за полотенцесушитель, холодный металл которого обжигал пальцы.

В тот момент, когда я содрогалась от почти нежных, болезненно-сладких спазмов, искрами рассыпающихся от низа живота по всему телу, по квартире разнесся звонок. Гроу оторвался от меня, не отказав себе в удовольствии последней короткой ласки, заставившей меня выгнуться дугой, после чего поднялся.

— Блохастую привели, — сказал он. — Пойду встречу.

Глядя в потемневшие глаза, ставшие такого же цвета, как его любимый кофе в бесконечно черной чашке, я с трудом удержала сдавленный стон.

— Ненормальный, — выдохнула.

— Чокнутая, — не остался в долгу он. — В душ. И спать.

В душ действительно хотелось, я давно не чувствовала себя настолько опустошенной... и полной одновременно. Эта странная двойственность и заставила расстегнуть платье, позволяя ему серебристым пеплом осыпаться на уголь плитки, а после шагнуть в кабину. Внутри все до сих пор сладко сжималось даже от воспоминаний, но помимо этого мне отчаянно, дико не хватало огня.

То короткое время, что сила Гроу проникала в меня, текла по венам, заставляя кровь кипеть, сейчас казалось невыносимо далеким и отчаянно желанным. Интересно, когда во мне проснется огонь, этой пустоты больше не будет?

Я вскинула ладонь и пошевелила пальцами.

— Слушай, ты, — сказала я. — Если ты ждал момента, чтобы проснуться, то вот он.

Поводила ладонью туда-сюда.

В том, что во мне есть огонь, я уже не сомневалась: иначе вряд ли я могла бы так ярко чувствовать рядом с Гроу. Нет, не так: иначе вряд ли я могла бы так чувствовать нас.

Бегущее по коже пламя, не обжигающее, а разогревающее.

Раскаляющее изнутри, доводящее эмоции и чувства до той грани, когда они становятся почти звериными.

— Давай, засранец. Хотя бы искорку, ну?

Искорки мне не дали, и я, подрыгав пальцами и потеряв ладони, эту затею оставила. Как бы там ни было, этим точно лучше заниматься не в одиночестве.

Впрочем, в одиночестве мне побыть не удалось: Гроу вернулся и решил не ждать, пока я закончу. В общем, как-то так получилось, что вышли из душа мы далеко не сразу, а когда вышли, в голове у меня уже не

было ни одной связной мысли, и колени дрожали. Такой меня и отнесли в спальню, где завернули в себя (бесцеремонно протолкнув колено между моих бедер) и в покрывало.

На краю сознания мелькнула мысль, что я вообще-то не собиралась с ним спать, но спать хотелось безумно. Поэтому под рычание: «Хватит ерзать, Зажигалка», — и легкую дрожь, прокатившуюся по прихваченной зубами коже плеча, провалилась в сон.

ГЛАВА 2

Из сна я выплыла под резкое:

— ...Наблова задница!

Впрочем, выплыла — слабо сказано. Вынырнула как поплавков, от которого отцепили грузик, и теперь он покачивался на волнах, пытаясь понять, что с ним происходит. В отличие от поплавка, я все вспомнила быстро, особенно когда уткнулась носом в аромат сигарет и кофе, читай, в соседнюю подушку. Владелец подушки стоял у панорамного окна, сверкая подтянутой задницей и сжимая в руке мобильный с такой силой, словно собирался запустить им в стену.

— Сколько времени? — спросила я, приподнимаясь на постели.

Знаю, не самый удачный вопрос, но лучшее из того, что сейчас пришло мне в голову.

— Два часа. — Гроу обернулся, швырнул телефон в кресло и подошел ко мне. — Разбудил?

— Ага.

— Я не специально. Поставил на вибзвонок, но с некоторыми все равно не получается говорить спокойно.

Пока я раздумывала, кто это был и стоит ли об этом спрашивать (или наши отношения еще не зашли так далеко?), Гроу опустился рядом со мной на кровать.

— Душ у нас теперь один, поэтому я тебя пропускаю.

— Как это благородно с твоей стороны.

— Ты даже не представляешь, насколько.

Он посмотрел на меня так, что я поняла: если сейчас не свалю в душ, быть мне безжалостно тр... гм, в общем, из спальни меня одну не выпустят, а у меня и так после долгого воздержания и физических нагрузок определенного рода все натурально побаливало. Напомнив себе об этом, я быстренько завернулась в простыню и слиняла раньше, чем успела задуматься о его губах и утреннем поцелуе.

Хотя правильнее будет сказать дневном.

Спали мы от силы часов шесть, но я почему-то чувствовала себя бодрячком. Да таким, каким не помнила себя уже давно, в связи с чем возникало несколько животрепещущих вопросов. Например, что мне делать дальше. Нет, секс действительно вышел феерический, и если не считать того, что после мы вместе заснули, все было просто отпад. Тем не

менее мы действительно спали вместе, и как с этим быть, я не знала. Наверное, это все-таки больше, чем секс.

Самую малость.

И что дальше?

На этой мысли я прибавила душ, подставляя ладонь под подачу шампуня, и чуть ее не отдернула, когда на нее плюхнулась кремообразная масса.

Нет, я всерьез думаю о будущем с Гроу?!

От того, чтобы врубить холодную воду, меня удержал только инстинкт самосохранения (не хотелось опять ходить с красными носом и лепить пластинки на горло).

Из душа я вышла в глубокой задумчивости, причина которой возлежала на постели, не потрудившись даже прикрыться, и что-то остервенело набивала на планшете. Впрочем, стоило мне появиться, планшет тут же отложили.

— Соскучилась, Зажигалка?

Р-р-р!

— Не передать как, — хмыкнула я. — В этом доме халаты вообще водятся?

В ванной я халата не нашла, только мое платье, по-прежнему лежащее на полу, но разгуливать в вечернем платье не первой свежести (единственном, которое выжило, кстати) не представлялось возможным. Стоило вспомнить о налете, как меня продрало ознобом, я не обхватила себя руками исключительно потому, что не хотела выдавать свои чувства.

— Нет. Но все мои рубашки к твоим услугам. — Гроу тут же поднялся, пересек комнату и открыл шкаф.

Приблизиться к голому драконорежиссеру я посчитала стратегически неверным, поэтому сложила руки на груди.

— У тебя нет ни одного халата?

— Зачем они мне?

Действительно, зачем.

— Ладно, — сказала я. — Иди в душ.

Гроу приподнял брови.

— Уже командуешь, Зажигалка?

— А тебя что-то не устраивает?

— Да нет, я в экстазе. Ты, главное, кофе не забудь сварить, пока я буду мыться.

Че-го?!

— С перцем? — уточнила я.

— Не сомневаюсь в том, что ты любишь погорячее.

На ходу меня шлепнули по заднице: в основном по полотенцу, но зацепив пальцами кожу бедер, которая от этого прикосновения вспыхнула. И вовсе не от удара, а от воспоминаний, на которые моя озабоченная сущность мигом отреагировала всем телом.

— Эй! — запоздало рыкнула я в режиссерскую спину.

— Мне без сливок, — невозмутимо отозвался он.

— Я делаю самый дерьмовый в мире кофе.

— Это все потому, что тебе некому было его готовить. Кстати, блохастая в печали на кухне, твоя охрана купила ей корм и миски, но я ее не кормил.

Бэрри!

— Твой клатч там же. — Это было последнее, что я услышала, перед тем как Гроу скрылся за дверью ванной.

Угу.

Сбросив полотенце, я развернулась к шкафу и выбрала рубашку подлиннее (как мне казалось). На самом деле она едва прикрывала ягодицы и бедра, поэтому пришлось топтать к душевой и, приоткрыв малюсенькую щелочку, интересоваться:

— Можно одолжить твой планшет? Мне нужно заказать себе одежду.

И много чего еще, но об этом я решила пока не думать.

— Не вопрос. Пароль «Гайер414в розовом трико». «Г» с большой буквы.

— Ты сейчас так пошутил?

— А ты проверь.

После проверки я поняла, что еще многого не знаю о Гроу, а богатая фантазия художника по спецэффектам к трико добавила балетную пачку. Тряхнув головой, я с планшетом под мышкой спустилась вниз, где на кухне и впрямь лежала очень печальная Бэрри, уткнувшись носом в угловые шкафчики. Она даже не пошевелилась, когда услышала мои шаги.

— Бэрри, — виновато сказала я, опустившись рядом с ней. — Бэрри, ну прости, меня просто вырубил, правда.

Тяжкий вздох.

— Бэрри! — Потянулась, чтобы ее погладить, но виари дернула головой. — Бэрри! Еда!

Тишина, только дернулся кончик хвоста.

Вздыхнув, распечатала корм (огромный пакет, вальцгарды не поскупились), насыпала его в одну миску, во вторую налила воды и направилась к кофемашине фирмы «Ваджарс» — лидера по производству

таких элитных и дорогущих агрегатов, который ехидно подмигивал мне огоньками спящего режима.

— Ладно, чудовище, — сказала я. — Давай ты сделаешь чуть менее дерьмовый кофе, чем обычно, когда я к нему прикасаюсь.

Удивительно, но сейчас мне действительно захотелось приготовить нормальный кофе. Впервые в жизни я задумалась об этом и словах Гроу, что раньше мне было не для кого его делать. А вдогонку еще и о том, что он поставил мобильный на виброзвонок, чтобы меня не будить.

От всего этого голова шла кругом, поэтому я предпочла сосредоточиться на готовке кофе. Кухня была огромная, не в пример моей, я даже не представляла, сколько буду искать зерна, но, открыв дверцу шкафчика над кофемашиной, сразу же их обнаружила.

Отлично.

За спиной раздался хруст, и это тоже было отлично, потому что Бэрри принялась за еду. Сейчас поест, пообедает, мы с ней погуляем и помиримся. Хотя... нет, не погуляем, мне не в чем.

Осознание этого заставило меня ускориться, и когда пошел процесс варки, я уселась на барный стул, подтянула к себе планшет и клатч (к счастью, документы и карты всегда были со мной).

Первым делом открыла сайт с бельем, наспех накидала в корзинку подходящие модели от знакомых дизайнеров, выбрала «срочную доставку» и залипла на рекламе. Соблазнительное белье меня раньше в принципе не привлекало, но сейчас я не могла отвести от него взгляд. Кликнула по баннеру и залипла повторно. Эффектная новинка, стоящая как... ну, пусть будет, как оборудование для спецэффектов, которое мне тоже вскоре придется заказывать, — так вот, комплект — пепельное кружево с нежнейшими белыми вставками, прикрывающее все, что должно быть прикрыто, но не больше, не отпускал.

Интересно, Гроу понравится?

— Супер.

Да чтоб тебя!

Я подскочила на стуле и не свалилась с него только потому, что сзади оказался Гроу, и я впечталась в его грудь.

Когда только успел подкрасться?

— Одеться не хочешь? — поинтересовалась я, потому что из одежды на нем было только полотенце. — И вообще, подглядывать нехорошо.

— Не хочу. Обожаю подглядывать, Танни.

Последнее он произнес, положив руки мне на бедра. Да-а-а, белье мне точно нужно.

Срочно!

— Ты кажется, кофе хотел? — фыркнула я.

Стараясь сосредоточиться на кофе, а не на том, как его дыхание течет по моей коже искрами.

— Все еще хочу.

Мы сейчас все еще о кофе?

— Вот! — Я вскинула руку, указав на кофемашину, которая зашипела, готовясь плевать в чашки тем... в общем, тем, что у меня получилось.

— А как насчет за мной поухаживать?

От такого заявления я поймала свою челюсть на подлете к столу.

— Я тут занята немного, — хмыкнула, чтобы скрыть очешуение.

— Сексуальным бельем, я вижу.

— Вообще-то не только. Я собиралась искать квартиру.

— Перебьешься, — заявил драконорежиссер, отнимая у меня планшет. А потом добавил: — Тем более что в ближайшее время я переезжать не планирую.

Э-э-э... это точно было не совсем то, что я ожидала услышать, поэтому вывернулась из рук Гроу и пошла ухаживать. То есть подавать кофе, пока он еще не остыл и не превратился в самую дерьмовую помойную бурду в мире.

Развернулась с двумя чашками и снова чуть не влетела в Гроу.

Да что ж за идиотская манера такая подкрадываться! И как он только так ходит?

— Подсластители, специи, соль? — поинтересовалась как бы между прочим.

— Поцелуй, — заявил он и, прежде чем я успела икнуть, перехватил меня за талию, целуя в губы.

Танцую на перилах, я не раз чувствовала себя акробаткой, но вот жонглером — ни разу. До этого дня. Потому что удержать две чашки на вытянутых руках, когда тебя целуют: глубоко, яростно, а из преграды между тобой и одним озабоченным драконом только полотенце и тонкая ткань рубашки — задача не из легких.

В общем и целом я с ней справилась, даже дыхание не сбилось.

Почти.

А то, что я облизнула губы, когда он отстранился, и что по телу прошла дрожь — так это так, ерунда.

— Значит, кофе, — перехватив чашку из моих рук, он сделал глоток и даже не скривился.

Видимо, после забубенистого коктейля «перцовый атас» уже ничего не

страшно. Тем не менее свой кофе я пробовала осторожно и, честно говоря, удивилась. Потому что, в отличие от всего, что я готовила раньше, этот можно было пить.

— Кофе, — зачем-то повторила я, снова опускаясь на стул и подтягивая босые ноги на перекладину.

— Как лодыжка?

— Жива.

В общем, ее даже не дергало, припухлости тоже не наблюдалось.

— Хорошо, что жива, — хмыкнул Гроу. — Насчет ключей...

— Слушай, я не могу просто остаться жить у тебя.

Ну вот. Не так уж сложно было это сказать.

— Почему?

Чешую мне в рот!

— Потому что я не готова. — Я покрутила чашку в руках. — Мы, в общем... как-то совсем недавно чуть ли не подрались...

— Ты — моя девочка, Танни. Не вижу причин жить отдельно.

Не девчонка, и на том спасибо.

— А тебе в голову не приходило, что мне надо привыкнуть к статусу твоей девочки?

— Это не статус, это тяжелая повинность с обязательной отработкой по ночам.

После такого заявления я поперхнулась и чуть не выплюнула кофе.

— А если серьезно?

— А если серьезно. — Гроу открыл шкафчик и вытащил запасные ключи. — Вот. Это твое.

— Мне надо заказать обувь, — сказала я, принципиально не глядя на карточки, лежащие на столе.

Гроу приподнял брови, тем не менее подтолкнул ко мне планшет. Он проехался по столешнице и чуть не свалился на пол, что касается меня, я сама с трудом удерживалась от того, чтобы не грохнуться со стула. Не столько от заявления Гроу, сколько от своих мыслей на тему, что это не такая плохая мысль.

Нет, это очень плохая мысль!

Очень-очень плохая.

Просто самая плохая из всех, которые только можно себе представить!

Осторожненько отставив кофе, я подхватила планшет и открыла свой любимый обувной магазин, откуда у меня была вся обувь в принципе. Наспех выбрала несколько моделей, пару раз промахнувшись с размером

(потому что под пристальным взглядом Гроу было ну очень сложно сосредоточиться), но потом все-таки сделала заказ.

— Танни.

— А?

Гроу подошел ко мне, я бы сказала, приблизился — столь стремительно, что я даже спрыгнуть со стула не успела.

— Для меня это тоже... как бы сказать, новый опыт.

— Угу, — многозначительно ответила я.

По-хорошему, обсуждать такое, когда от взгляда глаза в глаза что-то внутри плавится, а пальцы нестерпимо покалывает от желания прикоснуться к мокрым, тяжелым от воды прядкам, отвести их, повторяя губами этот след... короче, не самое это верное решение.

— У меня никогда не было желания впустить кого-то в свою жизнь... — Он оперся о столешницу, еще больше сокращая расстояние между нами. — Я уже говорил, что, когда речь заходит об отношениях, для меня это какой-то новый уровень. Но с тобой я хочу попробовать. Именно с тобой, Танни. И предлагаю сделать это вместе.

У ир்தханов к приказам и огню, случайно, дар убеждения в нагрузку не прилагается, нет?

— Обещаю об этом подумать, — выдала я, потому что не представляла, что еще сказать.

Точнее, представляла, но: «я тоже хочу попробовать вместе с тобой» в моей системе координат уводило в какие-то совсем заоблачные выси. А у меня еще крылышки пока не отросли. То есть недостаточно отросли, чтобы взять такую высоту и безболезненно с нее хряпнуться.

— У тебя есть время до вечера.

— Че-го?

— До вечера, — невозмутимо заявил Гроу.

— Потом приглашение аннулируется?

— Нет, потом я запру тебя в спальне и не выпущу оттуда до тех пор, пока ты не согласишься.

Представив себе, как именно меня будут убеждать, я пробормотала себе под нос емкую характеристику:

— Дракон озабоченный. — После чего поднырнула ему под руку.

— Я не шучу.

— У нас завтра съемки, так что никуда ты не денешься.

— Послезавтра.

— Что?

— Съемки послезавтра, Танни.

Мы переглянулись, и я вдруг поняла, что в его голосе больше нет рычаще-игривых интонаций. За случившимся утром как-то отодвинулось то, что случилось ночью, но оно никуда не делось. Если не сказать больше: солнце над Зингспридом заливало город, переживший самый страшный налет на Аронгару за последнюю пару столетий. Закусив губу, я смотрела в окно по контуру профиля Гроу. Черты его лица на миг заострились, снова становясь звериными, кровоподтек и ссадина на скуле сейчас особенно выделялись.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я шагнула к нему, приподнимаясь на носочки и касаясь губами ссадины. Может, огонь во мне пока не проснулся, но внутри было тепло, которым я хотела поделиться без какого-либо подтекста. И то, как он сжал мою руку, сейчас сказало о многом.

Момент нарушила Бэрри: решив, что я уже достаточно наказана невниманием, протопталась по нашим босым ногам, пролезая между нами и вдобавок ко всему стягивая с Гроу полотенце.

— Мне надо позвонить, — сказал он.

И я кивнула.

— Виу, — заявила Бэрри, мотнув головой в сторону холла.

Проводив Гроу взглядом, почесала виари за ухом.

— Мне не в чем с тобой гулять, пушистая. Пойду узнаю, есть ли кто на базе.

На базе по-прежнему был Единичка с напарником. Несмотря на то что они отчудили, мне даже на миг захотелось пригласить их в квартиру и сварить кофе. Впрочем, я тут же напомнила себе, что, во-первых, это квартира Гроу — да, именно так и никак иначе! А во-вторых, Рон собирался меня увезти, невзирая на мое желание остаться, хотя знал о Гроу и заставлял меня считать его пропавшим без вести.

Последнее вообще как-то резко выключило режим сострадания, поэтому я поинтересовалась:

— Когда будет смена?

— Через два часа.

— Здорово. Если вас не затруднит. — Я кивнула на Бэрри.

— Мы не имеем права оставлять пост.

— Сегодня утром вы его оставили.

— Сегодня утром обстоятельства изменились.

— Какие именно? — Я вскинула брови.

— Об этом вам расскажет мэстра Халлоран.

Ладно.

Как знаете.

Я с силой захлопнула дверь, от души, после чего повернулась к Бэрри.

— Придется потерпеть, зверь.

Не просить же Гроу с ней гулять, честное слово.

Хотя... почему бы и нет. Представив себе драконорежиссера, бодро скачущего за Бэрри по дорожкам парка, улыбнулась. С этой улыбкой, не переставая чесать подставленную башку, я и обернулась, чтобы наткнуться на взгляд вышедшего в холл Гроу.

— Это тебя. — Он протянул мне мобильный.

— Леона?

— Нет. Ленард.

Ленард!

Я выхватила трубку раньше, чем Гроу успел что-то сказать.

— Ленард! Как ты? У вас все хорошо?

Еще до того, как он ответил, я поняла, что не все. То ли по паузе, которая резанула слух, то ли по выражению лица Гроу.

— В общем, нет... — донеслось глухо из трубки. — Мои родители, Танни... Их больше нет.

Я готовилась ко всему, но к тому, что увидела, оказалась не готова. В одном из срочно организованных волонтерских центров, располагавшемся на первом этаже, люди сидели прямо в коридорах. В том, в чем вышли вчера вечером из дома, в перепачканной сажей одежде, с пустыми, потерянными лицами.

Каждый из них кого-то потерял.

Я старалась об этом не думать, но не могла. Поэтому была искренне благодарна Гроу за то, что не отпускал мою руку ни на минуту, больше того, держал мои пальцы так, словно я собиралась вырваться. Удивительно крепко и в то же время нежно, словно пытаюсь через это прикосновение вытянуть из меня весь кошмар, который сейчас творился в моей голове. Впрочем, гораздо страшнее было то, что творилось наяву.

Мы остановили девушку-волонтера, которая бежала мимо нас, и пробежала бы, если бы Гроу не перехватил ее за локоть.

— Нам нужен Ленард Харинсен.

Она взглянула на нас так, что я поняла: ей сейчас гораздо хуже, чем мне. Тем не менее выдернула планшет из-под мышки и вбила имя.

— Комната 1451 А, это самый конец коридора, налево, — быстро выпалила она и побежала дальше.

На нас редко поднимали взгляды, но если честно, мы не сильно

выделялись. Я в рубашке Гроу и его же джинсах, затянутых ремнем, в котором проделали вилкой дыру, потому что отверстий под пряжку не хватило. И он с растрепанными после душа волосами, так и не успевшими высохнуть: услышав голос Ленарда, я поняла, что ждать не буду. Ни секунды, поэтому получилось так, как получилось.

Вальцгарды неотступно следовали за нами, даже несмотря на присутствие Гроу, но мне было не до них. Когда повернули в коридоре, чуть не сбилась с шага, а потом замерла: дверь в комнату, на которую указала волонтер, была приоткрыта.

И заполнена детьми.

Кто-то плакал, совсем малыши возились в углу с пожилой женщиной, у которой тоже был бейдж волонтера. На этом моменте я поняла, что сейчас мне придется расцепиться с Гроу, потому что иначе я просто позорно уткнусь лицом в его плечо и не двинусь с места.

Глубоко вздохнув, отняла руку и шагнула в комнату.

Ленард стоял у окна, его рыжие вихры горели огнем, несмотря на заливающий комнату яркий солнечный свет. Не представляя, что делать и что говорить, я тем не менее ускорила шаг и приблизилась к нему.

— Привет.

Он обернулся, и у меня перехватило дыхание: от взгляда мальчишки мало что осталось, он словно разом повзрослел на несколько лет. И слова у него были совершенно другие, взрослые:

— Привет. Спасибо, что приеха... ли.

Ленард бросил взгляд за мое плечо, и я шагнула к нему.

— Нам нельзя выходить, поэтому... пока тут. — Он кивнул.

— Пока?

— Да, меня должны забрать в интернат. Я, как бы это поточнее выразиться, несовершеннолетний.

Слова, которые он говорил, рвали мне душу, но больше всего меня убивал его голос: пустой, надломленный, страшный.

— У тебя нет родственников?

— Есть. Тетка. — Впервые за все время его губы скривились, выдавая эмоции. — Но она живет во Флангстоне, и ей на меня положить. То есть она собирается приехать через два дня. Так мне сказали. А как будет на самом деле...

Я обернулась к Гроу, и он чуть ли не силой выпер вальцгардов за дверь. Подозреваю, что все-таки силой, потому что на миг все же возникла небольшая заминка, а глаза Единички снова сверкнули алым, отзываясь на звериный огонь. Впрочем, сейчас мне меньше всего хотелось думать о

вальцгардах.

— Я сяду, не возражаешь? — кивнула на островок свободного места рядом с нами. — Моя лодыжка требует уважения.

Ленард кивнул и, помедлив, сел рядом со мной. Я подавила желание притянуть его к себе: рано, Танни. Рано.

Сейчас так легко все разрушить...

— Ты почему босиком?

— Моя квартира сгорела, — ответила я.

Ленард широко распахнул глаза.

— Бэрри?!

— Я успела. Теперь мне за это вставят люлей.

— За то, что ты ее спасла?

— За то, что подвергала опасности свою жизнь и жизнь Рихта.

— Он мне ничего не сказал. — Ленард уставился в пол. — Когда я звонил узнать насчет тебя.

— Ну... у него была тяжелая ночь.

— Угу, — тихо сказал он, колупая пальцем что-то на полу.

И снова тишина.

Я понимала, что мне надо его вытряхнуть из нее раньше, чем он окончательно уйдет в себя, но не представляла как.

— Гроу подрался, — сказала я.

— Тоже мне новость, — фыркнул Ленард, но глаз так и не поднял. — С кем на этот раз?

— С каким-то парнем, который сказал, что его помощь не требуется.

— Ну, разумеется, — процедил он, сжимая кулаки. — Помощь им не требовалась, а когда «Хрустальная игла» рухнула...

Он осекся, но потом продолжил. Торопливо, словно пытаясь вытолкнуть из себя слова раньше, чем они заморозятся в нем навечно.

— Они пошли туда, Танни. У них был юбилей... двадцать лет, как они женаты. Ты даже не представляешь, какие счастливые. Мама... она была такая красивая, а отец... Он смотрел на нее так, что я сказал, что сейчас у меня все слипнется от их обнимашек. Представляешь, это были последние слова, которые я им сказал. Я должен был их поздравить, а я...

Ленард не поднимал глаз, на ресницах дрожали слезы. Вместе с этими слезами дрожала я, хотя понимала, что слезы — это уже лучше, чем было до.

— Я просто сказал: идите уже, а?

— Сколько гадостей я говорила своей сестре, ты даже не представляешь. — Сама не знаю, почему именно сейчас вспомнила Леону,

но так уж получилось. — Мы не всегда адекватно выражаем свою любовь, Ленард. Но мы любим своих родных, и они это знают.

— Я ведь так и не сказал им, что они клевые. — Ленард растерянно посмотрел на меня. — Что мне достались самые лучшие родители в мире и что я вообще рад, что они у меня есть.

— Они и так это знали. Потому что у них самый клевый в мире сын.

Он глубоко вздохнул, и в эту минуту я притянула его к себе. Резко, одним движением, удерживая первый порыв отстраниться. Спустя короткий миг сопротивления Ленард с силой вцепился в мою рубашку, вздрагивая всем телом, а я сидела и смотрела на колышущееся перед глазами людское море. Их действительно было несметное количество, и даже больше, тех, кто лишился этой ночью самых близких.

Моя мама прошла через все это.

Много лет назад.

В Рагране.

Она справилась, и я тоже справлюсь.

Не знаю, сколько прошло времени, пока Ленард перестал вздрагивать, но руки я разжала в ту же минуту, как он захотел отстраниться.

— Платок есть? — все еще всхлипывая, спросил он.

— Вот, пожалуйста. Рукав гроурубашки к твоим услугам.

Ленард судорожно вздохнул:

— Предлагаешь мне сморкаться в тебя?

— Фу, — заявила я.

После чего он вытер нос собственным рукавом.

— Да плевать. Что с ногой?

— А это меня Гроу уронил, — хмыкнула я.

— Откуда?

— С плеча.

— Он нес тебя на плече?

— Угу.

Ленард снова вздохнул. Глубоко.

— Спасибо, что приехала. Правда. Я тут расклеился немного, но это пройдет. В общем, если ты торопишься...

— Никуда я не тороплюсь, — внимательно заглянула ему в глаза. — А ты?

— А я тем более. Все равно, пока за мной не приедут... — Он пожал плечами, а я в этот момент поняла, что ни в какой интернат он не поедет. Даже на два дня, пока его тетка соизволит притащить свою задницу из Флангстона.

— За тобой уже приехали, — сказала я и добавила: — Хочешь поехать с нами?

— Я все еще не могу поверить в то, что это случилось, — сказала я.

Мы с Гроу сидели на диване в его гостиной: я — подогнув ноги, в одной рубашке, потому что было как-то не до заказа вещей, а он меня обнимал. По-простому, но вместе с тем удивительно уютно и так, что мне становилось страшно. Потому что именно в этот момент я поверила, что так может быть каждый вечер.

— В такое всегда сложно поверить, — отозвался он, глядя на плазму, где вот уже полчаса фоном мельтешили новости. Звук мы выключили сразу (Да и зачем? Все равно везде одно и то же.), а вот картинку оставили. В кадре очень часто мелькали Леона и Вэйлар: первая леди посещала пострадавшие районы, ее брат выходил с одного экстренного заседания и сразу попадал на другое. Виртуального, потому что покидать город правящему сейчас не стоило, да и вряд ли он до такого бы додумался.

Ближе к ночи ожидалась очередная пресс-конференция из Мэйстона, и, судя по всему, до этого времени Леона должна была вернуться. Потому что везде бегущей строкой несло: «Председатель и первая леди...»

— Кажется, что такое невозможно. Не в современном мире, и уж точно оно не случится с тобой. — Гроу повернулся ко мне, не выпуская из кольца рук. — Но это остается только принять и идти дальше.

Вместо ответа я его поцеловала.

Без намеков, просто так. Легко.

Я была искренне ему благодарна за то, что всю бюрократию с возможностью забрать Ленарда на пару дней он взял на себя. Столько соглашений об ответственности я не подписывала за всю свою жизнь, только чтобы не оставлять Ленарда один на один с тем, что случилось. Сейчас он спал в гостевой спальне: после бессонной ночи и парочки больших пицц, которые мы в себя затолкали прямо в волонтерском центре, его сморило сразу по приезде.

Сейчас ему было легче.

Во сне.

По крайней мере, я очень хотела на это надеяться и за это тоже была безумно благодарна Гроу. За то, что мотался по городу, чтобы все оформить, за то, что в детской комнате, где мы сидели, появились не только пиццы и вкусняшки на всех, но и все необходимое, что было нужно детям. И кажется, не только детям, потому что, когда мы выходили вместе с Ленардом, все волонтеры знали Гроу в лицо, и отнюдь не как знаменитого

режиссера.

Вальцгарды не отходили от меня ни на шаг, я лично сунула Единичке в руки коробку с пиццей. Но когда он попытался со мной заговорить:

— Танни...

Я резко перебила:

— Эсса Ладэ. — И вернулась к Ленарду.

— Танни.

Голос Гроу вернул меня в реальность.

За то время, что я провалилась в воспоминания, он умудрился подтянуть меня к себе ближе. Хотя куда уж ближе: никогда в жизни мы не были так близки, как сейчас.

— Как думаешь, что там произошло? Почему они...

— Не представляю. Они вели себя так, словно их мир рухнул и им терять нечего.

Я поежилась.

— Но что могло произойти? Щиты, если я правильно понимаю, усилить нельзя...

— Нельзя, — подтвердил Гроу.

— И растянуть их дальше, чем они сейчас, тоже. На прошлой пресс-конференции Рэйнар говорил, что пламя иртеханов усилилось, поэтому драконов выдавливают с их земель. Но не могло же оно за пару недель скакнуть так, чтобы зажать их на крохотном клочке земли и вынудить нападать на города?

— Не могло, — снова подтвердил Гроу. — Особенно учитывая, что кто-то намеренно вывел из строя системы оповещения и не позволил вальцгардам вовремя среагировать.

— Кому это вообще могло понадобиться?!

— Конченому психу.

Судя по тому, как Гроу выплюнул эти слова, я поняла, что с темы надо съезжать. Я не могла чувствовать драконов (по крайней мере, пока), но умудрилась забыть, что их чувствует он. И судя по тому, что он рассказывал раньше, от того, что их вывели за пределы города, легче особо не становится.

— Прости, — сказала я. — Я не подумала.

Вместо ответа он пересадил меня к себе на колени, лицом к лицу.

— Танни, когда ты извиняешься и говоришь: «Я не подумала», мне становится страшно.

— Ну, не все же тебе меня пугать.

Гроу приподнял брови.

— Ты сейчас настолько милый, что я готова в ужасе бежать на край света.

— Тогда почему не бежишь?

Последнее он спросил совершенно серьезно, а я так же серьезно ответила:

— Не хочу.

Положив руки ему на плечи, подалась вперед, подчиняясь сильной ладони, надавившей мне на затылок. В тот миг, когда наши губы соприкоснулись, у меня перехватило дыхание: искры из-под его пальцев прокатились от шеи по позвоночнику, отзываясь огнем в каждой клеточке тела.

— Виу?

— Ау! — Я дернулась с совершенно незротичным воплем, потому что Бэрри ткнулась горячим носом мне в голую пятку.

Обувь, конечно, уже доставили (так же как и белье), но по квартире я предпочитала ходить босиком.

— Надо с ней погулять.

— Тебе кто-нибудь говорил, когда ты ее брала, что это крайне замороченное дело — возиться с блохастиками? — Гроу нехотя меня отпустил и поднялся.

— У нее в жизни не было блох, — заступилась я. — Правда, малыш?

Малыш выпустила из ноздрей струйки дыма, а я пошла за джинсами Гроу. Которые сняла сразу, как только вернулась, потому что они натерли мне во всех стратегических местах разом. Натягивая их, я подумала, что надо бы постирать белье, которое так и лежало в коробке. Причем чем скорее — тем лучше. Заодно и одежду новую посмотреть.

И телефон.

Мне срочно нужен новый телефон.

С этой мыслью я спустилась по лестнице, поводок Бэрри надевала как раз в ту минуту, когда Гроу дожевывал кусок остывшей пиццы. Подумалось, что надо бы заказать нормальный ужин или хотя бы что-то приготовить, когда в дверь позвонили.

Леона.

Больше никому.

На этом я залипла, поэтому Гроу пришлось открывать самому.

Ну, в общем... это действительно была Леона. И десять вальцгардов.

Навскидку десять, потому что, по ощущениям, она взяла с собой маленькую армию или вроде того.

У моей сестры пронзительно-голубые глаза, но иногда они становятся

ледяными.

Вот как сейчас.

Ледяной взгляд прокатился по Гроу и только после достался мне.

— Собирайся, Танни. — В голосе ее словно крошился лед. — Мы уезжаем.

ГЛАВА 3

Да что мне собираться-то? Одна коробочка с трусами, две с обувью, и то одна пара будет на мне. Такая мысль меня посетила в первую минуту, а во вторую...

— Ты армию с собой притащила на случай серьезных боевых действий? — поинтересовался Гроу, заслоняя меня собой.

— Тебя не спросила, — резко обрубил Леона. — Уйди с дороги, Джерман.

— Уйдите, местр Гранхарсен. Можешь еще добавить «пожалуйста», и тогда я подумаю.

— В твоей способности игнорировать приказы и нарываться на неприятности я не сомневаюсь. — Леона шагнула в квартиру, а я перехватила взгляд Единички и в очередной раз здорово на него разозлилась. Значит, когда смена приедет, да?

Предатель.

— Для начала приказывать мне никто не имеет права.

— Для начала тебе надо было подумать, что ты подставляешь военнообязанных. В точности так же как и она.

— Она, если ты забыла, пережила налет. Тон не хочешь сменить?

— Я сама разберусь со своей сестрой. — В голос Леоны ворвался металл. — Твое мнение меня интересует в последнюю очередь.

— Говори помедленнее, а то за звоном из-под твоей юбки я половину слов не могу разобрать.

— Думай над тем, что говоришь, Гроу. Повторный арест тебе баллов на слушании не добавит.

Так, все!

Я шагнула к Леоне, отодвинув явно интересующуюся происходящим Бэрри. Шагнула вплотную, не позволяя опомниться и натурально вытеснив ее за порог, сама вышла следом и с силой захлопнула за собой дверь.

— Я не могу уехать, — сказала я, отражая взгляд сестры.

— То, что ты чего-то там не хочешь, это еще не значит, что этого не случится.

— Я не сказала «не хочу». Я сказала «не могу», а это разные вещи. У меня здесь парень...

— Я заметила.

— Который потерял родителей, — продолжила я, игнорируя жесткий

сарказм. — Парень, которому нужна моя поддержка, и я не собираюсь его оставлять. Что касается моего поступка — согласна, я налажала. Надо было сделать это по-другому, но вальцгарды мне такой возможности не предоставили, а в том состоянии у меня не было двух часов на раздумья.

Обхватив себя руками, я смотрела только на нее.

Сопровождение, которое притворялось слепоглухонемыми, меня совершенно не смущало.

— В свое время я вытащила Терграна чуть ли не на себе и угнала флайс во время налета, но тогда ты на меня не орала. — Я говорила быстро, но тихо. — И если уж на то пошло, в Ортахарне ты извинялась за то, что не предоставила мне выбора и давила. Потом опять собираешься извиняться? Ты — моя сестра, Леона, и самый близкий мне человек, я не хочу тебя терять.

Выпалив все это на одном дыхании, я замолчала.

Судя по тишине, воцарившейся в холле, моей речью прониклись даже вальцгарды. Впрочем, мне сейчас было не до речей, я смотрела на сестру и ждала ответа. Ждала до тех пор, пока лед в глазах не сменился столь знакомым мне выражением: усталости и тревоги.

— Мы так и будем стоять здесь? — спросила она.

— Ну, не знаю. Меня смущает твоя массовка, — хмыкнула я. — У Гроу, конечно, большая квартира, но в общем и целом это выглядит некрасиво. Согласись?

Ноздри Леоны шевельнулись, тем не менее часть вальцгардов она отпустила вниз. Остальные остались за дверью, и когда мы вошли, Гроу окинул нас пристальным взглядом. Правда, больше ничего не сказал, вернулся в гостиную и утащил за собой порывавшуюся потыкаться в Леону носом Бэрри, а мы с сестрой прошли на кухню.

На самом деле я сказала гораздо меньше, чем хотелось.

В памяти еще было живо воспоминание, когда мое сердце отбивало глухой ритм о ребра: я думала о Гроу, а Леона все знала и приказала притащить меня в Мэйстон, ни словом не обмолвившись о том, что с ним все в порядке. На кухне я первым делом отправилась к кофемашине, чтобы вытряхнуть из себя остатки мыслей об этом и, возможно, закрепить успех. В смысле успех с кофе, конечно.

— Что произошло? — спросила поспешно, пока чувства не уничтожили предохранитель и я не начала орать о том, что она должна была мне сказать.

Он жив. С ним все в порядке.

Это ведь было совсем несложно, правда?

Зерна чуть не высыпались мимо, пришлось действовать осторожнее.

— Кто-то убивал драконов. Ментально.

Леона опустила на стул.

Уставшая и потерянная, но я все равно не могла подойти и обнять. Пока не могла, пусть даже прекрасно понимала, что ей сейчас нелегко. Насколько ей сейчас нелегко.

— Можно убить ментально?

— Можно. Передав приказом так же, как человека. Их буквально выдавили из пустошей в зону действия щита, а дальше боль от потери сородичей и воздействие Вайовер Грэйс завершили дело. В общей сложности в околосингспридских пустошах и в городе их погибло около сотни.

Я сглотнула ком и продолжила заниматься кофе. Что-то делать, когда хочется кричать и ругаться, — вообще полезная штука. Хотя бы потому, что сосредотачиваешься на процессе и не начинаешь сходить с ума.

Около сотни драконов.

А сколько людей?

Гроу прав. Конченный псих.

— Выяснили, кто это сделал?

— Выясняют. — Леона поднялась и прошла по кухне.

Каково это: разрываться на два мира?

Первый раз я задала себе этот вопрос на свидании с Гроу, второй... сейчас. У иртеханов свое общество, свои законы и свои правила, но Председатель, первая леди, правящие и их жены всегда стояли на стыке миров. Удерживая равновесие между миром людей и драконов, пошатнуть это равновесие — и вокруг начнется хаос.

С кофемашиной было покончено, и я все-таки взглянула на нее. Леона стояла у окна, руки чуть подрагивали, словно она хотела их сложить, но не позволяла себе закрыться.

— Тот, кто это сделал, Танни, информационный гений. Он не только перенастроил наблюдение так, что никто ничего не заметил, он еще проник вглубь пустошей, не оставив никаких следов, хотя у нас повсюду камеры. Протацил с собой команду поддержки из сильнейших иртеханов, потому что в одиночку такое сотворить невозможно. Там, где все началось, погибло больше половины драконов. Их просто призвали, а потом убили. Разом.

— Их же казнят? — спросила я. — Когда найдут?

Кровожадности во мне, конечно, хоть отбавляй, но в эту минуту мне показалось, что смертная казнь для таких уродов — это слишком мягко.

Леона повернулась ко мне, оставив за спиной вечерний Сингсприд.

— К вопросу о том, почему я хочу тебя увезти.

— Я уже объяснила...

— Информация о том, что случилось в Ортахарне, просочилась в прессу.

— А?

— Записи с камер из отеля, когда ты прыгнула. — Леона пожевала губы.

— Да не плевать ли? — спросила я, нахмурившись. — Кого это сейчас интересует?

— Пока что эта новость задвинута на задний план, но когда пройдет время... Мы думали, что это провокация против закона об отключении защиты, но теперь... Рэйнар считает, что кукловод Мелоры в Ортахарне и устроивший бойню в Зингсприде — одно и то же лицо. Тебя он выбрал потому, что к тебе легче всего подобраться. Поэтому тебе лучше вернуться в Мэйстон, Танни. И какое-то время побыть в Скай Стрим.

Я покачала головой.

Кофемашина за моей спиной принялась шипеть, но я не обернулась. Мне здорово не хватало пледика, потому что, несмотря на зингспридскую жару и климат-контроль, сейчас меня колотило от холода.

— Леона, ты понимаешь, о чем просишь?

— Очень хорошо. Когда десять лет назад назревал заговор против Рэйнара, он собирался запретить мне выступать.

— Тогда ты должна понимать, что...

— Дослушай. Я отказалась, потянула время, и в ту ночь мы оба выжили каким-то чудом. Каким-то чудом не пострадала ты. Тот, кто все это устроил, взорвал Лаувайс и спровоцировал налет, но сейчас мы даже не представляем, какие возможности у того, кто способен повернуть такое и уйти незамеченным. Поэтому, Танни...

— Нет. — Я замотала головой. — Нет.

— Танни, твой отец мертв.

Готовая продолжать возражать, осеклась.

— Мой...

— Да, — подтвердила Леона. — Диран Барт.

Я вернулась к кофе.

Одну чашку протянула сестре, вторую взяла себе и обхватила ее руками просто потому, что мне надо было кого-то обнять. Мой отец, конечно, был тем еще наблом, но в редкие моменты просветления (в частности, когда была жива мама), он вел себя адекватно. Таскал нас с Леонией на руках, водил в парк, носился с мамой, когда она лежала в

больнице.

В общем, нельзя сказать, что он был полным засранцем.

Или можно?

Мысли в моей голове насаживались одна на другую, как продукты на шпажку для канапе, и последней оказалась ключевая.

Мой отец.

Я понимала, что сейчас совершенно не время об этом думать, но я не могла.

— Что с ним случилось? — спросила я совсем не то, что хотела.

— Инсульт.

— А.

— Его охраняли, Танни. С той самой минуты, как ты мне все рассказала...

— Да. Я понимаю.

— Мне очень жаль.

— Угу. Мне тоже.

Я отпила кофе.

Определенно с этой кофемашиной что-то не так.

Леона, в отличие от меня, к своему так и не притронулась, поэтому я все-таки спросила:

— Тест ДНК...

— Твой отец Диран Барт, Танни. Он действительно твой отец. Иртхан, с которым встречалась мама... он по определенным соображениям сделал вазэктомию. Поскольку это врачебная тайна, сразу этот факт выяснить не удалось, но детей у него быть не могло. Тест ДНК мы тем не менее провели.

Я сдавила виски руками.

— Что ты решила?

— Я остаюсь, Леа.

— Танни...

— Послушай, я не шутила, когда сказала, что есть мальчишка, которому я очень нужна. Его родители погибли во время налета, и...

— Как его зовут?

— Ленард Харинсен. Мы вместе снимаемся.

— Ему что-то нужно?

— Любовь, я полагаю. Очень много любви. У меня есть два дня, чтобы побыть с ним, потом приезжает его тетка из Флангстона, и что будет дальше, я вообще не представляю.

— Она хочет оформить опеку?

— Понятия не имею. Ленард говорил, что ей на него положить, поэтому...

— А потом?

— Что — потом? Потом продолжатся съемки. Почему ты потянула время, Леона?

Сестра внимательно на меня посмотрела.

— Ты сказала сама: я потянула время, и мы чуть не погибли.

— Я помню.

— Ну и?

— Я собиралась отказаться от постановки, но потом пришла на репетицию и поняла, что не могу бросить их всех. Не могу отказаться от мира, который мы создаем все вместе, который у меня в крови.

— В общем, на свой вопрос ты ответила сама.

Я покатила кружку между ладонями, натываясь кончиками пальцев на ручку, и добавила:

— Обещаю больше не создавать никаких трудностей вальцгардам. Если захотят, пусть хоть спят рядом с моей кроватью, я им ни слова не скажу.

Сестра впервые за все время нашего разговора улыбнулась.

— И, Леона. Те парни, которых ждет разбирательство... Я бы не хотела, чтобы им влетело из-за меня.

— Им все равно влетит. За неумение разрулить экстренную ситуацию.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но передумала.

— Рихт Паршеррд. Ему точно не должно влететь.

Леона покачала головой.

— Нельзя просто так нарушить правила в экстренной ситуации и остаться безнаказанным.

— Нельзя спасти кого-нибудь в экстренной ситуации и при этом думать о правилах, — сказала я. — Но мое обещание остается в силе. Только отзови Рона. Заменяй его кем-нибудь.

— Почему?

— Потому что я ему верила, а он не сказал, что Гроу жив.

От улыбки на ее лице не осталось и тени.

— Танни. Что у вас с Гроу?

— Ничего. — Кофе я допила залпом.

Успевший немного остыть, он уже больше напоминал ту бурду, что я варила раньше.

Когда на дне осталось только дно, я поняла, что только что сказала.

Еще я поняла, что на кухне стоит Гроу и что он это слышал.

В общем, м-да.

— Леона. На пару слов, — произнес он, совершенно бесцеремонно выдирая чашку из рук моей сестры, и при этом так на меня посмотрел, что мне захотелось заползти под стол или спрятаться за Леону.

Под стол не получится: его заслонял Гроу, за Леону гордость не позволит, поэтому я ретировалась мыть чашку.

— Танни, — донеслось из-за спины Леонино.

— А?

— Местерхард ничего не знал.

Я обернулась, но они с Гроу уже вышли.

Наверное, мне должно было стать легче, точнее, и стало бы, если бы не только что случившееся. С таким усердием я не мыла чашки уже лет десять, еще немного — и она поменяет цвет, поэтому я решила оставить ее в покое и повернулась к цокающей когтями Бэрри. Судя по довольной морде, ее кто-то все-таки вывел погулять, пусть даже очень ненадолго, но основная проблема была решена. Поэтому она притопала ко мне, грустно вздохнула (еды в миске нет!) и ткнулась горячим носом в ногу.

— Бэрри! Я тебя сколько раз просила так не делать?

— Виу?

— Вот тебе и виу.

Опустившись прямо на пол, протянула ей руку, и виари угнездилась рядом, положив морду мне на колени. Я чесала ей голову и думала обо всем, что случилось.

Этого (случившегося) было столько, что мысли отказывались укладываться в голове, хаотично запутываясь в какие-то спирали ДНК.

ДНК.

Наверное, все это с самого начала было просто глупостью, разумеется, мама не вышла бы замуж за Дирана, если бы он не был моим отцом. Не такая она была, не повесила бы ребенка от другого мужчины на того, кто ее любил. Если он, конечно, ее любил.

В общем, мои мысли были далеки от логичных, вдобавок ко всему меня начало потряхивать так, что я то и дело цепляла Бэрри за ухо, что ей, без сомнения, нравилось, но мне не особо.

Мне вообще было не по душе все, что происходит.

В частности, каким тоном Гроу сказал: «Леона, на пару слов», — и как он на меня в этот момент посмотрел. Что значит «на пару слов» и почему я должна сидеть тут, когда они там разговаривают? Потому что я не иртханесса?

Решительно поднялась: настолько, что лодыжку снова дернуло от

боли, и Бэрри встревоженно вскочила следом за мной. Она всегда меня чувствовала, поэтому сейчас обтиралась всеми своими чешуйками, царапая ноги и вирча.

На полпути в гостиную я передумала, потому что гордость и потому что меня туда не звали.

Очень надо, можно подумать.

Впрочем, до того как я успела передумать второй раз, Леона и Гроу вышли в холл. Она снова была в маске первой леди, а на него я старалась не смотреть. Только сейчас, увидев сестру, я снова вспомнила о Местерхарде.

То есть о Роне.

То есть о Единичке.

— Танни, завтра тебе доставят новый телефон, — сказала она. — Будь любезна, сразу его активируй и нигде не забывай.

— Он что, со следящим устройством? — поинтересовалась я.

По лицу Леоны поняла, что да.

— Серьезно?! — вскинула брови. — Он будет транслировать все, что со мной происходит? В душ его тоже брать?

— Это одно из условий того, что ты остаешься в Зингсприде, — ответила Леона. — Телефон. Беспрекословное подчинение первому слову вальцгардов. Никаких выкрутасов.

М-да.

Можно подумать, и не было нашего разговора на кухне.

— Спасибо, что говоришь со мной, как со взрослым человеком, — огрызнулась я.

— Сначала докажи, что ты умеешь себя вести, как взрослый человек. — Сестра вышла за дверь раньше, чем я успела ответить.

Что касается Гроу, он стоял, привалившись к стене и глядя на меня. Ноздри чуть подрагивали.

— Спасибо, что поддержал, — заметила я.

— У меня всего один вопрос, Танни: когда ты собиралась мне сказать, что у тебя в роду, возможно, были иртыханы?

Я сложила руки на груди.

— Леона растрепала, да?

— Леона сочла нужным со мной этим поделиться. В отличие от тебя.

— Ну, здорово, — хмыкнула я. — Чем она еще решила с тобой поделиться? Любимым цветом нижнего белья?

Глаза Гроу опасно сверкнули, он шагнул ко мне.

— Я задал тебе вопрос, Танни.

— А я не хочу на него отвечать!

Рванулась мимо него в гостиную, но он перехватил меня за руку.

— Мы не договорили.

— Да ладно?

— Не ладно. — Пальцы сомкнулись на моем локте с такой силой, что я ойкнула, а потом меня втощили обратно на кухню. — Представляешь, когда двое решают жить вместе, о таком говорят заранее.

От такого заявления я сначала очешуела, а потом снова рванулась, чудом не оставив в его захвате клоч рубашки.

— Насчет двоих — это ты прав, но есть одна маленькая поправка: здесь все решил ты.

— Я. Ничего. Не решал. — В глаза Гроу плеснула зелень. — А вот ты умудрилась решить за двоих. Дважды.

Я сложила руки на груди.

— Да ну? И о чем же еще я тебя не спросила? Когда взяла твой гель для душа или зубную пасту?

— Когда взяла Ленарда.

Во мне как-то разом закончились и слова и воздух.

— Ну, знаешь ли... Я не подумала, что нужно интересоваться, хочешь ли ты помочь потерявшему родителей парню. Мне такое даже в голову не пришло, ни разу. Но если ты против, мы съедем в ближайшую пару часов, как только я найду приемлемый вариант аренды.

Метнулась мимо него, но меня перехватили за многострадальный локоть и толкнули назад.

— В этом вся проблема, Танни. Ты не думаешь. Ты не думаешь ни о ком, кроме себя. — Прежде чем я посоветовала ему идти куда подальше, Гроу продолжил: — Я сам такой же. Это синдром одиночки, но когда есть двое, решения принимаются вместе. Я не имею ничего против Ленарда, но тебе стоило просто спросить. Чувствуешь разницу?

— Да! — огрызнулась я. — Чувствую! Мне надо было сказать парню: извини, я сейчас спрошу у Гроу, не против ли он, что ты на пару дней поселишься в его квартире, а то у него чувство собственной важности скукожится. Все, давай замнем тему. Я не собираюсь с тобой жить, так что вопрос исчерпан. Могу я пройти?

— Нет.

— Нет?

— Нет. — Гроу шагнул ко мне вплотную.

Настолько, что мне пришлось отступить, и только по счастливой случайности я не угодила пяткой в миску Бэрри. Впрочем, в следующую

минуту миска Бэрри меня перестала волновать от слова «совсем». Потому что Гроу оперся о столешницу, чуть ли не вжимая меня в нее, черты его лица снова заострились, становясь звериными, и меня знатно полоснуло его силой.

— Нет, Танни. Мы еще не поговорили про наше с тобой «ничего».

— А о чем тут говорить, если оно ничего? — прищурившись, спросила я.

— Например, о том, что сегодня утром ты была другого мнения.

— Разве? — уточнила. — Когда ты был с Ширил, ты был другого мнения?

Глаза Гроу полыхнули огнем.

— Серьезно, Танни? — вкрадчиво поинтересовался он. — Ты сравниваешь то, что произошло между нами, с тем, что было между мной и Ширил?

— Ну, в общем, да, — хмыкнула я. — Думаю, со времен первого иртехана в этом процессе ничего существенно не изменилось.

Зрачок дракона стал вертикальным.

— Нет, серьезно. — Я вцепилась в столешницу, глядя ему в лицо. — Другого мнения — это как? Как ты вообще видишь наши отношения?

Я старалась говорить спокойно, хотя спокойно и я — вещи несовместимые. Особенно сейчас, когда мне настолько был важен его ответ.

— Я предложил тебе жить вместе, Танни. Как, ты считаешь, я их вижу?

— Вместе насколько? — уточнила я. — До окончания съемок? До того, как ты уедешь в Ферверн?

— Я так далеко не заглядываю.

Ну, вот и ответ.

— А я заглядываю, — ответила я. — И когда заглядываю, там — ничего.

Я уперлась ладонями ему в грудь.

— Дай пройти.

— Почему ты не можешь просто наслаждаться жизнью? — Ноздри Гроу снова шевельнулись. — Здесь и сейчас.

— Потому что однажды я ею уже насладилась, и ничего хорошего из этого не вышло. Отойди, Джерман.

Когда основные эмоции схлынули, во мне осталась какая-то странная пустота и осознание случившегося. С этим осознанием мне еще предстояло жить, поэтому я просто хотела побыть одна. Там, где никто не достанет.

Там, где не надо смотреть в эти драконьи глаза и вспоминать, чувствовать всей кожей.

Так остро.

Даже сейчас.

— У тебя есть еще одна спальня? — поинтересовалась я. — У меня дико болит голова, и я хочу спать.

— Со времен первого иртхана умнее отмазок женщина еще не придумала.

Я выразительно оттопырила средний палец.

— Вторая дверь справа. Она сдвоенная со спальней Ленарда.

— Круто, — ответила я. — И я возьму твой планшет на время. Мне нужна одежда и жилье.

— Мое предложение остается в силе, — сказал Гроу.

— Так же как и мой ответ.

Я сунула планшет под мышку и вышла с кухни.

Хотя было еще от силы семь часов, я искренне надеялась на то, что засну быстро. Вот прямо сейчас выберу все, что мне нужно, спишусь с риелторами по поводу того, чтобы завтра посмотреть квартиры, и засну.

По дороге я заглянула к Ленарду, осторожно приоткрыв дверь в комнату, где он спал. Рыжие вихры разметались по подушке, джинсы и футболка валялись на кресле, одеяло наполовину сползло на пол. Чтобы не шуметь, даже не пришлось напрягаться: я подошла к нему, ступая босыми ногами по мягкому покрытию, осторожно вернула покрывало на место.

— Все будет хорошо, — сказала еле слышно.

Ему.

Себе.

Или нам обоим.

Задерживаться не стала: в том, что ты спишь, а на тебя кто-то пырится в это время, приятного мало, поэтому пошла к себе.

«У себя» было классической гостевой спальней — на кой, спрашивается, Гроу их столько, но уточнять я не стала. Главное, что она есть и что спать я буду здесь. Правда, чтобы принять душ, мне придется топтать к нему, но я решила сегодня обойтись без душа (наш с Ленардом поломан). Воспользуюсь раковиной в туалете, ничего страшного.

Хотя кое-что страшное все-таки было.

То, что уже сейчас, спустя пять минут, мне отчаянно захотелось прикоснуться и снова почувствовать его губы на своих. Услышать его хриплое «Танни», когда вжимаешься бедрами в бедра.

В общем, вовремя Леона пришла.

Еще чуть-чуть — и было бы уже поздно.

С этой мыслью я открыла сайт с тряпками и накидала в корзину всего подряд. Футболок с принтами на все случаи жизни, джинсы и даже пару платиц. Зачем они мне сдались, я понятия не имела и хотела даже удалить, но потом все-таки оставила. К платицам полагались туфли, и когда я вспомнила те, с которых началось мое знакомство с Гроу, мне захотелось что-нибудь разбить.

Мама Леоны была наполовину ир்தханессой.

Полукровкой, как Гроу, и ее вышвырнули из общества просто за то, что она угрожала репутации своей ир்தханской семейки. Гроу отец признал, но от него всю жизнь требовали соответствовать. Неудивительно, что он послал всех подальше.

Вот только вряд ли у него получится повернуть подобное, когда он встанет у власти.

Его жизнь рано или поздно свяжут с какой-нибудь Сибриллой, или Мелорой, или еще с кем-нибудь, а я останусь в статусе вечной любовницы. Хотя, если честно, сомневаюсь, что вечной. Если соединить два пламени (Леона так говорила), то это все. Пара на всю жизнь.

Подозреваю, что очередь из желающих спариться уже выстраивается из центра Хайрмарга до границы Ферверна.

Так, хватит.

Я вернулась к туфлям, закрыла страницу и стала смотреть предложения по аренде. За одну ночь цены взлетели настолько, что у меня глаза полезли на лоб, тем не менее я присмотрела несколько приемлемых вариантов студий и даже однокомнатную в том же районе, где жила раньше. Поначалу попыталась найти жилье поближе к Вайшеррским холмам, но очень быстро оставила это занятие: отдавать такие деньги за квартиру не вижу смысла. Все эти поиски навели меня на мысль, что надо связаться с хозяйкой пострадавшей студии.

Открыла мессенджер и спустя минут пять поняла, что просто тупо в него пялюсь.

Пялюсь и вспоминаю, как сидела у себя в небольшом холле и пальцы Гроу скользили по моей лодыжке. Так же как они скользили по этому экрану, а вчера...

Мысленно выругавшись, швырнула планшет на кровать и отошла к окну.

Отсюда не было видно «Хрустальную иглу», а точнее, то, что от нее осталось. Зато отлично просматривалось побережье, и россыпи огней над городом выглядели так, словно ничего не случилось.

Надо же быть такой самкой оцехарры, чтобы после всего думать о...
О любимом мужчине?

Кажется, Леона пришла уже поздно.

На этой мысли я поняла, что мне надо чем-то срочно занять мозги,
поэтому вернулась к планшету.

И к архивам Ильеррской.

ГЛАВА 4

Даармарх, Огненные земли

Огонь подчинялся мне через раз, поэтому сейчас опасалась практиковаться. Тем более что суть случившегося понять не могла: таэрран по-прежнему пламенела на шее запирающей вязью. Я пока не собиралась никому говорить об этом, доверять в таких обстоятельствах даже нэри слишком опасно. Что касается библиотеки, туда мне до особого распоряжения доступ был закрыт. Но даже если бы я могла туда попасть, нужно понимать, что искать и в какой области, — любой ир்தхан знает, что снять таэрран может только тот, кто ее надел. Огонь сквозь нее вырваться не может, исключений нет.

Но у меня вырвался.

По поводу платья я сказала, что опрокинула на него лампу, и, разумеется, вопросов никаких не возникло. Его выбросили, мне заменили ковер, а я... Ночами, когда оставалась одна и весь дворец засыпал, осторожно выпускала огонь на свободу и смотрела на вьющееся над ладонями пламя. Чувствовать его спустя столько лет было странно, но проблема заключалась в том, что и чувствовала его я тоже через раз. Не так, как раньше: до таэрран мое пламя разгоралось постепенно, рождаясь тлеющим угольком в груди и раскрываясь на ладонях огненными цветами.

Сейчас оно творило все, что хотело.

Точнее, творило бы, не обучай меня отец контролю и не тренируй в свое время на уровне хаальварнов. Я училась управлять стихией, запирайте ее и погружать глубоко в себя, если она представляла опасность. Так вот сейчас, когда мое пламя представляло больше опасность, чем дар, мне эти знания оченьгодились. В частности, когда посреди ночи я чуть не подпалила балдахин над своим ложем: языки пламени ни с того ни с сего просто рванулись ввысь, рассыпая искры.

С тех пор я позволяла пламени оживать только в купальнях.

Словно отзываясь на мои мысли, в груди вспыхнуло, раскаляя воздух (в последнее время это происходило спонтанно, все чаще и чаще), но я тут же приглушила стихию, накинула халат и вошла в спальню.

Вовремя.

— Местари! Платье готово. — Ко мне в покои впорхнула Фархи. — Лирхэн распорядилась по поводу завтрака, его сейчас подадут, и можем

одеваться.

Учитывая, что над Аринтой только-только занимался рассвет, есть мне не хотелось совсем. Более того, при мыслях о еде желудок сжимался до состояния сухофрукта, и к горлу подкатывал ком.

— Я не буду завтракать, Фархи, — покачала головой, — пусть мне подадут травяной настой. Этого достаточно.

— Но как же? — Нэри растерянно на меня посмотрела. — На свидании вы будете только обедать, а до обеда еще...

— Ничего страшного, — перебила я. — Лучше помоги мне привести в порядок волосы.

С некоторых пор мне стали неприятны прикосновения служанок. Не нравились посторонние запахи, которые раздражали, если не сказать больше. Никогда не отличавшаяся вздорным характером, я нарычала на девушек, когда мне пару раз дернули волосы, и с тех пор предпочитала расчесываться сама либо доверять это дело Лирхэн и Фархи.

Подозреваю, что все дело было именно в свидании: чем ближе становился «мой» день, тем сильнее меня все раздражало. От совершенно невинных слов, брошенных кем-то за обедом, до взглядов за спиной. Мысль о том, что снова придется терпеть снисходительное отношение Витхара, выводила из себя как никогда раньше. Я вспоминала нашу последнюю встречу и злилась на себя за то, что позволила себе эту слабость.

За то, что раскрылась, впустила в себя непростительное чувство, у которого нет будущего.

Впрочем, с внезапно вернувшимся огнем будущее появилось у меня.

И это единственное, что заставляло меня примириться с предстоящим свиданием: если кто-то и знает о прорывах пламени под таэрран, то это Даармархский. Осталось всего лишь осторожно расспросить его об этом, а после попытаться вернуть возможность посещать библиотеку — вероятно, все же есть что-то, чего я не знаю. До того, как Горрхат надел на меня таэрран, я ею особо не интересовалась, а когда надел, интересоваться стало некогда, нам с Сарром пришлось бежать.

Дири пока что не подчинялся моим приказам, но, видимо, дело было в нестабильном пламени. Сумею понять его возможности, его суть — сумею подчинить себе ментальную магию.

Подчинится виар — значит...

Значит, подчинится и дракон.

Все дело в силе и в концентрации, а время для практики до последнего испытания у меня будет.

Останется только сохранить это в тайне и продержаться до конца отбора.

Такие мысли вселяли уверенность, поэтому я даже улыбнулась, когда вошли девушки с платьем. Оно было с прозрачными дымчатыми рукавами, плотным лифом и тяжелой юбкой, было цвета травы в «Сердце Аринты» и подчеркивало цвет моих глаз. Волосы мне отвели назад, закрепив на затылке и оформив мягкими волнами. Несколько вьющихся прядок выпустили на висках и на лбу, чтобы подчеркнуть овал лица. Глядя на себя в зеркало, я понимала, что давно не чувствовала себя такой красивой и сильной, как в эти дни. словно вместе с пламенем ко мне вернулась не просто уверенность, но и часть жизни, которая казалась мне безвозвратно утраченной.

— Спасибо, — поблагодарила я, когда служанки отступили и поклонились.

Как раз в ту же минуту, когда в комнату впорхнула раскрасневшаяся Фархи.

— Местари... Местар...

подавив снова раздражение, напомнила себе о том, что мне нужно.

Зачем мне нужно это свидание.

Зачем мне нужен этот отбор.

Никаких больше глупых мыслей и непростительных слабостей.

Улыбнувшись своему отражению, я расправила плечи и вместе с нэри вышла в комнату отдыха, где к нам присоединилась Лирхэн. Девушки застыли рядом со мной, и когда в покои вошел Даармархский, склонили головы и присели в реверансах, как того требовал этикет.

— Местари. Местари Ильеррская. — В глазах дракона полыхнули алые искры. — Буду рад провести этот день с вами.

Я не стала склоняться, вместо этого протянула Даармархскому руку: так, как могла бы встретить его в Ильерре.

И произнесла негромко:

— Взаимно, местар.

Нэри остались в моих покоях, хаальварны у дверей, а мы направились по коридорам в сторону балкона-перехода. Стража почтительно расступалась, и на первый взгляд это действительно выглядело так, словно Даармархский сопровождает будущую супругу на свидание. С каждым шагом становилось все более тошно от этого фарса: мне казалось, я уже смирилась со случившимся, с мыслью, что меня осознанно обрекли на провал. Но стоило оказаться рядом с ним, как вернулись ярость, отчаяние и боль, которых быть не должно.

Не должно!

А значит, не будет.

Стараясь справиться с эмоциями, я шла гордо, как и положено будущей правительнице, вскинув голову. Чувствовала на себе взгляд дракона, но не поворачивалась, пусть даже это невесомое прикосновение отзывалось внутри огнем. Возвращала хаальварнам взгляды, стараясь не думать, что уже совсем скоро мы с Витхаром останемся наедине. Напоминая себе о том, что должна спросить.

И о том, чего не должна, — снова и снова.

Вопреки моим представлениям, направлялись мы не в сторону центральных дворцовых дверей, через которые я (кажется, целую вечность назад) прошла, чтобы стать пленницей. Не в сторону бесконечно долгого подъема или, что в нашем случае сейчас было бы более верно, спуска. Широкая лестница вывела нас на небольшую, залитую солнцем площадку, огороженную коваными перилами, растающими в камень.

Это место я узнала сразу — по соседству с ней располагалась еще одна похожая площадка, только без перил: потайной выход из дворца. Внизу, чуть поодаль, находились казармы. Судя по суете, сейчас там должны были начаться учения, но Сарра пока не было видно. За все это время он ни разу ко мне не пришел, несколько раз я сама порывалась спуститься к нему и поговорить, но останавливала себя.

Если брат не приходит, значит, еще не готов. К чему тогда эта встреча? Чтобы наговорить друг другу еще большей гадостей?

Сопровождающие нас хаальварны застыли у выхода на площадку, а поскольку мы приблизились к перилам, то почти остались наедине. Если можно так выразиться, потому что от внутреннего чувства «я не с ним» — избавиться не могла и на Даармархского по-прежнему не смотрела. Зато смотрела на океан: здесь не было рифов и волны облизывали скалы, словно желая стать с ними единым целым.

— Вы сегодня на удивление молчаливы, местари Ильеррская, — напомнил о себе дракон.

— Вашими стараниями, местар, — холодно отозвалась я.

— Я понимаю, — неожиданно отозвался он.

Да неужели?

Даармархский шагнул вперед, загоразивая обзор и вынуждая все-таки встретить его взгляд. Глубокий, темный, как ночь, даже в такой бесконечно светлый день. Алые всполохи выдавали силу бьющегося в нем огня, и в груди полыхнула искра.

— Мы проведем здесь весь день? — поинтересовалась поспешно,

усмиряя рвущееся на волю пламя.

К счастью (и это была еще одна странность), оно не отражалось в моих глазах.

Совсем.

— Нет. Я приготовил для тебя сюрприз.

— Еще один? — Я вскинула брови.

В глазах дракона полыхнула стихия, ноздри дрогнули, раскрываясь.

— Тебе так сложно не провоцировать меня, Теарин?

— Мы снова на «ты»? — уточнила я. — Я вас не провоцирую, местар. Просто предпочитаю, чтобы между нами не было недопонимания. Вы предельно ясно дали понять, что не желаете видеть меня своей женой, я со всей откровенностью говорю вам, что никогда особо не стремилась стать ею.

Судя по тому, как стянулись в линии зрачки, слышать это ему было не очень приятно. Обойти себя мне не позволили, каменя лицом и приказывая:

— Руку, местари Ильеррская.

— Такое общение хотя бы можно назвать искренним, — отозвалась я, тем не менее руку беспрекословно положила на сгиб его локтя.

Хаальварнам вовсе ни к чему видеть то, что между нами происходит.

Даармархский направился к уводящей вниз лестнице, огибающей огромный каменный выступ. По сравнению с подъемом, который нам пришлось преодолеть, когда мы только приехали, этот спуск можно было назвать детским. Впрочем, о спусках и подъемах я забыла, стоило нам зайти за срезающий часть вида камень, потому что внизу на волнах покачивался корабль.

Настоящий корабль, раньше я видела их только на картинках. На таком вполне можно пересечь океан, если флотилию возглавляет сильнейший дракон. Высокая палуба и бронза парусов, ласкаемых ветром. Отсюда мельтешащие на палубе люди казались совсем маленькими, но...

Чем ближе мы подходили, тем более нереальным мне это казалось.

И небольшая гавань, прикрытая скальными выступами от волн словно ладонями. И лодка, которую готовились спустить на воду.

И сами мысли о том, что я впервые в жизни поплыву по воде.

Не выдержав, повернулась к Даармархскому.

— Мы куда-то собираемся, местар?

— Заинтересовал сюрприз? — резко спросил он, не глядя на меня и мгновенно остужая мой пыл.

— Да, — заметила я. — Потому что, судя по всему, вы собираетесь

меня утопить.

— Твоя вера в меня просто невероятна.

— Вы не сделали ничего такого, чтобы я могла вам верить.

На скулах дракона заиграли желваки.

— Твой брат жив только благодаря мне.

— Благодаря вам он оказался в ситуации, когда вынужден был бороться за свою жизнь.

Рука под моей напряглась, и до самой последней ступени мы больше не сказали друг другу ни слова.

— Осторожнее, — сухо произнес Даармархский, когда мы оказались у подножия лестницы: в двух шагах от нее протянулся невысокий каменный порожек.

— Местар. Местари. — К нам уже спешил человек с закатанными по колено штанами и заправленной в них простой серой рубахой. Остановившись рядом с нами, он низко поклонился. — Вам понадобится моя помощь?

— Нет, — ответил дракон. — Я сам сяду на весла.

У мужчины даже глаза расширились, тем не менее перечить он не посмел, тут же отступил в сторону. Лодка застыла на берегу, до нее не добиралась даже пена волн, я же обернулась на громаду дворца. Возвышаясь отсюда над нами, он казался неприступным и недостижимым: таким же, как правитель Даармарха.

— Придется снять туфельки, местари Ильеррская, — хмыкнул Витхар. Мне показалось или в его голосе звучала насмешка?

Не глядя на него, спокойно стянула их и подхватила одной рукой, подол — другой. Что касается дракона, он тоже разулся и направился к лодке, человек обогнал нас и вытолкнул лодку на воду. Он же ее придерживал, пока Даармархский подхватил меня — легко, как перышко, чтобы не замочила платье, и поставил на дно. После чего ловко запрыгнул сам.

Мужчина оттолкнул нас от берега и склонился.

— Хорошего дня, местар! Местари.

— Благодарю.

Первый всплеск воды под веслами поглотил мое изумление, под взглядом дракона раскрывшееся еще глубже.

Потому что с Даармархским мы ответили хором.

Я не стала задерживаться на этой мысли, приложила ладонь ко лбу, чтобы лучше разглядеть корабль. Высокая палуба, тянущиеся ввысь мачты, раскинувший крылья дракон в носовой части. Выполненный и

расписанный настолько искусно, что, казалось, вот-вот он ими взмахнет, а зрачки глаз стянутся тонкими линиями в пристальном взгляде на тебя.

Впрочем, пристального взгляда мне и так хватало.

Почувствовав, что меня изучают, я вернула Даармархскому его внимание.

Мы поднялись на борт и, поприветствовав капитана (хаальварна с изрезанным морщинами смуглым лицом), направились к поручням. Здесь тоже недостатков во взглядах не было: команда и хаальварны смотрели на нас во все глаза. Впрочем, сейчас меня гораздо больше интересовало, куда мы отправимся.

— Не знала, что у тебя есть флот, — сказала я.

— С чего ты взяла? — Дракон приподнял брови. — Это всего лишь один корабль.

— Этот корабль вполне способен пересечь океан, у него есть порты для орудий. Капитан — не просто моряк, он военный. — Я пожала плечами.

Даармархский улыбнулся, странным образом превращаясь из дракона в мужчину, которого мне невыносимо хотелось поцеловать. Что делать с этим диким желанием, я не имела ни малейшего понятия, поэтому отвернулась. Под крики и суету подняли якорь, и корабль, поймав парусами ветер, медленно двинулся вдоль скалы, на которой возвышался дворец.

— Мою мать убили, когда мне было двенадцать, — неожиданно произнес Витхар. — Отец сгорел или, точнее будет сказать, угас через два месяца после ее смерти. Дворец, где они правили, до сих пор сохранился таким, каким был при их жизни. Это дань их памяти. Он построен на горе, и с суши к нему не подобраться. Со стороны воды — тоже. На возведение флотилии я потратил долгие годы, но Даармарх защищен. Его не достать ни с неба, ни из-под земли.

Потрясенная подобным я даже не нашла, что ответить.

Вернее, сразу не нашла, потому что даже короткое «сожалею» мне сказать не позволили.

— Они были парой? — осторожно спросила я.

И тут же об этом пожалела, потому что угасание означает одно: родители Витхара связали себя не только супружескими узами, но и огнями.

Навсегда.

Один без другого не смог бы жить: когда часть твоего огня, твоего сердца умирает, дальше жить невозможно.

Мир становится пустым.

— Моя мать была наложницей.

Что?!

— Мой дед и дед Флангеррманского были очень дружны. Несмотря на разделявший нас океан, они были частыми гостями друг у друга.

— Частыми? — удивилась я. — Но ведь, чтобы пересечь океан...

— Чтобы пересечь океан, дракону нужно от шести до восьми часов. — Даармархский скользнул пальцами по поручням и повернулся ко мне.

Я же только глубоко вздохнула, подавляя готовый сорваться с губ вопрос.

Получается, Янггеррд здесь действительно один. Вот почему я не видела рядом с ним свиты.

— Мать родилась на Севере, ее подарили моему отцу после первого испытания.

Первым испытанием назывался оборот, после которого сын правителя становился его достойным преемником. Это означало, что он готов править и может повести за собой как людей, так и драконов.

— Он любил ее. Настолько любил, что отказался от остальных девушек, которые к тому времени украшали его гарем. Отказался от отбора и от невест, одна из которых должна была стать правительницей Даармарха.

— Что значит — подарили?! — вырвалось у меня.

Все, о чем он говорил, казалось диким.

Каким бы сильным ни был ир்தхан, он не мог жениться на простой девушке, ему бы не простили такой слабости. Да что там, его детей не признало бы общество, даже первенца, как достойного правителя, а значит, мать Даармархского была ир்தханессой. Но как ир்தханессу могли подарить?

За что?!

— Она была человеком. — Витхар прикрыл глаза, словно воскрешая в памяти ее образ. Ненадолго: на пару мгновений, но лицо его утратило резкость. Впрочем, когда он открыл глаза, в них гасли отголоски пламени. — Но они с отцом настолько любили друг друга, что она согласилась на огненное перерождение.

Огненное перерождение.

Так появился первый ир்தхан: когда в кровь людей вливали кровь драконов.

— Но ведь это...

— Да, это большой риск. Она могла не выжить. — Даармархский кивнул. — Но сказала отцу, что хочет быть рядом с ним, что хочет стать матерью его детей и что, если она не попытается сейчас, потом никогда

себя не простит.

— И он ей это позволил?

— Они были молоды. Ему семнадцать, ей шестнадцать, а в этом возрасте не признаешь полумер. Дед рвал и метал, но все-таки дал свое согласие. Чтобы перерождение прошло успешно, желательно брать кровь дракона, рожденного в тех же местах, где и ты. Отец приучал ее к своему пламени постепенно, вливая его сначала понемногу, затем больше. У нее создалась привязка, но это уже не имело значения: когда они прилетели во Флангеррман (он нес ее на себе через океан), матери предстояло стать иртханессой. Или умереть.

У меня мороз по коже прошел.

Да, первые иртханы появились именно благодаря тому, что шаманы Пустынных земель шли на риск, вливая себе драконью кровь. Кого-то она убивала сразу, кого-то медленно, но...

— Подозреваю, что дед до конца не верил в успех, потому что иначе не позволил бы ему улететь. Скорее всего, он рассчитывал, что девушка навсегда останется на Севере, а сын вернется и возьмет за ум, но она приняла кровь снежного дракона. Точнее, драконицы.

Теперь я еще и поежилась: если верить летописям, это жуткие дни, когда ты горишь и сгораешь раз за разом. Когда пламя вгрызается в твою кровь изнутри, выжигая частицу тебя, сливая воедино человека и зверя и создавая новую расу.

Делая тебя...

Иртханессой.

Нужно очень сильно любить, чтобы на такое решиться.

— Что было потом? — Несмотря на жару, мой голос слегка охрип.

— Потом? Они вернулись и были счастливы, после ухода деда правили вместе до того дня, когда один из хаальварнов, относящих себя к сторонникам тех, кто считал, что чужестранка обманом села на трон, не вонзил в сердце матери смазанный ядом клинок.

Я закусила губу.

Взгляд Даармархского сейчас был обманчиво-темным, как угли, только ладонь с силой сжалась на поручне. Он продолжил:

— Многие приняли этот брак, но многие считали его недействительным. Во-первых, это было смешение огней. Лед и огонь, такое раньше никому не пришло бы в голову.

Хеллирия.

Теперь я понимала, откуда у нее странная внешность, магия и цвет волос: она все это взяла от мамы.

— Во-вторых, у матери не было титула. На Севере она была дочерью зажиточного торговца и до того, как прошла перерождение... — Витхар ненадолго замолчал, но потом закончил: — Да, многие уважали ее за мощный огонь, который она приняла, и за силу, которая помогла ей через это пройти. Но были и другие.

Неосознанно потянулась к его руке и накрыла ее ладонью.

Но «сожалею» я снова не успела сказать, потому что дракон пристально посмотрел мне в глаза.

— Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я не хочу видеть тебя своей женой.

— Любая претендентка мечтает это услышать, Витхар, — заметила я и отвернулась.

Отвернулась, потому что сейчас мне отчаянно захотелось столкнуть его за борт, а сверху сбросить ведро, которое попало мне на глаза, когда я демонстративно смотрела в другую сторону. Кто-то из команды, проследив за моим взглядом, тоже увидел ведро, мгновенно подхватил его и исчез в трюме.

А жаль!

Такой снаряд, такой снаряд.

— Ты — не любая, Теарин. Когда ты уже это поймешь?

Резко повернулась к нему.

— Я это знаю с рождения. Но судя по тому, что говоришь ты, я именно любая и даже не претендентка. Потому что ни одной из них ты бы такое не предложил.

В груди вспыхнуло, и я прикусила язык.

Обещала же себе!

Обещала, и вот, пожалуйста, снова!

— Расскажи мне про таэрран, — закрыла предыдущий разговор.

— Про таэрран? — Раздражение в голосе дракона тоже полыхало огнем, но сильнее пылало у меня в груди.

Нет-нет-нет, миленький, пожалуйста.

Только не сейчас.

Только не сейчас!

Мы уже обошли скалу, дворец остался позади, а впереди простирался океан, безбрежный и бесконечный. Ветерок ласково скользил по щекам, соленый воздух так и манил вдохнуть полной грудью, но я сейчас пошевелиться боялась, не то что глубоко дышать. Одна искра из-под моих пальцев — и тайна раскрыта. Что, если Даармархский просто почувствует бьющееся во мне пламя?

— Да, хочу знать, что будет, если через таэрран прорвется огонь.

— Это невозможно, Теарин. — Взгляд его смягчился, но сейчас за такое я готова была не просто швырнуть в него ведро, а предварительно набрать туда помой.

— А если все-таки возможно? — Я вскинула бровь. — Если на миг представить, что такое возможно, и я пройду отбор? Что ты будешь делать тогда?

— Мне не нужен отбор, чтобы быть с тобой.

— А мне не нужен ты!

Глаза дракона полыхнули, но я уже подхватила юбки и направилась в носовую часть, совершенно не заботясь о том, что о нас подумают. Мало ли, может, в раскаленном отчувства собственной важности местара воздухе местари стало нечем дышать, и она решила немного прогуляться. То, что мои туфельки остались рядом с Даармархским, я поняла, когда уже поднималась по лесенке: ударившись пальцем о ступеньку, вспомнила несколько совершенно недостойных дочери правящего слов.

Впрочем, именно это помогло отвлечься. Я заметила, что на меня смотрит капитан, и улыбнулась. Хаальварн направился ко мне, а я отпустила юбку, чтобы прикрыла босые ноги.

— Местари Ильеррская?

— Я давно хотела попробовать управлять кораблем, — заметила негромко. — Вы же меня научите, капитан?

Хаальварн, к его чести, не только не побежал выяснять у местара, можно ли, но даже не взглянул мне за плечо. Вместо этого протянул руку.

— Пойдемте, местари.

Теперь на нас снова смотрели все, с той лишь поправкой, что на нас — это на меня и капитана, и признаться честно, это было куда приятнее. Я слушала его объяснения, запоминая, как ориентироваться в открытом океане, как швартоваться и как не сесть на мель, как происходит разворот, когда нужно поднимать паруса, когда лучше опустить и почему в свое время при создании флотилии отказались от весел и от гребцов. В случае полного штиля их заменяли иртыханы из Восточной пустыни, одним из проявлений огня которых была способность управлять потоками воздуха.

Слушая все это, я почти забыла о своем пламени.

Неудивительно, потому что в груди больше не жгло, и к счастью. Когда капитан отступил, решительно шагнула к штурвалу.

— Корабль нужно чувствовать, — произнес он. — На время, пока ты на воде, становиться с ним единым целым.

— Совсем как с драконом во время призыва.

Хаальварн улыбнулся.

— Именно так.

Я улыбнулась в ответ, и когда штурвал лег мне в руки, почувствовала себя... свободной от всех условностей, от ненавистного мне отбора, даже от невозможности покинуть Даармарх по своей воле. Впереди, над гребнем дракона, справа и слева от его крыльев расстился бескрайний простор океана, в моих руках, готовый отозваться по первому движению, был огромный корабль. Сейчас я действительно чувствовала его так, словно мы стали единым целым. Точно он был живым, и движение рук, как приказ, могло развернуть его в любую сторону.

— Поворачивайте чуть-чуть влево, местари Ильеррская.

«Чуть-чуть» оказалось отнюдь не таким простым, каким могло показаться, но и на слабость в руках я никогда не жаловалась. Когда дракон, то есть корабль чуть изменил курс, задохнулась от восторга.

Там, где небо в ослепительном сиянии солнца сливалось с водой, почти стирая тонкую нить горизонта, казалось, начинается новая жизнь.

Новая жизнь, забытая до этого дня.

Свободная жизнь.

— Куда мы сейчас плывем? — спросила я, но тут же взглянула на небо, вспоминая. — На Север?!

— Все верно, местари Ильеррская.

Капитан улыбнулся, а я вернулась к кораблю.

И к океану.

Сейчас мне даже начинало казаться, что штурвал едва различимо подрагивает в моих руках, и от этого ощущения были просто запредельные. Казалось, я могу разбежаться и взлететь, а потом парить в выбеленном от жара солнца небе, пока оно не сменится пронзительной синевой Севера.

— Непередаваемое чувство, правда?

Голос Даармархского, как арбалетный болт, вспорол воздух, в котором, если бы не таэрран, я, возможно, на самом деле могла бы парить. Сильные руки легли на штурвал, накрывая мои и разрушая очарование момента.

— Прошу прощения, местар. — Я вывернулась и поняла, что капитана на мостике уже нет.

Не скрывая разочарования, направилась к лестнице.

— Вернитесь, местари Ильеррская.

Это был приказ.

Пришлось вернуться, ступая по нагретому солнцем дереву.

— Вы что-то хотели, местар?

— Если ты не забыла, у нас свидание.

— Как я могу забыть, если вы постоянно мне об этом напоминаете.

Даармархский взглянул на меня.

— Мы не закончили разговор.

Действительно не закончили.

— Да, мы говорили про таэрран.

Руки дракона на штурвале сжались сильнее, тем не менее он процедил:

— Я не знаю ни одного случая, когда пламя прорвалось бы через таэрран. В истории Надорги был случай, когда правитель запечатал таэрран своего первенца, сына — заговорщика. Парня бросили в подземелье, но спустя несколько лет его сила возросла настолько, что печать отца оказалась слабее его пламени.

Я затаила дыхание.

— Однако преодолеть магию таэрран и вырваться из-под нее огонь все равно не мог. Поэтому сжег заговорщика. Изнутри.

Последние слова перебили дыхание окончательно.

Сжег изнутри?

Нет, это же...

— И его отец позволил этому случиться? — хрипло спросила я.

— Все произошло очень быстро. Огонь набирал силу постепенно, день за днем, а потом разом полыхнул. Никто не успел ничего сделать.

— Но он же должен был что-то чувствовать? Идущий изнутри жар или...

— Под таэрран свой огонь не почувствовать. Это печать, магию которой ни одному пламени преодолеть не под силу. — Даармархский пристально на меня посмотрел, и я решила прекратить расспросы.

Тем более что слова «свой огонь не почувствовать» выдернули меня из состояния, близкого к животному страху. Я отошла к поручням мостика, обхватила себя руками. Нет, это точно не мой случай, потому что я действительно ничего не чувствовала под таэрран. Точнее, чувствовала, но когда рядом был Даармархский, его огонь я воспринимала так же ярко, как сейчас...

Чей?!

Эта мысль вытряхнула из меня воздух еще сильнее, чем предыдущая, но оформиться не успела.

— Огонь набирает силу только до полного созревания. Тебе не о чем волноваться, Теарин.

Я обернулась. Даармархский стоял рядом со мной, к штурвалу вернулся капитан.

— Не о чем? — воскликнула я. — Да, пожалуй, мне не о чем

волноваться. Кроме того, что я всю жизнь проведу, не чувствуя своего пламени.

Я говорила, но мысли метались взбешенными драконами.

Пламя.

Если оно не мое, тогда чье?! Чье?!

Я же не могу быть...

Иногда не чувствовать гораздо проще.

— Это ТЫ по своему опыту говоришь?! — посмотрела ему в глаза. — Ты хоть раз лишался частицы своего пламени?! Хоть раз становился пустым, без огня, с которым родился?! Ты когда-нибудь такое чувствовал, Витхар?!

— Да. — Дракон спокойно встретил мой взгляд. — Отец несколько раз наказывал меня за проделки. Надевал таэрран.

— На сколько? — спросила я. — На пару часов?

— Самое большее — на полгода. — Ноздри дракона шевельнулись. — За то, что заставил сына прислужницы при всех называть себя дурными словами. Он мне надерзил, и я решил его проучить. Отдал приказ. Отец сказал, что достойный правитель никогда не поступит так со своим подданным, после чего надел на меня таэрран там же, на глазах у всех. После этого в Даармархе было введено наказание за ментальные приказы людям.

Глубоко вздохнула, пытаясь успокоить себя.

Свои мысли.

— Как видишь, я прекрасно понимаю, чего ты лишена. Но рядом со мной ты будешь чувствовать пламя. Столько, сколько пожелаешь.

— Какое неслыханное благородство! — выдохнула я.

Чуть громче, чем рассчитывала, просто потому, что меня уже начинало трясти. Невысказанное даже про себя откровение сейчас пыталось пробиться сквозь череду сменяющих друг друга чувств, эмоций и мыслей. Руки сами собой сжались в кулаки, грудь обожгло.

Снова.

Ноздри дракона шевельнулись, словно он что-то почувствовал.

— Сбавьте тон, местари Ильерская.

Это и растекающийся по груди огонь относительно привели меня в чувство.

Мне надо сосредоточиться на чем-то другом. На чем-то другом, не настолько остром.

Таэрран.

Даармархский сказал, что отец надел ему таэрран за приказ сыну

прислужницы, но...

— Сколько же тебе было лет? — прошептала я. — Сколько тебе было лет, когда ты отдал ему приказ?!

— Шесть.

— Шесть?!

— У меня очень рано проснулся огонь, Теарин. Предположительно из-за того, что произошло с матерью. У первых иртханов огни пробуждались в самом раннем детстве благодаря яркому слиянию с драконами. Ты должна это знать.

Нет.

Конечно же я это знала. И о том, какие аномалии творились с перерожденными, и о том, что сила их была запредельной, гораздо больше, чем сейчас у нас. Знала о том, что они оборачивались в секунды, что у драконят пламя просыпается еще во время созревания в яйце, но...

Нет!

Нет, нет, нет, пожалуйста, нет!

— И когда у тебя проснулся огонь?

— Мать почувствовала его еще до моего рождения.

Перед глазами потемнело.

— Куда мы плывем? — Теперь уже я вцепилась в поручни, чтобы скрыть мелкую дрожь рук.

Мысленно глубоко дыша, унимая втекающее в каждую клеточку пламя.

Вскинув голову, чтобы не позволить чувствам взять верх над разумом и разрушить все.

— На остров, — отозвался дракон, и лишь невероятным усилием воли я заставила себя сосредоточиться на этих словах.

— Остров?

— Да, отец с матерью случайно нашли его, когда вместе летали над океаном. — Взгляд Даармархского снова смягчился. Он становился таким всякий раз, когда дракон говорил о родителях. — Я был зачат на этом острове, и они посчитали это благословением. В самом сердце острова отстроили дом, и родители уединялись там, когда была такая возможность. В редкие часы отдыха они прилетали туда.

— А ты всех претенденток на него привозил? — Слова сорвались с языка раньше, чем я успела их осознать.

Взгляд Даармархского сначала потемнел, а потом раскалился, отмеченный силой его пламени.

— Думай, что говоришь. Ты единственная, кому я рассказываю об

этом месте.

— О, я, вне всякого сомнения, должна быть польщена, но с чего нам туда плыть?!

Вот теперь алое пламя мгновенно вытеснило радужку. Остались только вертикальные зрачки: острые, как лезвия кинжалов.

— Ты совсем ничего не ценишь, Теарин?

— Ценю. — Я кивнула. — Я ценю историю твоих родителей, которые искренне любили друг друга. Это место, этот остров хранит отпечаток их любви. Он создан для тех, кто умеет любить, Витхар. Не для нас.

— Любовь — это слабость, — прорычал дракон. — Мне слабости не нужны.

— Благодаря этой слабости ты появился на свет! — выдохнула я. — И Хеллирия тоже!

— Довольно! — В рычание ворвались хлесткие пламенные плети. — Ты сегодня достаточно испытывала мое терпение.

Я покачала головой.

— Я не сойду с этого корабля, Витхар. Не коснусь даже пальцем той земли. Тебе придется тащить меня туда силой, на глазах у всех. Ты этого хочешь?

Пламя ударило в меня волной — яростной, мощной — настолько сильной, что когда волна скользнула назад, чуть не увлекла за собой то, что билось внутри. Только благодаря урокам отца я удержала искры на пальцах, свела за спиной подрагивающие, горящие от огня и напряжения ладони.

Даармархский развернулся так резко, что его сила зацепила меня шлейфом бушующей мощи. И так же резко скомандовал капитану:

— Поворачивай! Мы возвращаемся.

После чего быстро спустился по лестнице и зашагал по палубе в сторону дальней мачты.

Я же с трудом расплела пальцы, повернулась к морю, оставив за спиной капитана, мачты, Даармархского. Впереди был только океан и раскинувшиеся крылья дракона. Небо и горизонт.

Чувствуя, как корабль меняет курс, я отпустила огонь и приложила ладони к животу в надежде, что ничего не почувствую.

Ничего, пожалуйста.

Совсем ничего.

И вздрогнула, когда изнутри ударило пульсацией пламени.

Пламени маленького драконенка.

ГЛАВА 5

Зингсприд, Аронгара

Доброе утро — это когда ты впервые за последнее время чувствуешь себя по-настоящему выспавшейся. Такой, когда глаза открываются не с помощью распорочек, поддерживающих верхние веки, а сами собой. Широко-широко. И еще шире, когда ты понимаешь, что сзади к тебе прижимается гроутело со всеми гроувывпуклостями, одна из которых упирается тебе прямо в ягодичцы.

О-о-очешуеть!

Я рывком высвободилась из объятий этого... и села на постели!

В его спальне!

Полностью обнаженная.

И он тоже.

Что касается его, он даже глаза не открыл, просто повернулся на спину, совершенно без зазрения драконьей совести демонстрируя все свои выпуклости.

И-и-и...

Я подхватила подушку и от души приложила вконец охамевшего драконорежиссера по голове.

— Гроу!

— Танни, — донеслось хриплое из-под подушки. — Ты просто сама нежность.

Нежность?

Нежность?!

Да я тебе сейчас такую нежность покажу!

— Ты что устроил?! — прорычала я, сдергивая подушку с дракономорды и замахаясь повторно.

— А я что-то устроил? — Подушку выдрали из моих рук и отправили на пол, сам режиссер приподнялся на локтях и весьма однозначно уставился на мою грудь.

— Я! Ушла! Спать одна! — выдохнула, с силой выдергивая из-под этой беспринципной туши верхнюю простыню и заворачиваясь в нее.

— Нет, ты ушла побыть одна, — хмыкнул Гроу. — Никто не обещал, что ты будешь одна спать.

Ы?

Ы.

Ы!

Все связно оформившиеся мысли исчезли из моей головы, особенно когда Гроу одним движением перетек ко мне. Клянусь, именно перетек — только что полусидел, расслабленный такой, и вот уже рядом, а я у него на коленях, спиной к нему. Окутанная его запахом (сигареты, кофе и присущая только ему дымная горчинка), который, между прочим, сводит меня с ума, так же как и его близость.

— Пу-усти, — прошипела, дернувшись.

— Не пущу.

Для верности меня оплели руками и ногами, чтобы не вырвалась.

Признаюсь честно, вырываться совсем не хотелось, зато хотелось настучать себе за это по голове. Вчера была Танни умная (целых десять минут), сейчас Танни классическая.

— Ты что, не слышал, что я вчера сказала? — перестала трепыхаться: может, хоть так отпустит?

Не отпустил.

— Слышал.

— Но не понял?

— Понял. Однажды я тебя уже отпустил, Танни. Больше не отпущу. Не отпущу свою девочку. — От того, как прокатился по коже этот хриплый вкрадчивый голос, мозг помахал мне ручкой и собрал вещички, намереваясь оставить меня навсегда.

Ну, не-е-ет. Это уже совершенно точно лишнее.

— Я. Не. Твоя. Девочка, Гроу! — рванулась в тот момент, когда драконорежиссер утратил бдительность, и чудом не кувыркнулась лицом в пол.

Не кувыркнулась все потому же, что Гроу меня перехватил за талию.

Да чтоб его!

Теперь уже я вырывалась осторожнее и сразу вскочила. От того, как остро отозвался этот разрыв после неожиданной, но такой желанной близости, захотелось ему как следует врезать.

— Ты, дракон тебя задери, серьезно?! Мои слова для тебя вообще ноль?!

— Нет.

— Тогда что я делаю в твоей постели?!

Теперь я почти орала, хотя прекрасно понимала, что злюсь больше на себя, чем на него. За то, что так отчаянно хочу сейчас в эту постель вернуться.

Глубоко вздохнула и продолжила уже спокойнее:

— Мне казалось, мы договорились. Я сказала «нет».

— Я подожду, пока ты передумаешь, Зажигалка.

Вот за это, за то, как это было сказано (несмотря на все, что было сказано до), захотелось сделать больно в ответ.

— Паршеррд уже подождал, — сказала я.

— Я не Паршеррд, Танни, — почти прорычал Гроу, глаза его полыхнули зеленью.

Да надо же! Проняло!

— А я не Ширил, Джерман!

— Ширил я не предлагал жить вместе.

— Очешуешь, какой ты благодетель!

Гроу одним едва уловимым движением — тем самым, что оказался рядом со мной на постели, поднялся и шагнул ко мне.

— Я не откажусь от тебя, Танни.

Почему все не могло быть иначе? Почему мой отец не мог оказаться тем вальцгардом, почему во мне нет ни капелюшечки огня? Хотя бы самого крохотного, способного приблизить меня к нему. Хотя куда уж ближе: Гроу сейчас просто стоял рядом, а меня уже всю трясло. От желания податься вперед и забыть обо всем.

Месяц, два, год — какая разница?

Но разница все-таки была: с Лодингером у меня была глупая детская влюбленность в образ, которого никогда не существовало. Когда образ рассыпался пеплом, я собирала себя по кусочкам десять лет. Десять долгих лет, чтобы пропустить через себя этот идиотский опыт, выкинуть из головы то, чего никогда не было, чтобы отпустить прошлое.

Но Гроу...

У меня даже пальцы сводит от желания к нему прикоснуться.

Когда все закончится здесь, я уже себя не соберу. От меня самой останется только пепел.

— Нельзя отказаться от того, чего нет. — Я сжала кулаки. — И это мы тоже вчера обсудили.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так.

Почему он на меня не орет?!

Почему просто не вышвырнет из комнаты, не психанет, не уйдет сам?

Это ведь так на него похоже! Точнее, не похоже.

Точнее...

Тьфу!

— Все так, — выдохнула, отступая и плотнее стягивая простыню на

груди. Не уйдет он, уйду я. — Что будет, когда у тебя появится пара, Джерман? Ведь рано или поздно она появится.

Не дожидаясь ответа, развернулась, но меня перехватили за локоть.

— Мне наденут таэрран на пять лет, — произнес Гроу. — О какой паре ты сейчас говоришь?

Пять лет?!

— За что?!

— За все хорошее. И предупреждая твой следующий вопрос, таэрран не имеет никакого отношения к моему желанию строить с тобой отношения.

— Идиот, — сказала я, когда обрела дар речи.

— Сама такая, — огрызнулся Гроу, а потом притянул меня к себе. — Знаешь, Танни, я достаточно хорошо тебя изучил, чтобы понять: когда ты начинаешь думать, ничего хорошего из этого не выходит.

— Да ты просто мастер комплиментов, — хмыкнула я.

— Что поделать, если нормальные с тобой не работают.

Вот как он это делает, а? Только что у меня было желание его прибить за то, что воспользовался моим крепким здоровым сном и притащил к себе в постель, а сейчас оно сменилось желанием целовать его до потери пульса.

Особенно когда я смотрю на эти губы и вспоминаю, какими они могут быть. Жесткими, яростными или удивительно нежными.

Особенно когда он смотрит на меня, и пусть даже я избегаю смотреть в эти сумасшедшие глаза, менее сумасшедшей от этого не становлюсь.

— Все со мной работает, — сказала я, осторожно выворачиваясь из его рук. — Но мне нужно почистить зубы. И душ принять.

— Это самая крутая логическая цепочка, которую мне доводилось слышать.

— То ли еще будет, — сказала я и ретировалась в ванную.

Не забыв предварительно запереть дверь с внутренней стороны, а то знаю я некоторых.

В душевой кабине я включила воду на полную и с трудом подавила желание постучаться лбом о стеклянные дверцы (все-таки лоб у меня один, и душевая кабина в этой квартире теперь тоже одна).

Вспомнив, как именно вышла из строя вторая, я глубоко вздохнула и сделала воду похолоднее.

Остынь, Танни.

Просто остынь.

Желание плюнуть на все, отменить сегодняшние просмотры квартир чередовалось со здоровыми мыслями о том, что я в общем-то виновата в

том, что Гроу светит таэрран. То есть виновата, конечно, не я, а Мелора, но подставился он из-за меня. По большому счету мог бы просто оставить все как есть и спокойно жить себе дальше, но проблем огреб по самое не хочу.

Как и в случае с налетом драконов.

Тут я, к счастью, была ни при чем, но... он действительно хотел помочь, а его просто запихнули под замок, сказали: сидеть смиренно и не рыпаться. Все потому, что в свое время он отказался от папочкиной большой чести.

Теарин писала, что, лишившись пламени, ты становишься пустой.

Я не могла почувствовать, каково это (наше зажигательное с Гроу утро не в счет), но если ты рожден с пламенем, если становишься с ним единым целым, в один прекрасный день просто лишиться его...

Это жуть.

Почему Леона не сказала мне про пять лет?

И насколько моя просьба на Совете может это самое наказание смягчить?

На год, на два, на три?

Понимая, что мне срочно необходим телефон (хоть со следящим устройством, хоть без), я вылезла из душевой кабины и поняла, что забыла смыть бальзам. Бальзам со вкусом Гроу.

Тьфу.

С запахом.

Что только в голову не придет.

Пришлось лезть обратно, смывать остатки бальзама и неправильных мыслей, после чего возвращаться в спальню. Гроу одеться не потрудился, поэтому оделась я, плевать, что в его рубашку и джинсы. Мне так спокойнее.

После чего оставив режиссера наслаждаться водными процедурами, спустилась по лестнице, отметив лежащую на диване в гостиной Бэрри. Виари явно наслаждалась такой огромной квартирой, где можно вволю побегать, попрыгать... гм, что-нибудь погрызть. Смерть диванной подушки, видимо, простой не была, и я подхватила ее, намереваясь отдать вальцгардам, чтобы Гроу не прибил Бэрри.

Сомневаюсь, что он придет в восторг от того, что моя виари жрет его диванные подушки. А впрочем... есть виари, есть я, и мы идем в комплекте. Пусть смотрит, что его ждет, если собирается жить вместе со мной.

Вернула подушку на место, мысленно обругав себя последними словами.

Я. Не. Собираюсь. С. Ним. Жить!

Бэрри поняла, что за подушку ее ругать не будут, и закрыла глаза, а я подошла к двери.

— Привет, ребята, — поздоровалась с новой сменой. — Мне тут телефон не привозили?

— Доброе утро, эсса Ладэ.

Незнакомый светловолосый вальцгард протянул мне коробку с очередным «Вертом».

— Спасибо. А у вас, случайно, нет номера Един... капитана Местерхарда?

После вчерашних разборок я так и не сказала ему, чтобы снова называл меня Танни. Из-за всего случившегося я как-то очень плохо о нем подумала. Гораздо хуже, чем должна была думать о... друге?

На этой мысли я вытащила мобильный из коробочки и включила под ответ вальцгарда:

— Есть.

— Отлично.

Активировала телефон сканером радужки, считала контакты Единички со смартфона вальцгарда.

Сначала — Леона, потом Рон.

Бэрри притопала за мной на кухню просить жрать, но я уже набрала номер сестры и отвернулась от виари. Ничего, потерпит, потому что в ее случае оправдание «я не толстый, это у меня чешуйки массивные» скоро не прокатит.

Леона ответила быстро, и я повернулась, чтобы видеть холл.

Так, на всякий случай, потому что в прошлый раз кое-кто подкрался ну очень незаметно.

— Доброе утро, Танни.

— И тебе того же. Почему ты вчера не сказала мне про пять лет?

— Потому что мы говорили о другом. Это все, о чем ты хотела спросить?

— Этого более чем достаточно. Насколько получится смягчить? — Я чуть понизила голос.

Леона ответила не сразу.

А когда ответила, в ее голосе снова звучали ледяные нотки. Те самые, за которыми сестра всегда скрывала чувства.

— Честно говоря, Танни, я не уверена, что получится. Вообще.

— Но ты говорила...

— Я помню, что я говорила. Это было до того, как всплыла

информация о случившемся в Ортахарне. — Леона вздохнула. — Поверь, Танни, я вовсе не в восторге от всего, что сейчас происходит, но в сложившихся обстоятельствах с наибольшей вероятностью Гроу будет наказан по всей строгости. Потому что отношения между иртеханами и людьми сейчас шатки, как никогда, потому что...

— Потому что вам надо прикрыть свои задницы, — подвела итог я.

— Он нарушил закон, — донеслось резко из трубки.

— Да? А в Ортахарне ты говорила другое.

— Я никогда другого не говорила, — теперь в голосе сестры прозвучал металл. — Я сразу обозначила сроки за то, что он совершил — от трех до пяти лет, и я никогда не оправдывала его поступок. Просто сказала, что ты можешь попытаться смягчить приговор.

— Попытаюсь, не сомневайся. Когда будет проведено слушание?

— В эту субботу.

— Вот и отлично, — ответила я и нажала отбой.

После чего швырнула телефон на столешницу и подошла к окну, обхватив себя руками.

Еще немного — и я окончательно перестану понимать свою сестру.

Еще немного — и...

Закусив губу, я смотрела на океан и на растянутый над водой щит. Иногда безумно хочется вернуться в прошлое: туда, где все знакомо и понятно, где Леона — это просто старшая сестра, не иртеханесса, не первая леди, не жена Председателя.

И где она тоже совершает поступки, за которые полагается таэрран.

Да, наверное, природа права, что не наделила меня огнем, потому что я бы ходила в таэрран постоянно.

— О чем задумалась, Танни?

Я же говорила, что кто-то умеет подкрадываться незаметно.

К счастью, Гроу хотя бы оделся: рубашка навывпуск, джинсы. Но даже так он умудрялся выглядеть настолько притягательным, что я махнула рукой на творящийся в голове беспорядок и призналась честно:

— О таэрран.

— И что ты думаешь о таэрран?

— Я вчера читала Ильеррскую...

— Похоже, ты с ней сроднилась.

— Еще нет, но я к этому близка. — Уселась на барный стул и поставила пятки на перекладины.

— Танни, таэрран не так страшен, как некоторые считают. — Гроу подошел ко мне, и я осознала стратегическую ошибку в тот момент, когда

он оперся ладонями о стол, сокращая расстояние между нами. — Когда я поругался с отцом, я долгое время скрывал свое лицо, и пламя было для меня под запретом. По большому счету я мог позволить его себе, только когда оставался один, но в те годы, когда я оставался один, я отрубался раньше, чем в голову приходила мысль о пламени.

— У тебя была очень насыщенная жизнь, представляю.

— Раз представляешь, значит, должна понимать, что это ничего не меняет. Для меня.

Ну да.

Я предпочла сделать вид, что поверила, и незаметненько перевести тему на съемки.

— Почему в сценарии отказались от темы связи беременности и прорывающегося огня Теарин?

— Все потому же, почему отказались от остального. Ее состояние называется «проведение огня», когда ребенок с сильной кровью еще в утробе матери проявляет зарождающееся пламя.

— Проведение огня?

— Да. В наше время такое вряд ли случится.

— А в их? Почему Даармархский не знал о такой возможности?

— Потому что на женщин в принципе реже надевали таэрран, не говоря уже о пожизненной. Если ир்தханесса была запечатана за преступление, как нэри Ронхэн, замужество и беременность ей не грозили. Потому что слияние таких кровей — как у Даармархского и Ильеррской — это крайняя редкость.

— Не такая уж и редкость, если вспомнить историю его родителей.

— Это разные ситуации. Его мать впитала изначальную силу дракона.

— Про это в фильме тоже ничего нет.

— Насколько ты помнишь, в наше время вливание крови дракона уголовно наказуемо. Людям об этом знать необязательно.

— Людям «необязательно» знать о многом. Вам в голову не приходило, что гораздо проще найти контакт с людьми, если рассказать им всю правду, а не умалчивать добрую часть информации о своем огне и всем таком?

Гроу внимательно на меня посмотрел.

— Мне — приходило.

Я кивнула.

— Прости. У меня сейчас состояние среднестатистического ощущения, поэтому я несу всякую чушь.

— Меня куда больше пугает, что ты извиняешься.

— Спишем это на состояние среднестатистического очешуения, — сказала я и попыталась сползти вниз, чтобы поднырнуть под его руку, но мне не позволили. Перехватили за плечи, глядя в глаза.

— Как я уже сказал, Танни, у меня была очень насыщенная жизнь...

— Избавь меня от подробностей!

— Если будешь продолжать в том же духе, я буду называть тебя моя иглорыцка.

Не знаю, от чего меня закоротило сильнее, то ли от «иглорыцки», то ли от «моя», то ли от того, что Гроу выдал дальше:

— Но никогда еще она не была такой, как сейчас.

Сказано это было так, что вспыхнула кожа. Пусть даже касался он только моих плеч, и то через рубашку, но сдается мне, прикосновения тут были вообще ни при чем.

Взгляд глаза в глаза был таким глубоким и сильным, что у меня перехватило дыхание. Впрочем, это дыхание вернулось с резким ударом сердца, когда Гроу коснулся моих волос, сгребая пряди в горсть и почти касаясь губами губ. Эта реанимация прокатилась по телу волной жара, и я провела пальцами по его груди, подаваясь ближе...

— Фу-у-у! Только не говорите, что вы собрались целоваться!

Я дернулась назад, вписалась в стол и ойкнула. Гроу обернулся на Ленарда и приподнял бровь.

— Завидно — так и скажи.

— Ага, обзавидовался весь. — Ленард обхватил себя руками и вздернул бровь, копируя его жест. В целом он выглядел уже получше, чем вчера, но глаза не спрячешь.

Честно, я вообще не представляла, как себя с ним вести, поэтому слегка залипла, но, к счастью, Гроу, как всегда, не растерялся.

— Что стоим? Холодильник там. Микроволновка тоже, накрывай на стол, будем жрать.

От такого опешила не только я, но и Ленард.

— В смысле готовить, что ли?

— Ну, если хочешь, можем отдельно пожевать салат, отдельно хлеб, отдельно все остальное. Сэндвичи делать умеешь?

— Умею, — фыркнул парень. — Ты вообще в курсе, что это эксплуатация детского труда?

— Да, я тот еще эксплуататор, — хмыкнул Гроу. — В общем, не тормози. Танни, с тебя кофе.

Я сложила руки на груди.

— А ты что делать будешь?

— Есть, — без зазрения совести заявил режиссер и кивнул на кофемашину.

Надо отдать должное, пока мы с Ленардом готовили завтрак, не случилось ни одного неловкого момента. Сэндвичи получились немножко не для флэтлэя, но мы их, в конце концов, есть собирались, а не фоткать. Из тринадцати сделанных на стол попали только двенадцать (один стянула Бэрри), когда Ленард отвернулся, за что получила от меня полотенцем по морде.

Кофе тоже вышел вполне сносный, а после того, как Гроу выгулял Бэрри (мы единогласно решили, что это положено сделать ему, а мы уберем со стола), наконец-то доставили мои вещи из интернет-магазина.

Я пошла переодеваться (надо было уже собираться на встречи по поводу квартир), оставив Ленарда с Гроу. Сделала это со спокойным сердцем, потому что Гроу раз за разом вытряхивал парня из той пугающей апатии, которую я видела в непривычно потухших глазах. Снова и снова, и делал это с таким изяществом, что мне оставалось только удивляться. И мысленно его благодарить, потому что я бы так не смогла.

Честно, вообще не представляю, как бы я со всем этим справилась.

Без него.

С этой мыслью я промахнулась ногой мимо джинсовой штанины, чудом не шмякнулась на пол и бросилась к разразившемуся стандартным вертовским звонком, узнаваемым на всех континентах, смартфону.

— Эсса Ладэ. — Женский голос в трубке точно был мне не знаком: резкий, быстрый, сильный. — Меня зовут Линг При, телеканал «Экспресс Зэд». Когда мы с вами сможем встретиться и обсудить нападение на вас местрель Ярлис?

— И все-таки кому это нужно? — Мы сидели в гостиной: я — привычно подобрав под себя ноги, а Гроу — откинувшись на спинку дивана.

Почти касаясь пальцами моего плеча, запрокинув голову, смотрел вверх, где сейчас горели два точечных светильника, напоминавших приближающийся Дракони́й взгляд (двойное полнолуние). Светодиодные искры мерцали звездами: то вспыхивали, то гасли, из-за отражения в глянцевом покрытии потолка складывалось впечатление, что их бесконечное множество.

— Про законченного психа я уже говорил? — хмыкнул Гроу. — Добавлю, что он еще и моральный урод.

— А если серьезно?

— А если серьезно, Танни, этот кто-то явно хочет разрушить существующий порядок вещей. Если раньше я думал, что это просто желание столкнуть Халлорана в пропасть, то теперь...

Теперь я всерьез осознала, что ходить по улице без охраны мне не светит еще очень долго. Не успела я нажать отбой (честно говоря, попросту растерявшись от напора журналистки), как мне уже звонила Леона, чтобы сказать: я не должна общаться со СМИ, и все комментарии они возьмут на себя. Оказывается, пока разбирались с налетом, в прессу просочилась не только информация о том, что я прыгнула, но и произошедшее с Мелорой, а заодно и с Мирис. Поступки Гроу и Мелоры общественность странным образом уравнила, и нам весь день обрывали телефоны.

Поэтому сейчас мы их просто-напросто выключили.

К счастью, я не успела ничего сболтнуть, к несчастью, это не отменяло того, что завтра будет новый день, и все начнется по новой. Хотя мне по большому счету жаловаться не приходилось, а вот Гроу... его страницы были завалены сообщениями в стиле: «Считаешь возможным распоряжаться чужими жизнями?», «Чтоб ты сгорел, тварь», «Люди — не марионетки», и все в том же ключе.

До Мирис журналисты пока не добрались (ее тщательно охраняли), но в том, что доберутся, сомневаться не приходилось. Рэйнар и Леона не смогут прятать ее вечно, да и не станут, потому что в сложившихся обстоятельствах так будет только хуже.

— Уверен, что не хочешь позвонить Леоне?

Гроу медленно повернулся ко мне, и звезды в его глазах вспышками падали в небо.

— Уверен. Никогда ни за кем не прятался и не стану.

Честно говоря, я не была уверена, что сейчас это лучшее решение. Леона предложила ему охрану, но он отказался.

— Знаешь, я подумала насчет твоего предложения...

Действительно подумала.

В частности, о том, что если я останусь, вальцгарды будут сопровождать меня, а поскольку мы будем ездить вместе с Гроу, то они будут сопровождать и его.

— Я тоже. Тебе не стоит оставаться.

От такого заявления я опешила.

— Это ты так тактично намекнул, что твое предложение больше не в силе?

— Мое предложение в силе, но ты еще не готова.

Я сложила руки на груди.

— Ты — самый последовательный мужчина во Вселенной, Джерман Гроу.

— Нет, Танни, я просто хочу быть уверен, что ты со мной не из-за обстоятельств и не потому, что хочешь меня защищать.

— А что такого в том, что я хочу тебя защитить?! — хмыкнула я.

— Это не совсем то, чего мне хочется в наших с тобой отношениях.

— Поняла. Я типа крутой мужик и все такое.

— Не поняла. Я, конечно, крутой мужик, — Гроу усмехнулся, — но я хочу, чтобы ты все-таки поняла, что мне нужна ты. Чтобы поверила в то, что ты хочешь засыпать и просыпаться рядом со мной так же, как этого хочу я. Хочу, чтобы ты поняла, что я действительно готов ждать и быть рядом с тобой просто так, без каких-либо претензий. Понятно, Танни Ладэ?

Челюсть, моя челюсть.

Можно я примотаю ее обратно, а то она просится на колени?

— Ну и сколько же ты намерен ждать? — поинтересовалась я.

— Столько, сколько тебе потребуется, чтобы это понять. Дня два. Может быть, неделю.

Пару мгновений я смотрела на него, а потом расхохоталась.

Наверное, выплескивая все напряжение последних событий, потому что смех еще долго сквозь меня прорывался, а когда закончился, я уткнулась лбом ему в плечо.

— Ну и самомнение, — вздохнула я.

— Да, с самомнением у меня полный порядок.

— Тогда ты должен понимать, что я хочу остаться.

Подняла голову и положила подбородок на режиссерское плечо.

— Не потому, что я хочу тебя защитить. А просто потому, что хочу.

— А что насчет будущего?

— Мое будущее здесь и сейчас. С тобой. Ну и честно говоря, мне не понравилась ни одна квартира, которую мы смотрели.

Теперь расхохотался Гроу, причем так, что я затряслась вместе с ним.

Определенно мы оба сумасшедшие. Сумасшедшие настолько, чтобы попробовать строить отношения на стыке двух миров.

— Знаешь, Танни, — сказал он, отсмеявшись. — Вот не могла ты просто сказать «да» вчера, когда решила потрепать мне нервы?

— Не могла, — ответила серьезно, повторяя пальцами надлом розы на его татуировке, под которой скрывался родовой узор. — Потому что вчера я не была готова говорить «да».

Честно, не уверена, что готова сейчас, но...

Но ему об этом лучше не знать.

— Значит, остаешься.

— Остаюсь, — кивнула я.

— И будешь спать со мной в одной постели?

— А у меня есть выбор?

Гроу подтянул меня поближе к себе, и я закинула ногу ему на колени. Глядя, как падающие в бездонное черное небо звезды вытесняет зеленое пламя и вертикаль зрачка.

— Нет, — хрипло сказал он.

А потом опрокинул меня на диван и поцеловал в губы.

— У-у-у... — выдохнула я в поцелуй.

Вообще-то это было: «Там Ленард наверху», но в эту минуту с меня стянули джинсы. Мастерски, надо сказать, и прежде чем я успела возмущенно тяпнуть этого... режиссера за губу, поинтересовались:

— Ты что-то хотела сказать?

— Ты что творишь?!

— Углубляю наше «ничего» до состояния «чего».

После такого заявления воздух во мне закончился повторно, а следом — еще раз, когда этот драконоподобный, без труда удерживая мои запястья одной рукой, расстегнул уже свои брюки.

— Не здесь!..

Резкое движение бедер выбило из меня остатки мыслей: особенно учитывая то, насколько это вышло сильно и остро. Я задохнулась от смены чувственных ощущений, понимая, что после такого рыпаться уже как-то бесполезно.

— Я тебя прибью! — пообещала я, когда ко мне вернулась способность мыслить связно.

Впрочем, очень сложно рассуждать логически, когда твои запястья стиснуты так, что ты не можешь пошевелиться, а внизу живота рождается (медленно, потихоньку) тягучее горячее чувство.

— Непременно, — сообщил Гроу, перехватывая мою вторую руку, разводя их в стороны над головой и глядя мне в глаза.

В его глазах сейчас почти не было огня, а то, что было — таяло искрами в темной глубине. В которую я сейчас падала, несмотря на все «но», «когда» и «если».

Немалых усилий стоило вытолкнуть себя на поверхность и поинтересоваться:

— А если я залечу?

— Будем воспитывать.

В сочетании с тем, что мне сейчас пришло в голову, чувственные

ощущения там, где соединялись наши тела, были просто неповторимые.

— Ты сейчас так пошутил, да?

— Разумеется. Я принимаю меры.

— Меры.

— Ага. — Он чуть двинулся назад, вызывая желание двинуть его.

Потому что больше всего мне сейчас хотелось продолжения.

— Вернемся к нашему «ничего», — плотнее вжимая мои запястья в подушки, выдал этот... дракон. — Для начала, Танни, когда я говорю «моя девочка» — это значит «моя». Ты ведь моя девочка, Танни?

Во мне как-то разом кончились все слова.

— Издеваешься?

— Ну, ты же надо мной издевалась.

— Злопамятный какой!

— Не то слово. — Меня чувствительно укусили за губу, резким рывком врываясь глубже и срывая с губ сдавленный стон. — Моя. Танни.

Пусть даже сейчас зрачок был человеческим, взгляд все равно оставался звериным. Сумасшедшим, диким, рождающим во мне такой же первобытный животный отклик.

— Хочу услышать это от тебя. — Жесткие губы скользнули по моей щеке.

— Там... Ленард наверху!

— Не это.

Очередное движение вызвало болезненно-сладкий спазм, который тут же угас, потому что этот... драконоизувер снова замер, вглядываясь в мое лицо. Вглядываясь так, что я горела без всякого огня от кончиков пальцев ног до макушки: так, словно я действительно была его вся, да я и была его вся.

Сейчас.

— Так и будешь молчать, Танни?

— А ты так и будешь трепаться? — вскинула бровь, чуть сжимаясь и срывая с его губ хрипкое рычание.

— Иглорыцка, — выдохнул Гроу.

— Драконоизувер, — не осталась в долгу я.

— Люблю твои комплименты.

— Он же реально может войти в любой момент!

— И тебе это нравится.

Я хотела послать Гроу в пустоши, но поняла, что он нрав. Мне нравится вот так лежать на диване, чувствуя его в себе, дрожать от возбуждения и понимать, что в любой момент нам придется в срочном

порядке застегивать брюки и делать вид, что мы смотрим визор.

Я извращенка.

Диагноз окончательный и обжалованию не подлежит.

— Так что, Зажигалка? Скажешь, что ты моя? — Запястья погладили подушечками пальцев.

— А что мне за это будет?

— Как минимум я позволю тебе...

— Заткнись! — прошипела я, понимая, что он говорит в полный голос, а потом быстро-быстро прошептала: — Твоя, десять раз твоя. Доволен?

— Десять раз? — Зрачки Гроу расширились, чтобы вытянуться в вертикальные.

И это меня тоже заводит.

Дико.

— Ловлю на слове, Танни, — последнее прошептали мне в губы, скользнув телом по телу так, что я почувствовала наше слияние еще ярче.

— Ты хоть один раз закончи-и-и. — На последнем слове сорвалась на стон, потому что он рывком подался наверх, а потом эта мужская полудраконья особь скользнула рукой между наших тел: по обнаженному под задравшейся футболкой животу и ниже, добавляя чувственных ощущений.

От прикосновения пальцев вздрогнула, хватая ртом воздух.

Отзываясь, подаваясь к нему, раскрываясь.

Вцепилась зубами в свою же ладонь, чтобы не кричать от нарастающего внутри наслаждения, рождающегося в ритме общих движений.

В сумасшедшем взгляде глаза в глаза.

В отражающихся на его лице чувствах и полном молчании.

Особенно острым в момент, когда я содрогнулась, и вспышка внутри оборвалась хриплым стоном в жесткие губы. Гроу впился в них поцелуем, выпивая меня, все мои крики, которые я так хотела сдержать, всю дрожь моего тела, и возвращая свою.

Резко, яростно, сильно.

Так, что на последнем движении я содрогнулась снова, падая в этот поцелуй, в эти глаза и в небо вместе со звездами.

Молча.

В звенящей тишине.

Впитывая близость всей кожей, каждое прикосновение.

Каждый приглушенный хриплый вздох-рычание, прорывающийся между поцелуями.

— Ребят, у нас там пицца еще осталась?

Хлопнувшая дверь и шаги заставили Гроу резко податься назад, срывая с губ последний полупроглоченный стон. Я мгновенно подскочила на диване, натягивая джинсы. Пригладила волосы и включила визор, сунув пульт между подушек, облизнула припухшие губы.

— Да, что-то было, — отозвался Гроу, когда Ленард появился на лестнице.

Спокойно, но я уловила хриплые «песочные» нотки в этом сумасшедшем недорычании. Сама промолчала, потому что боялась, что голос у меня будет такой же, как у него.

— Может, поедим? — поинтересовался Ленард, спускаясь.

— Я с вами двумя скоро перейду на режим пиццы и бургеров, — хмыкнул режиссер.

— Ой-ой-ой, сам-то ты чем, кроме сэндвичей, питаешься? — поинтересовался Ленард. — В твоём холодильнике вообще нет ничего толкового.

— Холодильник у меня для гостей, — хмыкнул Гроу. — А питаюсь я в ресторанах.

— Ну да, как же я мог забыть.

— Рано тебе еще забывать, в таком возрасте с памятью все должно быть отлично. — Гроу развернул мальчишку в сторону кухни. — Топай. Заодно и разогреешь на всех.

— Пойдем, Бэрри. — Ленард протянул виари руку, и та с радостью подскочила.

Сочетание слов «пойдем, Бэрри» и упоминание кухни всегда вызывало у моей виари энтузиазм.

За спиной Ленарда Гроу показал мне два пальца, приподнял брови и прошептал одними губами:

— Два раза.

Я показала ему кулак и направилась на кухню.

С бешено бьющимся сердцем и одной-единственной мыслью: кажется, я серьезно попала.

Хаймарг, Ферверн

Новости — как драконы: достаточно щелкнуть пальцами, и ураган прокатывается над городом, оставляя после себя только обугленные руины. Зверей пришлось здорово раззадорить, но оно того стоило. Пока все суетились по поводу налета на Зингсприд, в прессу просочилось нечто

гораздо более важное, чем падение Танны Ладэ. Глупость местрель Ярлис, изначально вызвавшая в нем исключительно раздражение, пришлось как нельзя кстати.

Из любого поступка можно извлечь выгоду, и промашку дуры, решившей сбросить сестру первой леди Аронгары с балкона, он обратил в преимущество. Сейчас, когда репутация иртханов в Аронгаре здорово пошатнулась (признаться честно, только наполовину благодаря его усилиям, это же надо было додуматься предложить отключить щиты!), информация о том, почему именно свалилась Ладэ, взбудоражила еще сильнее. Но даже это не главное.

Главное — Мирис Хайм.

Халлорану придется увеличить срок наказания, и Джерман Гроу выйдет из игры, даже не успев начать. Таэрран — клеймо, которое стоило нацепить этому выродку очень, очень давно. С самого рождения, потому что такие, как он, не ценят даже преимущество крови.

Такие, как он, вообще ничего не ценят, но рано или поздно им за все приходится платить.

Единственное, что могло его спасти — помощь Ладэ, когда он успел подхватить ее во время падения. Но это ему тоже уже не поможет, потому что...

Иртхан расплел сцепленные за спиной пальцы, а потом снова сцепил их, на сей раз на уровне груди. Иней побежал по подушечкам, холодом огня растекаясь в груди, узором ложась на стекло, не пропускающее морозное весеннее солнце в кабинет. Нижнюю часть его лица в отражении срезал матовый лед, в глазах полыхало ледяное пламя. Пламя, которое с каждым днем становилось все сильнее благодаря крови драконов.

Медленно обернувшись, он приблизился к столу, опустил в кресло и пробежался пальцами по клавиатуре.

Аронгара сейчас спит, но после раскрытия информации, после его финального аккорда она проснется уже другой. Последняя новость навсегда разрушит мир: такой, каким он был до этого дня. Не только в Аронгаре, но и в Ферверне.

Везде.

Этому давно пора было положить конец: люди слишком заигрались, считая, что иртханы для них всего лишь средство. В современном мире, в своих уютных квартирках они рассуждают о том, нужна ли им защита, совершенно позабыв, что их предки прозябали под землей, лишь изредка выбираясь на поверхность. Пока шаманы Пустынь рисковали своими жизнями, вливая себе кровь драконов и сгорая заживо.

Ничего, скоро этому придет конец.

Когда эти недалекие потребленцы взбунтуются, настанет время поставить их на место и вернуть в те условия, какими они были во времена Даармархского. Возможно, тогда они научатся ценить то, что имеют.

Иртехан поморщился, запуская программу, соединявшую ключевые информационные центры. Определенно сведения о привязке за счет пламени сейчас придутся очень и очень в тему. Та часть архивов Ильеррской, где говорится об Ибри, — секретное оружие, которое пошатнет все основы, разрушит привычный мир и окончательно уничтожит Гроу.

Если до этого слова Ладэ о спасении могли ему помочь, то теперь, после всего, что случилось, после того, что между ними произошло, это будут слова девицы, помешавшейся на драконе.

Подсаженной на дракона.

На его пламя.

Зависимой.

Тот факт, что он действительно ее спас — это тоже не показатель, особенно учитывая его маниакальное желание заполучить Ладэ на главную роль. Репутация знаменитого режиссера его же и добьет.

Сама же Танна Ладэ из жертвы превратится в еще один раздражитель (если, разумеется, будет упорствовать в своем желании его защитить). Для общества людей она станет кем-то вроде не желающей лечиться алкоголички, если не сказать хуже.

Управлять общественным мнением так легко и приятно.

Иртехан на мгновение замер: от того, чтобы узнать о привязке, мир отделяло одно движение руки. Такие моменты он чувствовал особенно остро, как ярость бушующего внутри огня, усиливающегося под затихающее сердцебиение дракона, отдающего ему свою силу и жизнь. Так же как взгляд в глаза разъяренному зверю, не желающему подчиняться, но все равно склоняющемуся перед ним.

Очень скоро... ладно, относительно скоро, такие дела быстро не делаются, но в ближайшее десятилетие перед ним склонится весь мир.

— Ферн Гранхарсен. — Голос секретаря прозвучал очень не вовремя.

Он вскинул голову, скользнув по девушке безразличным взглядом: интерес к ней он потерял быстрее, чем рассчитывал. Слишком ледяная, слишком обычная.

— Я же сказал: не беспокоить, — произнес, с трудом сдерживая изморозь раздражения.

Даже коммуникатор отключил, он всегда отключал его в такие

моменты.

Своеобразный ритуал.

— Знаю, но ферн Ландерстерг приглашает вас к себе. Срочно.

Ландерстерг.

Ноздри дракона едва уловимо шевельнулись. Раздражение перешло в ярость, но он не позволил ей прорваться даже легким инеем на пальцах.

— Свободна, — произнес резко.

Секретарь слегка побледнела.

— Что мне передать ферну Ландерстергу?

Ландерстерг, Ландерстерг, Ландерстерг!

Была бы его воля, он бы выставил этого зазнавшегося из-за древней крови недоделка из его же собственного кабинета. Желательно через окно и вниз головой, как Ярлис поступила с Ладэ.

К сожалению, он один из немногих, кто не уступает ему по силе.

Даже сейчас, но со временем... все изменится. Когда он доберется до подводных, все станет иначе: имя Гранхарсена уже будет греметь на весь мир, а династия Ландерстергов будет уничтожена. С ним же он разберется один на один.

В поединке.

— Скажи, что буду через десять минут, — резко произнес он.

— Хорошо, ферн Гранхарсен.

Хорошо.

Ничего хорошего!

Стоило двери за ней закрыться, как с пальцев сорвались ледяные иглы, рассыпаясь крошечками на лету. Ноздри снова шевельнулись, в отражении монитора зрачки вытянулись нитями, в глазах билось яростное снежное пламя.

Будь его сила обрушена на архивы Ильеррской, от них не осталось бы ни бита.

— Прощай, Джерман, — процедил он.

И нажал клавишу.

ГЛАВА 6

— Эсса Ладэ, что вы можете сказать о привязке?

— Без комментариев.

За сегодняшнее утро я эту фразу повторила, наверное, раз десять.

— И все-таки ваши отношения с Джерманом Гроу...

Журналиста от меня оттеснил Единичка с напарником, и я села во флайс. С явным облегчением, потому что моей выдержке вот-вот настанет конец. Когда я просыпалась утром от очередного звонка Леона, я даже не представляла, что услышу. В общем, если день мог стать дерьмовым, в ту минуту он им явно стал.

Телефон я сразу поставила на беззвучку, договорившись, что если Гроу понадобится со мной связаться, он позвонит Местерхарду. Было велико искушение выключить его с концами, но с концами было нельзя (ибо Леона), поэтому приходилось то и дело слушать вибрацию в сумке. Наверное, никогда в своей жизни я не была такой популярной и востребованной, как сегодня.

Флайс взмыл ввысь, и я напоследок оглянулась на мемориальный комплекс. С виду ничем не отличающийся от какого-нибудь госпиталя, он не далее как полчаса назад принял родителей Ленарда.

Я стояла рядом с ним во время прощания. С ним и с его теткой, сестрой матери: невысокая, худая, с поджатыми губами женщина при встрече окинула меня оценивающим взглядом и процедила слова благодарности за то, что «согласилась приютить племянника на время». Теперь она собиралась оформлять опеку и переезжать в Зингсприд, а мне оставалось только крепко обнять Ленарда на прощание.

— Спасибо, — хрипло сказал он, когда я отстранилась.

Глаза его были абсолютно сухими, но иногда это страшнее, чем льющиеся слезы. Сейчас я чувствовала это особенно остро, но помня об утреннем разговоре с Гроу (когда я в панике сообщила ему, что не знаю, что говорить и что делать, а он посоветовал доверять своим чувствам), просто ответила:

— Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

— Я знаю, — ответил он.

Потом они с теткой ушли в одну сторону (разумеется, от съемок Ленард на сегодня был освобожден), а мы с вальцгардами в другую. Вальцгарды ей тоже не понравились, но, учитывая обстоятельства, странно

было бы, если бы было иначе. Я изо всех сил старалась не думать о том, каково Ленарду будет с ней, но не получалось. Не могла не думать и о том, что в ее глазах я не нашла сочувствия, одно только раздражение.

Или мне так показалось.

Хочу надеяться, что мне показалось.

Все по-разному справляются с горем и прячут свои эмоции.

— Эсса Ладэ. — Голос Единички вернул меня в реальность.

Я взглянула на него: вальцгард выглядел уже значительно лучше, чем в нашу недавнюю встречу, но в глубине глаз все равно скрывалась усталость.

— Вы отлично держитесь, — произнес он.

— Зовите меня Танни, — сказала я и добавила: — Да, знаю, это звучит очень непоследовательно, но я подумала, что вы знали... в общем, о том, что Гроу нашелся. Мне очень жаль, и я прошу прощения. Я тогда вообще была на взводе.

Если Единичка и удивился, то вида не подал. Вот кто мастер маскировки собственных чувств, но ему, наверное, по должности положено.

— Все мы тогда были на взводе.

— У вашей девушки сейчас полно работы.

Учитывая, что его девушка — пресс-секретарь Рэйнара, «полно» — это еще было мягко сказано.

— Она справится. — Рон неожиданно улыбнулся.

— Не сомневаюсь.

Я замолчала, потому что стремно лезть в чужую личную жизнь и расспрашивать о том, как теперь будут строиться их отношения. Отношения обычной женщины (то, что она пресс-секретарь Председателя, не отменяет того, что она не иртеханесса) и капитана вальцгардов, иртехана с сильной кровью — после того, как вылезла вся эта чешуйня о привязке. Да, если честно, меня и раньше этот вопрос волновал, а теперь особенно.

Рэйнар и его пресс-служба явно переживали не лучшие времена. На вечер была назначена очередная пресс-конференция, но, судя по всему, СМИ такое положение дел не устраивало. Несмотря на день траура по случившемуся в Зингсприде, люди как с цепи сорвались: журналисты сходили с ума, в соцсетях творилась какая-то наблова задница.

Оставалось надеяться, что на съемочной площадке все будет относительно спокойно, хотя и верилось в это уже с трудом. Стоило Вайшеррским холмам и зданию «Гранд Пикчерз» показаться еще вдалеке, как меня бросило в холодный пот. Честно говоря, я сама не знала, чего боюсь больше: взглядов коллег, перетекающих с меня на Гроу, встречи с

Паршеррдом, или набл знает чего еще.

Чего еще ждать, оставалось только догадываться, но прежде чем я успела себя накрутить, перед глазами отчетливо встали ехидные лица одноклассников из числа поклонников Лодингера.

Шепотки за спиной.

Усмешки.

Магнитные неоновые стикеры с надписью «давалка» на дверце моего ящика.

Даже после того как Леона запустила Мика побегать с голым задом, это не прекратилось, более того, начались комментарии в адрес сестры вроде: «Когда в любовниках правящий, можно все», — и все в том же духе.

Справилась же я тогда?

Справилась.

Переживу и теперь.

С этой мыслью я стряхнула остатки страха с холодеющих рук и вышла из флайса. До павильона номер девятнадцать мы добирались в молчании, пока летели на каре, я смотрела на мельтешащие декорации, вспоминая, как впервые оказалась здесь. Съемочный городок не изменился, да и времени прошло всего ничего, у меня же возникло такое чувство, что целая жизнь или даже больше.

Все будет хорошо.

Леона с Рэйнаром дадут комментарии, и все будет хорошо.

Я шагнула за двери, привычно вынимая пропуск, вальцгарды прошли за мной, обменявшись взглядами с секьюрити «Гранд Пикчерз». Несмотря на все случившееся, сейчас я почему-то испытала странное облегчение. Так бывает, когда возвращаешься домой.

При мысли о том, что сейчас я попаду в гримерную, а потом снова шагну под камеры, снова увижусь с коллегами и услышу: «Стоп. Снято», — сказанное Гроу, меня охватил какой-то детский восторг. Который спустя мгновение сменился осознанием того, что при учете всех переменных, обретающихся на съемочной площадке, я забыла только Z — задница.

Гайервровомтрико, чтобы ему раз десять провалиться сквозь землю, стоял с Гроу лицом к лицу. Исходя из того, что Хеллирия, тьфу, Сибриллия с Рихтом застыли в декорациях, прибыло это существо мужского пола с говорящей фамилией на букву «г» совсем недавно. А судя по тому, как он скривился, заметив меня с вальцгардами, выглядели Единичка с напарником гораздо более внушительно, чем два шкафообразных амбала за его спиной.

— Здравствуйте, — сказала я, перехватив взгляд Гроу.

Улыбнулась, но он не улыбнулся в ответ.

— Эсса Ладэ, — зато улыбнулся Гайер. Учитывая его перекошенную физиономию, вышло как оскал самца прицки, крайне мерзкого помойного грызуна. — Рад, что вы все-таки соизволили явиться, потому что режиссер проекта вряд ли одобрит ваши постоянные отлучки и — прежде чем вы откроете свой рот, — вызывающее поведение.

Прежде чем я успела «открыть свой рот», до меня дошло, что только что сказал Гайер.

Но даже если бы не дошло, воцарившаяся на съемочной площадке тишина была весьма говорящей, чтобы навести на мысли. А его исполняющее обязанности генеральное говножуйство уже сделал жест стоявшему в стороне мужчине, при этом продолжая улыбаться.

— Как я уже сказал, руководство «Гранд Пикчерз» приняло непростое решение отказаться от услуг эстерда Гроу и передать проект Ранкарду Джельзу. Встречайте, наш новый режиссер.

Что за...

Наверное, именно выражение лица Гроу помогло мне удержаться от того, чтобы озвучить свои чувства. Или тишина на съемочной площадке. Или морда Гайера, которая так и просилась, я бы сказала, напрашивалась на то, чтобы познакомиться со стеной. В свое время Леона мне объясняла, что людей бить нельзя, но как же временами хочется!

— У тебя есть пять минут, Джерман, — Гайер выделил его имя, — чтобы сказать что-то коллегам. Если, разумеется, у тебя есть что сказать.

Я проглотила собственное сердце. По ощущениям.

Наверное.

Потому что смотреть на то, как твой мужчина лишается смысла жизни гораздо больнее, чем испытывать то же самое самой. Это я поняла, когда Гроу обернулся к остальным.

— Ребят, с вами было очень классно работать.

Что?!

— Без преувеличения классно. В силу специфики профессии... — последнее его слово было отмечено нервным смешком гаффера, — ... сменил бесчисленное множество коллективов, но ни в одном не чувствовал себя настолько круто, как с вами.

Он что, реально прощается?!

Ладно, я понимаю, что бить людей так часто нельзя, но кое-что в стиле: «Чтоб тебя дракон всосал через зад», — можно было бы от души пожелать.

— Сделайте крутой фильм. Я знаю, вы это можете.

А?

Когда Гроу вскинул руку с большим пальцем вверх, по площадке пронесся вздох, а во мне, наоборот, закончился воздух. Я моргнула, когда он прошел мимо меня (просто прошел, не сказав ни слова!). Несколько мгновений смотрела, как он идет к выходу, а потом бросилась за ним.

Не остановил меня ни Единичка, попытавшийся перехватить за запястье, ни окрик Гайера за спиной:

— Эсса Ладэ!

Поскольку Гроу ходил быстро, догнала я его уже чуть ли не на выходе из павильона. К счастью, потому что мне жизненно необходимо было заглянуть ему в глаза и увидеть в них... Увидеть в них что?

— Возвращайся на площадку, Танни. — Сейчас в его взгляде не было ничего, кроме холодной сосредоточенности.

— Нет. — Я покачала головой, с трудом сдерживая смехок. — Нет. Ты с ума сошел?!

Коснулась его руки.

— Возвращайся на площадку. — Гроу чуть повысил голос, зрачки дернулись в вертикаль. — Если не хочешь устроить Гайеру двойной праздник. Ты — Ильеррская, и это должно так и остаться.

— Я твоя Ильеррская! — выдохнула я.

— Ильеррская никогда не была чьей-то.

— Джерман...

— Танни. Поговорим дома.

Он отцепил мои пальцы от своего рукава и... просто вышел за дверь. Я смотрела на эту самую дверь, не в силах поверить в случившееся. Когда меня вышибли из «Хайлайн» (по милости Гайера, к слову), я пребывала в состоянии среднестатистического очешуения. Сейчас же я готова была вцепиться Гайеру в глотку, и он очень не вовремя о себе напомнил.

— Эсса Ладэ, вам напомнить условия контракта?

Я сжала кулаки и широким шагом направилась к нему, но меня перехватил Единичка. Рванулась, но Рон не отпустил, напротив, жестко посмотрел мне в глаза.

— Танни. Если ты сейчас устроишь скандал, из этого вытряхнут все возможное и невозможное, чтобы его окончательно уничтожить.

Ну, конечно.

Привязка.

— Рэйнар скажет, что это невозможно. Сегодня. В прямом эфире.

— И ты думаешь, в это так просто поверят? После налета? После

всего?

Я глубоко вздохнула.

— Поняла.

— Поняла?

— Да, Рон. Поняла. Отпусти.

Единичка разжал пальцы, и я шагнула вперед.

Все ближе и ближе к съемочной площадке, ближе и ближе к реальности Ильеррской, которая казалась мне такой долгожданной, а теперь... превратилась непонятно во что.

Не глядя на Гайера, потому что руки все еще чесались, но я обещала. Дело было не только в обещании, я прекрасно понимала, что вальцгард прав. В сложившихся обстоятельствах меня не просто заклеят невменяемостью, но еще и добавят Гроу за то, что «подсадил» меня на себя настолько, что готова бросить роль, нарваться на неустойку, да еще и вцепилась генеральному менеджеру в генеральную лысину и сняла с него скальп.

— Мы и так здорово отстаем, — выступивший вперед мужчина, полностью седой, но тем не менее стильный, шагнул вперед. — Поэтому сейчас закончим то, что намечено на сегодня, а после завершения съемочного дня я представлю новый график, в который нам придется вливаться в ритме. Прошу всех с пониманием отнестись к тому, что работать придется жестко и быстро. Все. Теперь продолжаем.

Он взглянул на меня.

— Эсса Ладэ, у вас, насколько я знаю, есть телефон Ленарда Харинсена.

— Есть, — отозвалась я.

На всякий случай сунув пальцы в карманы.

— Будьте любезны мне его сообщить.

— Зачем?

Брови режиссера приподнялись.

— Затем, что мне нужно сообщить ему, что каникулы закончились.

— У него не каникулы, — сказала я, с трудом сдерживая рвущееся из груди рычание. — У него родители погибли.

— И это очень грустно. Но, к моему величайшему сожалению, я не могу позволить себе срывать съемки даже по такой страшной причине.

— Вы всегда можете найти его телефон в документах, — хмыкнула я и направилась в сторону гримерных.

Подальше от Гайера, подальше от этого идиота, потому что внутри все клокотало. Ногти до боли вонзились в ладони, но я почувствовала это,

только когда врезалась плечом в угол на повороте. Меня качнуло назад, Рон подхватил, но я вырвалась и зашагала еще быстрее.

Пытаясь понять, что я могу сделать.

Прямо сейчас.

Позвонить Леоне? Гроу мне потом голову оторвет. Он никогда не примет от нее помощь, да и что она может сделать? Надавить на Гайера? О да, это будет незабываемая тема для журналистов.

Я влетела в гримерную, когда Гелла с кем-то говорила по телефону.

Заметив меня, резко обернулась, ассистентки повскакивали со своих мест, как виары, заметившие еду.

Гелла тут же нажала отбой и сунула мобильный в карман джинсовых брюк.

Вообще не представляя, что буду делать дальше, опустилась на стул и зажала руки между коленями.

Дверь за моей спиной распахнулась, и в гримерную влетел сначала режиссер, а затем Единичка с напарником.

— Если вы считаете, — мужчина шагнул ко мне, ноздри его раздувались, — что можете говорить со мной в таком тоне и пытаться уронить мой авторитет в глазах остальных, то вы сильно заблуждаетесь, эсса Ладэ. Если такое еще раз повторится, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы покинули проект. Я ясно выражаюсь?

— Куда уж яснее. Вы так орете, что вас слышно в соседних павильонах.

Лицо режиссера побагровело.

— Еще раз. Если вы хотите сниматься в моем проекте...

— Хочет или не хочет, — скрестив руки на груди, вперед выступила Гелла, — но не будет. По крайней мере, сегодня.

— Что вы сейчас сказали? — Мужчина повернулся к ней.

— То, что вы слышали. — Гелла вскинула брови. — Сегодня она точно сниматься не будет, потому что лично я ухожу.

Ставленник Гайера изменился в лице.

— Ваше право, эсса Кархарн. — Он пристально посмотрел на Геллу. — Неустойку по вашему контракту вы должны будете возместить...

— Я знаю сроки. — Она направилась к встроенному шкафу и не снесла Джельза, который был выше ее на две головы, со своего пути только потому, что он вовремя отскочил.

Абсолютно ошалевшие ассистентки моргали, переводя взгляд с нее на режиссера, а я поднялась.

— Вы тоже куда-то собрались, эсса Ладэ? — ядовито осведомился он.

— Ага. Не могу же я работать без руководителя примерной команды.

— И это, разумеется, единственная причина, по которой вы уходите? Я перехватила предостерегающий взгляд Рона и пожалала плечами.

— Нет. Еще вы мне просто не нравитесь.

В эту самую минуту в примерную влетел запыхавшийся Бирек.

— Это что, правда?.. — Увидев наши говорящие лица, стилист осекся.

— Это правда, эстерд Мирн. — Голос режиссера дребезжал от злобы. — Надеюсь, у вас нет проблем с субординацией?

Бирек покосился на него, потом на нас с Геллой и, не говоря ни слова, направился за нами.

— Вы пожалеете, — донеслось нам в спины, но мы уже шли по коридору.

Что характерно, даже не глядя друг на друга, не перекинувшись ни единым словом, за нами вышагивали вальцгарды. Взгляд Единички буравил мне затылок, но я решила, что с ним объяснюсь позже. Чем ближе становилась съемочная площадка, тем сильнее меня колотило, причем натурально. Я не представляла, чем это все обернется, но точно знала, что без Гроу работать не буду.

Не буду — и все.

Мы вышли из коридора под десятки взглядов и обнаружили два символических лагеря. В одном собрались гаффер, моя ассистентка и еще несколько актеров, в том числе девушка, которая играла Эсмиру. В другом — Рихт, Сибриллия и остальные. Увидев, что остальных существенно больше, я немного воспряла духом: Сибрилла без Гроу тоже не останется, и по чешуе, что мне с ассистентками не везет.

Гайер рядом с телохранителями выглядел так, словно перебрал озверина, а когда увидел меня, его перекосило еще сильнее.

— Саботаж, значит, — процедил он, резко шагнув ко мне.

Впрочем, тут же остановился: присутствие вальцгардов вернуло его с небес на землю.

— Вы за это ответите, эсса Ладэ...

— Хм, — сказала Гелла. — Как бы велико ни было желание спихнуть все на нее, это начала я.

У Гайера сделался такой вид, словно он сел голой задницей на раскаленный стул.

— Это правда? — кисло осведомился он у вылетевшего вслед за нами Джельза.

— Правда, — процедил тот.

— На вашем месте я бы подумал, прежде чем это сделать. — Гайер

наградил ее яростным взглядом. — Насколько я знаю, ваш муж нуждается в постоянном и весьма дорогостоящем медицинском уходе.

Муж? Гелла замужем?!

— Вас это совершенно точно не касается. — Она пожала плечами. — Я буду работать только с Джерманом Гроу или не буду никак.

Прежде чем Гайер успел что-то сказать, в нашу сторону направился гаффер и те, кто стоял рядом с ним.

— Присоединяемся, — коротко пояснил он, приблизившись.

Я же почувствовала себя так, словно меня ударили под дых: то есть все те, кто стоял... Рихт и Сибрилла?! До Сибриллы мне, по сути, не было никакого дела, пусть даже Гроу привел ее в проект, но... Рихт?! Я встретила с ним взглядом, и он мне его вернул — спокойный и жесткий.

— Танни. Танни! — Единичка снова попытался меня перехватить, но я уже бросилась к Рихту.

Мне было плевать на всех, кто там собрался, плевать, хотя еще утром я считала их своими друзьями и отчаянно стремилась к ним, но только не на Рихта. Нет.

— Рихт, — сказала я, тщетно пытаюсь сдерживать эмоции, которые меня охватили.

В присутствии собравшихся сделать это было гораздо труднее, учитывая десятки взглядов, впивающихся в меня иглами. Да что там, двумя иглами сейчас впилась в меня глаза Рихта, знакомо потемневшие до черноты ночи Даармархского.

— Танни?

— Ты серьезно? Ты считаешь, что он, — я кивнула себе за спину, — сделает этот фильм лучше?!

Голос даже не дрожал, всю дрожь я затолкала поглубже, поэтому со стороны, наверное, выглядела даже слегка отмороженной. На это, в общем, мне тоже было плевать, главное — не сорваться.

Главное.

Не сорваться.

— Уверен, что он сделает его достойно.

Слова Рихта окончательно выбили из меня воздух.

Я сглотнула, сунула руки в карманы, потом вытащила их.

— Ну, круто, — сказала, понимая, что не узнаю свой голос. — Желаю удачи.

Развернулась и направилась к остальным, стараясь не думать о том, что я во всем этом виновата. Если бы не я, Рихт поддержал бы Гроу. А потеря двух ведущих актеров — это уже совсем другая ситуация.

— Настоятельно советую вам всем еще раз подумать, — хмыкнул Гайер, когда я вернулась. — Когда я поставлю руководство в известность о вашей выходке, обратного пути уже не будет, и отвечать за свой выбор вы будете солидной денежной неустойкой. Понимаю, что для эссы Ладэ это не проблема...

— Рот закрой, — сказал гаффер.

Так резко, что Гайер и правда подавился воздухом.

А мы развернулись и направились к выходу из павильона. Не знаю, как другие, но я чувствовала каждый свой шаг. Так отчетливо, что они отдавались в самое сердце настолько резко, что перехватывало дыхание.

Когда я уходила из этого павильона после эпичного «отгрызания» голографическим драконом гроуголовы, я не испытывала ни малейшего сожаления. Сейчас же словно отказывалась от части себя, от жизни Ильеррской, как от собственной. Возможно, именно поэтому глубоко вдохнула горячий воздух набирающего силу дня, когда мы оказались за дверями.

— Ладно, ребят, созвонимся. — Первой от нашей группы отделилась Гелла и направилась не в сторону ожидавших пассажиров каров, а на центральную улицу съемочного городка.

— Пока!

— До связи.

— Спишемся!

Гелла, не оборачиваясь, вскинула руку, я же пару мгновений смотрела ей в спину, а потом бросилась следом.

— Спасибо, — произнесла, когда оказалась рядом.

Ожидала чего угодно, начиная от привычно колючего «отвали» и заканчивая «к тебе это не имеет никакого отношения, Ладэ», но вместо этого она метнула на меня острый взгляд.

— На здоровье, Ладэ.

И зашагала быстрее.

Я же, напротив, сбавила шаг и остановилась. Сунув руки в карманы, смотрела, как Гелла удаляется, и только когда она скрылась за поворотом, вернулась к остальным. По взглядам коллег я понимала, что они еще не до конца осознали случившееся, поэтому сейчас мы просто быстро договорились быть на связи и разошлись.

В каре я снова молчала, рассматривая проносящиеся мимо павильоны и неразобранные декорации. В сумке то и дело вибрировало, но у меня не было ни малейшего желания общаться с журналистами, потому что искушение вместо «без комментариев» дать им комментарий «завяньуши»

было слишком велико.

Единичка подал мне руку, чтобы помочь выйти, и когда я садилась во флайс, его мобильный напомнил о себе стандартным сигналом. Вальцгард коснулся дисплея, но смартфон сразу протянул мне.

Не успела я поднести его к уху, как оттуда донеслось рычание Гроу:

— Ты что устроила?!

Ну да, не ждала же я, что он скажет: «Спасибо за поддержку, Танни».

— Ничего, — огрызнулась. — Вообще-то все устроила Гелла, а я только поддержала. Вместе с остальными, которые...

— Плевать мне на Геллу, — донеслось из трубки. — И на остальных. Это тебе я сказал, Танни: поговорим дома. Тебя я просил остаться. Что с тобой не так?!

— Что со мной не так?! Что не так с тобой?! — рыкнула я. — Ты слышал, что я сказала? Мы хотели тебя поддержать...

— Они хотели! — рявкнул Гроу. — Что вы хотели?! Запороть съемки?! Ну, так вы их запороли, молодцы. Верни смартфон Местерхарду.

Да пожалуйста!

Я сунула мобильный вальцгарду, и когда мы взмыли ввысь, тут же отвернулась к окну. Не было ни малейшего желания прислушиваться к тому, о чем они там говорят, потому что меня колотило. Колотило так, что мало не покажется.

Запороли. Съемки.

Мы.

Класс!

Супер!

Местерхард отключился быстро, но я не повернулась. Обхватив себя руками, продолжала буравить взглядом стекло, краем глаза замечая проносящиеся мимо высотки. Только до той минуты, пока не наткнулась на надлом «Хрустальной иглы» — в этот момент я резко отвернулась и встретилась взглядом с Единичкой.

— Тоже считаешь, что я должна была остаться?

Вальцгард ничего не сказал.

По мере того как мы приближались к дому, колотило меня все сильнее.

Нет, как он вообще себе это представлял? Что я просто так буду играть Ильеррскую, как ни в чем не бывало?!

В квартиру я поднималась во взвинченном состоянии и, открыв дверь, под радостное вирчание шагнула внутрь. Швырнула ключи и сумку на тумбочку, сбила обувь пинками и прошла в гостиную.

Если Гроу думает, что мне это легко далось, то он сильно, очень

сильно ошибается. И еще сильнее — если думает, что это легко далось всем. Я была там, я видела их лица, всех этих людей. Всех тех, кто его поддержал!

Чтобы немного успокоиться, пошла варить кофе, и сегодня кофе получился классический дерьмочино. Из чистого упрямства я допила его до дна, после чего сунулась помыть чашку.

Зря.

— Я же. Тебя. Просил, — ударило неестественно-спокойное в спину.

Чашка шмякнулась в мойку, разлетелась осколками, а Гроу прошел на кухню, сунув руки в карманы.

— Играть в фильме парня, который требует телефон Ленарда, чтобы выдернуть его через пару часов после прощания с родителями? Извини, нет.

— Я тебя просил, — повторил он, стремительно сокращая расстояние между нами. — Просто остаться на съемках. Просто не делать глупостей.

Не делать глупостей?!

— Мне очень приятно, что ты считаешь поддержку коллектива глупостью! — хмыкнула я, сунув руки в карманы.

— Считаю. — Последнее слово получилось хрипло, потому что сквозь низкий, приглушенный выдержкой голос снова прорывалось рычание. — Ты должна была это остановить.

Я — что?!

— Остановить людей, не желающих лизать Гайеру задницу?! Не желающих смириться с тем, что...

— Что-что? — Гроу остановился напротив меня, крылья носа подрагивали. — Что меня вышвырнули из проекта, ты это хотела сказать?

— Что плохого в том, что мы хотели тебя поддержать?!

— Поддержать — это не значит рушить все, над чем я работал последние месяцы, — произнес он, пристально глядя мне в глаза. — Разваливать коллектив, который я собирал, чтобы сделать кино. Превращать съемочную площадку в поле боя. Этого Гайер и добивался. Если ты до сих пор не поняла.

Это было сказано таким тоном, что я почувствовала себя ниже плинтуса. Впрочем, нет, ниже уровня подземки — вот это будет гораздо более точно.

— Ты считаешь, что я настолько беспомощен, Танни? Что я не сумею поставить горстку мелких зарвавшихся уродов на место? Учитывая, что я генеральный продюсер?

Сделала глубокий вдох и досчитала до десяти, чтобы не сказать еще

чего-нибудь лишнего.

— Я не считаю тебя беспомощным, — произнесла, сцепив пальцы за спиной, сплетая их до боли. — Я считаю, что любому нужна поддержка, даже если этот кто-то — известный режиссер! Откуда я могла знать...

— Потому что я тебя попросил. — Таким голосом только отбрасывать, как водной плетью. — Я тебя попросил — останься. Будь Ильеррской. А я все решу. И я бы решил, Танни, но ты, как всегда, все решила сама. Пренебрегая тем, о чем мы с тобой говорили. Так, как ты поступаешь всегда.

— Ну, прости. — Я сжала кулаки. — Прости, что не подумала, что нужно делать исключительно так, как говоришь ты. И что рядом с тобой свобода воли не поощряется.

— Свобода воли поощряется там, где твои поступки не затрагивают остальных.

— Супер! — сказала я, вскидывая руки. — Отлично. Я поняла!

— И что же ты поняла, Танни?

— Что поддержка великим режиссерам не требуется, что они способны все решать сами и что, если мне сказали «сидеть», я должна сидеть.

— Кто бы сомневался, что ты поняла именно это.

Ну, все.

— Знаешь, — сказала я. — В том, что касается понимания, ты тоже не очень-то преуспел. Наехал на меня сначала за то, что я без твоего величайшего дозволения пригласила Ленарда, а теперь за то, что я — на минуточку — разваливаю коллектив! Каким образом, интересно?!

— Ты — главная роль. — Гроу шагнул ко мне. — Ты Ильеррская, Танни. Основа основ. После того как ушел я, смотрели все только на тебя.

Ну да, особенно Рихт с компанией.

— Если бы ты осталась. Если бы ты попыталась остановить Геллу, ничего этого не было бы.

— Не было бы чего?!

— Съёмки заморожены, — процедил Гроу мне в лицо. — На неопределенный срок. Вот что бывает, когда приглашаешь на роль непрофессионала.

Непрофессионала?!

— Я никогда не была актрисой, — сказала я. — Я никогда не умела молчать, когда размазывают друзей и близких. Но тебе на это плевать, как ты сам сказал.

Понимая, что еще чуть-чуть, и моей выдержке придет наблец, резко

метнулась мимо него к двери.

— А ну, вернись! — донеслось резкое, но я не остановилась.
Вбила ноги в кроссовки, схватила сумку и вылетела за дверь.

ГЛАВА 7

Океан накатывал и отступал, облизывая берег волнами и унося вместе с пеной ракушки и водоросли. Сезон набирал обороты, сразу после двойного полнолуния, читай Драконьего взгляда, в Зингсприд хлынет еще больше туристов. Точнее, должны были хлынуть, а как будет сейчас — не знаю.

Я сидела метрах в двух от воды, и при желании океан мог бы меня достать. Он, но не драконы, отрезанные от города прозрачным, искрящимся на солнце щитом. Сейчас он уже не казался таким основательным, как еще несколько дней назад. Тогда я даже представить не могла, как изменится моя жизнь, и что Ильеррской не будет — тоже.

Да что там, я и сейчас это представить не могла.

Особенно когда вспоминала съемки в Ортахарне и хохот, когда Рихт изображал Даармархского верхом на дрангхатри. В смысле не изображал, играл конечно же.

При мысли о Рихте улыбаться почему-то расхотелось.

— Эй, — Бирек ткнул меня в плечо, — не кисни, Танни Ладэ.

Я повернулась к нему: стилист сидел рядом со мной, плечом к плечу. Сама не знаю почему, но позвонила я именно ему, и он не отказался приехать. Теперь мы вместе медитировали, глядя на океан.

— Гроу прав. Я должна была что-то сделать.

— Ты сделала то, что была должна.

— Не-а. — Я покачала головой. — Я все разрушила. Я всегда все разрушаю.

— Это кто тебе сказал такой бред? — Бирек приподнял красиво оформленные брови.

— Никто. Я сама это знаю.

— Ну-ну.

— Рихт не пошел с нами из-за меня. Я не должна была давать ему надежду и...

— И?

— Если бы не я, все вообще могло бы быть по-другому.

Стилист закатил глаза.

— Что ты вообще знаешь о Рихте, Танни?

Я удивленно посмотрела на него.

— Да-да. — Бирек растопырил пальцы. — Давай перечисли мне хотя

бы пять ключевых фактов.

— Во-первых, он хороший актер.

— Ага.

— Во-вторых, он хороший человек.

Бирек снова приподнял брови.

— Да ну?

— Я в этом уверена.

— Серьезно? Ты знаешь, почему они разбежались с Геллой?

— А это вообще меня касается?

— Касается. Потому что такими темпами ты повесишь на себя вину за налет и разрушение города. — Перехватив мой взгляд, стилист вскинул руки. — Ладно. Сравнение неудачное, но вернемся к теме. Гелла с мужем были экстремалами, оба. Предпочитали адреналиновые виды спорта и все такое, катались по всему миру в поисках острых ощущений. В общем, в одном из туров он получил серьезную травму и вот уже пять лет прикован к инвалидному креслу.

— Я не...

— Дослушай. — Бирек поднял палец. — Гелла всеми силами сопротивлялась роману с Паршеррдом, но она в него влюбилась. Влюбилась серьезно, они начали встречаться. Он говорил, что она должна развестись. Она просила дать ей время. Он — что время ничего не изменит. Не знаю, о чем они потом договорились, об этом она упорно молчит, но Рихт съездил в гости к ее мужу и все рассказал. Сам. Разумеется, когда Гелла об этом узнала...

Он развел руками.

— Долгое время они вообще не разговаривали, потом появилась ты. Первый раз, когда Гелла обратилась к Паршеррду, было утро, когда она попросила его дать тебе почитать сценарий.

Я молчала.

Просто не представляла, что сказать.

— Не все в мире сходится на тебе, Танни. Иногда люди поступают именно так просто потому, что они так поступают. — Бирек хмыкнул и указал на горизонт, где стягивались тяжелые темные тучи. — Не знаю, как ты, но лично я переместился бы куда-нибудь под крышу, пока нас не полило дождичком.

Полило дождичком — это слабо сказано.

Если сейчас хлынет, через минуту нас можно будет выжимать вместе с одеждой. И судя по влажности, которой потянуло с океана, уходить надо было быстро. Вальцгарды направились к нам: видимо, чтобы сообщить о

том же, и мы с Биреком поднялись.

— Спасибо, что рассказал, — негромко произнесла я, когда мы шли к флайсу.

Стилист вопросительно взглянул на меня.

— Судя по всему, Гелла об этом не распространяется. О том, что случилось с ее мужем.

— Благодаря Гайеру об этом теперь знают все. — Бирек скривился, а я остановилась.

Так резко, что стилист убежал вперед и, обернувшись, выразительно показал на стремительно темнеющий горизонт.

— Все-таки хочешь принять водные процедуры?

— Нет, — покачала головой. — Я хочу вернуть Ильеррскую.

— Как? — поинтересовался Бирек.

Вопрос был риторический.

Точнее, он был бы риторический, потому что до его последних слов мне в голову ничего не приходило, а тут вдруг пришло. Я бы сказала, молнией шандарахнуло наподобие той, что сейчас сверкнула над потемневшей водой.

— Для начала я поговорю с Гайером.

Бирек не покрутил у виска и вообще ничего мне не сказал, видимо, потому, что в глазах у меня загорелась неоновая вывеска: «Танни Ладэ уже все решила, избегайте резких слов и неосторожных движений». Честно говоря, я сама не представляла, во что выльется моя идея, но отказаться от нее уже не могла.

Мы оказались во флайсе в ту минуту, когда первые крупные капли дождя ударили по крыше и по стеклу, а следом ливануло, стирая видимость над океаном, вытягивая волны в высоту и обрушивая их на берег. Несколько одиноких пальм ветром пригнуло до параллели с землей.

— Ты не против, если мы сначала заскочим в «Гранд Пикчерз», а потом отвезем тебя домой?

— Не против, — отозвался стилист.

Собственной машины у него не было, и вовсе не потому, что он не мог себе это позволить.

— Некомфортно чувствую себя на водительском месте, — как-то признался Бирек, — да и зачем мне флайс, если я в любой момент могу его заказать?

Что тоже логично.

Леона, например, после аэрокатастрофы долгое время не могла снова усадить себя на водительское сиденье. Потом начала встречаться с

Рэйнаром, и это вдохновило ее на подвиги. На самые разные, в том числе и на переподготовку к вождению с инструктором.

— Включите щиты, — механический голос «умной» системы выдернул меня из воспоминаний. — Порывы ветра достигают...

— Как думаешь, он еще на месте? — спросила я, закусив губу и поворачиваясь к Биреку.

Тот, если и испытывал какую-то неловкость от близости вальцгардов, этого не показывал. Впрочем, не исключено, что никакой неловкости не было: Бирек вообще был мегаобщительным и легким на подъем. В жизни не встречала более простого и позитивного человека.

— Гайер-то? Да куда он денется. Он же теперь исполняющий обязанности генерального менеджера.

— Угу.

— ...придерживайтесь скорости не более...

— А у него есть секретарь?

— Шутишь, что ли? — Бирек привычно приподнял брови. — Разумеется, есть.

— Это я продумываю стратегию проникновения в стан врага.

— Только не говори, что ты хочешь взять его в заложники и требовать возвращения Гроу.

Я покосилась на вальцгардов.

— Боюсь, ребята мне этого не позволят.

Один «ребяенок» поперхнулся и закашлялся, что касается Единички, он старательно прятал улыбку в уголках губ.

— Но секретаря они подержат в случае чего, правда?

За таким вот веселым трепом мы медленно, но верно пробирались в сторону «Гранд Пикчерз». Медленно — потому что при практически нулевой видимости и ураганном ветре, не швыряющем наш флайс в разные стороны только благодаря защитному силовому полю, двигаться быстро даже по верхней аэромагистрале было бы чистейшей воды самоубийством.

К счастью, Бирек и вальцгарды охотно поддерживали разговор, потому что меня снова слегка потряхивало. Внутренности устроили «танцы на перилах» и словно соревновались, кто быстрее скрутится в спиральку, потому что на самом деле общаться с Гайером не было ни малейшего желания. Подозреваю, что у него тоже, и именно с этим мне предстояло что-то сделать.

Для возможности проведения, надеюсь, весьма конструктивного диалога.

Быстро или не очень, но мы добрались, Бирек остался в холле, а я с

Единичкой и его напарником направилась к лифтам.

Драконы, дайте мне памяти вспомнить его имя.

К счастью, наши пропуска аннулировать еще не успели. Вышагивая по коридорам к большому начальственному кабинету, я отвела руки за спину и сложила пальцы колечками, чтобы все получилось.

Просторная приемная со стильными голографическими картинами с «живыми» спецэффектами и наличием двух секретарей в другое время заставила бы меня зависнуть, но сейчас мне было не до разглядывания техники визуальных эффектов.

— Ильерская, — коротко отрапортовала я. — К Гайеру.

Одна из секретарей открыла было рот, но в этот момент за дверями начальственного кабинета что-то с грохотом упало, а потом раздался вопль Гайера: «Вон!»

М-да, все сейчас на нервах.

А еще здесь паршивая звукоизоляция.

Об этом я подумала, когда дверь распахнулась, и в приемную вылетел красный, как задница давно не ходившего в туалет дракона, несостоявшийся режиссер. Наткнувшись на меня взглядом, он покраснел еще больше, но обмениваться любезностями мне было недосуг, поэтому я сделала то, что собиралась: пошла на штурм.

Или попросту рванула в сторону не успевшей закрыться двери раньше, чем секретарь вскочила из-за стола и бросилась мне наперерез. К ней шагнул второй вальцгард, а Единичка направился за мной следом, но я покачала головой.

— Не надо.

И быстро, пока не передумала, шагнула в кабинет Гайера.

— Я же сказал: выметайся! — Сухой дребезжащий голос отразился от стен.

Экс-исполнительный продюсер, он же эстерд Розовое Трико стоял у огромного панорамного окна и даже не потрудился ко мне повернуться, поэтому пришлось прокашляться.

Выразительно так.

Не знаю, как работали винтики в его голове, потому что он еще несколько секунд зависал, а потом развернулся — резко, как виар, которого разбудили хлопком над ухом.

— Ты-ы-ы... — прошипел Гайер, направляясь ко мне.

Казалось, у него закончились слова, потому что из груди шло одно шипение, словно бывшего исполнительного продюсера жарили на невидимой сковородке.

— Я, — я двинулась ему навстречу, — и прежде чем наше взаимное недопонимание позволит нам наделать новые глупости, хочу заметить: провал проекта отрицательно скажется на вашей репутации. Если вы, разумеется, рассчитываете остаться на посту генерального менеджера.

Гайер открыл было рот, но я не позволила ему меня перебить и перехватить инициативу.

Ни в коем случае.

— Учитывая, что изначально вы занимали должность исполнительного продюсера, вряд ли вы хотите, чтобы Ильеррская была закрыта с концами. Я тоже этого не хочу, поэтому у меня к вам есть одно интересное предложение.

Выпалив последнее на одном дыхании, я замолчала.

Понимая, что пауза и отсутствие свистящего «вон!» — это уже хороший признак.

Гайер, ноздри которого то раздувались, то прилипали к хрящу, снова открыл рот. Потом снова закрыл.

Потом ткнул в одно из кресел, парившее рядом с длиннющим переговорным столом.

— Надеюсь, это что-то действительно интересное, Ладэ, — процедил он. — Потому что в противном случае...

— Не будем о противном, — заявила я, плюхаясь в кресло.

И вот здесь в моем грандиозном плане возникал гигантский пробел.

Потому что ничего интересного я пока не придумала.

— Какая у нас основная проблема? — поинтересовалась я, пока Гайер тоже об этом не подумал.

— У нас?!

— Насколько я помню, мы уже определились с тем, что делаем общее дело. — Я спокойно выдержала колючий взгляд. — Потом, когда вернем Ильеррскую, можете продолжать меня ненавидеть, это абсолютно взаимно.

Не уверена, что так было дипломатично, зато честно, а честность, как известно, подкупает.

Судя по тому, что Гайер все-таки опустился в кресло напротив меня, действительно подкупило.

— Основная проблема у нас вы, эсса Ладэ, — язвительно произнес он.

— Только я? Ну, это не проблема. Я готова вернуться и помочь с возвращением команды при одном условии.

Гайер приподнял бровь.

— Адекватный режиссер.

Но выражению его лица стало понятно, о чем он подумал, но я не

собиралась сворачивать на тему Гроу или вестись на провокации. Гроу сказал, что может решить этот вопрос сам, вот пусть и решает, он уже большой дракон. Я здесь не за этим.

— Я правильно понимаю, что ваше требование — возвращение Джермана Гроу?

— Не-а. Мое требование — адекватный режиссер, — сказала я, не без удовольствия наблюдая за тем, как вытягивается физиономия Гайера. — То есть человек, преданный своему делу, влюбленный в Ильеррскую, но готовый идти навстречу команде, потому что без него команды не получится. Словом, вы понимаете, о чем я, этот ваш Джелз умеет только качать права и топтать ножками.

— Он снял...

— Да мне по чешуе, что он там снял, — фыркнула я. — Мне нужен адекватный режиссер. Поэтому, когда будете кого-то приглашать, ориентируйтесь на мое мнение, пожалуйста. А еще лучше — заранее нас познакомьте.

Теперь у Гайера отвисла челюсть. Натурально так, я увидела, как она слегка идет вниз под нервное подергивание кадыка.

— А не слишком ли много вы на себя берете, эсса Ладэ? — язвительно поинтересовался он. — Ваша сестра, разумеется...

— Моя сестра даже не знает, что я здесь. И не узнает, если вы сами не решите поставить ее в известность и сообщить детали нашего разговора. Сейчас вы говорите со мной, эстерд Гайер, и я буду искренне рада, если это так и останется.

Он откинулся на спинку стула, и тот слегка спружинил. Впрочем, биг босс тут же снова подался вперед: видимо, сидеть расслабленно ему было некомфортно, его классический стиль (проглотил палку и наслаждайся) был Гайеру гораздо ближе.

— Значит, вы не настаиваете на возвращении Джермана Гроу?

— Нет.

— И в случае, если мы с вами придем к договоренности о руководителе проекта...

— Я сделаю всю работу за вас. То есть лично буду убеждать каждого, кто ушел, в том, как мы были не правы.

— Гм! — сказал Гайер.

Я ждала.

Наверное, давно я ничего не ждала так, как его ответа. За это время в моей голове сложился с десяток вариантов развития событий, начиная от того, как меня пинками выгоняют из кабинета, и заканчивая тем, где я сижу

верхом на Гайере, заломив ему руку, а к нам врывается охрана... в общем, у меня богатая фантазия, да.

Особенно когда я нервничаю.

— Согласен.

Это прозвучало так неожиданно на фоне всего, что я успела надумать, что я чуть не свалилась со стула. Резко выпрямившись, кивнула Гайеру, чувствуя, как внутри раскручивается тугая спираль напряжения.

— Хорошо.

Голос звучал как-то очень спокойно, я бы даже сказала, небрежно, учитывая ситуацию.

— Но насколько вы понимаете, эсса Ладэ, решение о заморозке проекта принимал не я, и зависит все не только от меня.

Я приподняла брови.

— Совету директоров надоели постоянные срывы графиков, а еще их очень сильно напрягает ситуация в Лархарре. Они сказали, что не возобновят съемки, пока проблема не будет решена.

Ситуация в Лархарре.

Ситуация, спровоцированная папочкой Гроу.

Ситуация...

— Это я тоже решу.

Гайер даже в кресле приподнялся, опираясь о стол, но потом передумал и сел обратно.

— Неужели, эсса Ладэ?

— Ага. Дайте мне два дня.

— Два дня?! — Никогда бы не подумала, что дерьмож... его генеральное директорство Розовое Трико умеет улыбаться. Впрочем, улыбка у него больше напоминала ухмылку, будто за уголки плоских губ потянули в разные стороны.

— Два дня, — сказала я и поднялась. — От вас нужно только пробить на Совете директоров возвращение Ильеррской.

— Если вы решите проблему в Лархарре, — голос Гайера звучал как-то очень приторно, если не сказать фальшиво, — с этим проблемы не возникнет.

— Значит, договорились, — сказала я.

Хотела протянуть ему руку, но передумала.

— Договорились, — подтвердил он.

Из кабинета Гайера я вышла на автопилоте. Встроенный навигатор отметил подобранных секретарей и вальцгардов, но я просто прошла мимо, направляясь в коридор.

Не скрою, за мою не то чтобы очень долгую жизнь идеи меня посещали самые разные (взять хотя бы сделку с дерьмо... с Гайером). Но та, что меня посетила сейчас, была дракончиком на пипке кремовой горки пирожного.

Если я не сделаю этого сейчас, потом уже точно — никогда.

Возможно, именно поэтому я вытащила телефон и открыла нужный мне сайт, чтобы найти контакты приемной.

У меня даже руки не дрожали, когда я шла по коридору и слушала гудки в такт шагам и ритмичным ударам сердца. Не задрожали они, когда я услышала прохладный, наполненный учтивой вежливостью голос секретаря.

— Добрый день, — произнесла я на фервернском (хоть какая-то польза от школы и драной наблихи Броджек). — Меня зовут Танна Ладэ, я исполнительница главной роли в проекте Джермана Гроу. Я бы хотела договориться о встрече с местром Гранхарсеном.

— ЧТО ты сделала?! — спросила Леона.

Голос сестры внушал серьезные опасения, и, наверное, я бы даже могла ее понять, если бы не ситуация с приостановкой съемок.

— Договорилась о встрече с Фертраном Гранхарсеном, — повторила я. — Это ненадолго. Я просто съезжу в Ферверн и обратно, из Зингсприда как раз есть ночной телепорт, и я успеваю на восемь утра. По фервернскому времени.

— Танны, — вкрадчиво произнесла Леона. — Мне кажется или ты обещала вести себя как взрослый человек?

— Я веду себя как взрослый человек, — ответила я. — Я договорилась о встрече с одним из самых влиятельных людей Ферверна. Я хочу вернуть Ильеррскую и исправить то, что сделала. Сама. Без твоей помощи. Вообще без чьей-либо помощи. Я звоню тебе и спрашиваю твоего согласия...

— Потому что без моего согласия тебя не выпустят из страны.

— Слушай, не включай режим «ларрка», а? Мне и так не особо весело, потому что я еду общаться с большим дядей и просить его, чтобы он вернул нам Лархарру.

На том конце трубки установилась тишина. За время этой тишины я успела обвести взглядом собравшихся (то есть Бирека и двух вальцгардов), которые смотрели на меня не то с уважением, не то с мыслью: «Со скалы рухнула». Честно говоря, не знаю, как первое отличить от второго, а учитывая, что у меня при мысли о том, что я сделала, сами собой холодели руки... в общем, да.

— Значит, так, — сказала Леона. — От Местерхарда не отходить ни на шаг.

— Согласна.

— По его первому слову поворачивать в том направлении, куда он укажет...

— Поняла.

— Даже если это случится за минуту до встречи с Гранхарсеном и ты будешь держаться за ручку двери его кабинета.

— Хорошо.

— Хорошо?

Я прямо представила, как Леона подозрительно прищурилась.

— Хорошо. Я прекрасно понимаю ответственность, Леона. Я знаю, что ты привыкла считать меня маленькой девочкой, и, возможно, причина в том, что я сама себя так вела. Но сейчас я прекрасно понимаю, что к чему. И если надо будет развернуться за минуту до переговоров, я развернусь.

Я бросила еще один взгляд на вальцгардов и Бирека, отошла к окну. С высоты центрального здания «Гранд Пикчерз» хорошо просматривались Вайшерские холмы и съемочный городок.

— У меня только одна просьба: я не хочу, чтобы об этом узнал Гроу.

Потому что если он узнает...

— Он не узнает, — резко сказала Леона. — Не от меня так точно. Тебе откроют ВИП-телепорт, пойдете только вы втроем. Отель в Хайрмарге тоже забронируют, и не спорь.

— Хорошо, — выдохнула я, чувствуя, что у меня дракон с плеч свалился. — Спасибо.

— Ты подозрительно во всем соглашаешься, Танни, — донеслось из трубки. — Мне уже начинать волноваться?

— Я же сказала, что волноваться тебе не о чем.

— Сомневаюсь, — пробормотала Леона. — Ладно. Пока выдвигайтесь в сторону телепорта, Местерхарда я наберу.

— Спасибо, — повторила я.

— Удачи, Танни.

Это было сказано уже не тем отстраненно ледяным тоном, с которого привычно в последнее время начинался наш разговор. Поэтому я улыбнулась и нажала отбой, а потом отправила сестре смайлик.

После чего развернулась к вальцгардам.

— Едем, — сказала я.

И (надеюсь) очень бодро подняла вверх два больших пальца.

— Ну, ты даешь! — восхитился Бирек, когда мы все-таки подошли к

лифтам.

— Угу, — согласилась я.

Мои брови непроизвольно поднимались вверх, а глаза вылезали из орбит, потому что я до сих пор не могла поверить в случившееся. Не могла поверить, что мне хватило смелости (или наглости?) набрать Гранхарсена, что он согласился на встречу (через секретаря, правда, лично я с ним пока не общалась) и что Леона меня не тормознула.

Определенно я сегодня в ударе.

— Можно тебя попросить кое о чем? — Я внимательно посмотрела на Бирека.

— После такого ты можешь попросить меня о чем угодно, — сказал стилист, приложив руку к груди. — Танни, ты моя героиня.

Угу. То, что у героини предобморочное состояние, это не считается.

— Я еще ничего не сделала. Пока. Но хочу попросить, чтобы ты подтвердил Гроу, что я ночевала у тебя.

— А... то есть его в известность ты ставить не собираешься?

— Не сейчас. Не сегодня в смысле. Когда все будет сделано... — Я хмыкнула. — Не хочу, чтобы меня утащили из Ферверна вопящим кульком.

Бирек сдавленно фыркнул: очевидно, представил картину в 5D.

— Ладно, договорились, — произнес он, когда мы шагнули в лифт. — Чувствую себя заговорщиком, но мне это даже нравится.

— Здорово, — сказала я.

До телепорта мы добирались все по той же непогоде (к счастью, которая понемногу сходила на нет). Бирек поехал с нами, чтобы меня проводить, но разговор особо не клеился. То ли потому, что теперь до меня по-настоящему дошло, что я еду в Ферверн, то ли потому, что напряжение дня сказывалось.

Разговор с Гайером.

Разговор с Леонией.

Разговор с секретарем отца Гроу.

И с Гроу.

Я поняла в этот самый момент, что каким-то непостижимым образом умудрилась по нему соскучиться. Словно нас разделяли не крайне насыщенные полдня, а неделя-две минимум. И было в общем-то не важно, что мы наговорили друг другу. Ну или не столь важно, как мне казалось раньше.

Важнее было то, что он не звонил.

Ни разу.

Даже сообщения не прислал.

Ладно, об этом я буду думать потом.

Добрались мы относительно быстро и даже прошли выделенными коридорами, минуя скопление народа и основные залы, где могли запросто привлечь внимание.

— Танни, ты умничка, — сказал Бирек, обнимая меня в зале ВИП-телепорта.

Да, так меня еще никто не называл.

— А Гроу идиот, если этого не ценит.

— При чем тут Гроу?

— А то я не видел, сколько раз ты смотрела на телефон. — Стилист легко щелкнул меня по носу. — Он, конечно, гений, но временами хочется ему голову оторвать.

— Гений без головы — это уже не гений, — фыркнула я. — Нам пора.

Бирек в привычном для него стиле порывисто расцеловал меня в обе щеки и пожелал удачи, после чего все-таки вышел из зала. Мы попросили водителя отвезти его домой, поэтому тот сейчас дожидался стилиста на парковке.

Единичка подхватил чехлы (мне доставили теплое пальто и все соответствующее деловому визиту — читай костюм, туфли и прочее) прямо в ВИП-зал. Что ни говори, а Леона куда больше меня задумывалась о том, что надеть на встречу с Гранхарсеном, и о том, что в Ферверне сейчас, мягко говоря, свежо.

За это я тоже скажу ей спасибо.

Когда вернусь.

Я думала об этом и еще о Бэрри (с которой Гроу придется гулять), чтобы отвлечься от более серьезных вещей.

Например, о том, каким будет завтра после общения с Гранхарсеном.

И о том, позвонит ли Гроу.

— Эсса Ладэ... Танни. — Рон едва коснулся моей руки. — У вас все получится.

Я кивнула.

Получится.

Должно получиться. Согласился же Гранхарсен со мной встретиться, причем так быстро, что я даже очешуеть не успела.

— Приложите, пожалуйста, ладонь к сканеру, эсса Ладэ. — Портпроводник кивнул на медицинский планшет, встроенный в систему.

Я приложила.

К счастью, между Аронгарой и Ферверном безвизовый режим, у нас что-то вроде взаимной договоренности на эту тему в знак особого

расположения между странами-лидерами. По той же причине разрешено двойное гражданство только между нашими странами. С остальными это не работает.

— Можете проходить.

Я направилась к телепорту по ведущему на возвышение трапу, остановилась на площадке перехода, дожидаясь Единичку и его напарника. Обернулась на них, вспоминая, как Гроу влетел в зал телепорта в последний момент.

Определенно сейчас это было бы не в тему, но очень хотелось.

Как-то глупо, иррационально... хотелось его увидеть.

— Прошу. — Портпроводник, поднявшийся следом, указал нам с вальцгардами на переливающийся волнами переход.

Я глубоко вздохнула и шагнула в Ферверн.

ГЛАВА 8

Даармарх, Огненные земли

— Местари Ильеррская, доброе утро. Пора собираться на завтрак... — Лирхэн осеклась.

Вероятно, потому что ожидала увидеть меня в постели, но никак не полностью одетой, готовой к завтраку. Вчера после возвращения я прогнала всех и без сил рухнула на постель, отказываясь поверить в то, что узнала.

Ребенок.

Ребенок от Даармархского.

Немыслимо!

Весть о том, что мы с Витхаром вернулись с несостоявшегося свидания, облетела дворец со скоростью пчелы, и побледневшие нэри то и дело заглядывали ко мне, чтобы узнать, не нужно ли чего. До той минуты, пока я не рыкнула на них так, что они исчезли и больше не появлялись, разве что очень осторожно заглянули спросить, не хочу ли я поужинать.

Не хотела.

Вчера я не хотела вообще ничего, кроме одного: понять, как такое возможно? Как получилось, что я ношу его дитя?! Ответ напрашивался один — день, когда Даармархский обернулся драконом, чтобы меня спасти. Тогда я уже не пила отвар и не была наложницей.

Но какова же истинная сила пламени ребенка, если она прорывается даже сквозь запечатывающую меня таэрран?!

От всех этих мыслей хотелось не то кричать, не то выть. Вместо этого я просто лежала, бездумно глядя в потолок и не представляя, что делать дальше.

А что дальше?

Дальше меня ждала участь Ибри. Витхар узнает о ребенке (это дело двух-трех месяцев), даже если я не пойду к лекарю, даже если не скажу об этом ни единой живой душе, это станет заметно. И даже если представить, что я смогу скрывать это под одеждой, он все равно почувствует пламя, набирающее во мне силу.

Пламя нашего малыша.

Или, точнее сказать, моего.

Нашим он был бы, если бы Витхар сделал мне предложение и объявил своей женой, но он этого не сделает. Уже не единожды он давал мне это

понять, а значит, и выбора у меня нет. Когда ему все станет известно, отбор для меня будет закончен, и я присоединюсь к Ибри в вынашивании дракончика. До той минуты, пока какая-нибудь нэри с подачи будущей (или уже настоящей) правительницы не решит, что у нее получится лучше, чем у нэри Ронхэн. Или какой-нибудь хаальварн, на первый взгляд безоговорочно преданный Даармарху (а может статья, и вполне преданный правительнице), не поступит так же, как тот предатель с матерью Витхара.

Нет, я не хотела такой участи.

Ни для себя.

Ни для того, кто рос внутри.

Возможно, именно поэтому я приняла решение — одно из самых сложных в моей жизни. И после того как я его приняла, заснуть уже не представлялось возможным. Полночи я провела, ворочаясь с боку на бок на мокрых от пота простынях (меня бросало то в жар, то в холод). Может быть, тот, кто был частью меня, чувствовал, что я собираюсь сделать, а может быть, ему просто передалось мое состояние.

Второе вероятнее, но так или иначе мне не раз и не два приходилось сдерживать рвущееся на волю пламя.

Поэтому когда я поднялась (с темными кругами под глазами, бледнее снегов Севера), первым делом отправилась в купальни, а после решила привести себя в порядок. Методичное разделение прядей, еще немного влажных, гребнем, расчесывание и укладка их одна за другой в прическу помогло мне немного расслабиться и прийти в себя. Наряд я выбрала, не глядя, но именно под светло-персиковое платье уже наносила неброский макияж.

То, что обо мне наверняка говорят во дворце после вчерашнего — еще не повод давать им всем дополнительную возможность позлорадствовать. Зато есть на что списать мою утреннюю бледность.

— Вы... вы сами собрались, местари? — окончательно растерялась Лирхэн.

— Да. Мне не спалось.

Нэри замялась: по ней было видно, что она все еще переживает из-за прерванного свидания и что ей не терпится об этом поговорить.

— Я просто хочу, чтобы вы знали, — неожиданно выпалила девушка, — мы с Фархи все равно на вашей стороне. Что бы ни случилось.

— Я знаю, — кивнула. — Иначе бы вас здесь не было.

Нэри улыбнулась неуверенно, но кивнула уже решительней.

— Может быть, пройдемся перед завтраком?

Сначала я хотела отказаться, но потом подумала, что оно того стоит.

Прогулка вытряхнет остатки ненужных мыслей и сомнений, которые сейчас очень некстати.

Поэтому я кивнула, и вместо того, чтобы направиться в общую столовую привычным путем, мы пошли в обход.

Рассвет обещал жаркий день: дымка, затопившая океан, таяла под солнечными лучами. Раскаленный диск медленно взбирался на небо, а я стояла, опираясь кончиками пальцев о перила, и смотрела на рождение нового дня. На то, как очищается горизонт, как вода впитывает солнечный жар, возвращая его ослепительным блеском. Каким будет для меня вечер, представить не могла, но наслаждалась тем, что было сейчас. Тем, что могу дышать полной грудью и (хотя бы относительно) распоряжаться собственной жизнью.

То, что я задумала, было очень опасно, и я это понимала.

Но куда опаснее оставить все как есть.

— Не ожидал встретить вас в этой части дворца, местари Ильеррская.

И это, пожалуй, тоже опасно. Холодный голос, как ледяной водопад на плечи, обрушился на меня.

Обернувшись, я встретила взглядом с Янгеррдом Флангеррманским.

— Взаимно, — отозвалась я, когда дракон подошел.

До последнего надеялась, что он просто отдаст дань вежливости и исчезнет, но, видимо, моим надеждам было не суждено сбыться.

— Что же привело вас сюда?

— Нежелание сидеть в комнатах в такое прекрасное утро.

Желает учтивых бесед? Будут ему учтивые беседы.

— Вот как. Вам уже разрешено покидать покои?

Я похолодела. Насколько можно похолодеть, стоя рядом с ледяным драконом. Повернулась к нему, наткнувшись на пристальный, изучающий взгляд. Льдины в нем крошились, сталкиваясь друг с другом, и о них можно было порезаться.

До крови.

— Сложно привлечь ваше внимание, местари Ильеррская.

— Не так уж сложно, — отозвалась я, оттолкнувшись от перил. — Если вести себя достойно.

Взгляд Флангеррманского сверкнул.

— Не очень-то вы учтивы для будущей правительницы. — В его голосе явно звучала насмешка.

— Будущая правительница, — я подчеркнула эти слова, — должна уметь обозначить границы, особенно когда некоторые забываются. Доброго дня, местар Флангеррманский.

Меня окатило ледяной яростью.

На этот раз всей силой пламени: видимо, для наглядности мне продемонстрировали его подавляющую мощь.

— Недавно я потерял очень дорогую мне вещь, — донеслось из-за спины. — Вы, случайно, не представляете, где она может быть?

Я обернулась, глядя в посветлевшие еще сильнее глаза, зрачки которых вытянулись в вертикаль.

— Дорогие вещи не теряют, — ответила я в тон ему, хотя меня слегка потряхивало от гнева. — Не имею ни малейшего представления.

Нэри, стоявшие чуть поодаль, превратились в статуи, но я им доверяла. Ничто из сказанного на этом балконе не коснется ушей Даармархского. Если, разумеется, его заморский друг не пожелает поделиться с ним — так же как Витхар сказал ему о запрете покидать покои. Но сегодня, когда мы вышли из комнат и направились в другую сторону, хаальварны нас не остановили.

Значит ли это, что запрет снят?

Или же он не распространяется на прогулки перед завтраком?

Эти мысли помогли немного успокоиться, пока мы шли к столовой. Относительно, потому что разговор с драконом вытряхнул меня из спокойствия, к которому я слишком долго шла. Слишком долго, чтобы позволить одному самоуверенному перелетному гаду все разрушить.

Надо было выкинуть этот медальон в море, вчера у меня была прекрасная возможность!

Чувствуя, что ладони начинает легко покалывать, глубоко вздохнула.

Мне нельзя позволять себе эмоции, особенно сейчас.

На завтрак я пришла одной из первых, но все-таки не первой, а жаль. При моем появлении девушки и их нэри замолчали и уставились на меня: кто-то сочувственно, кто-то вообще отводил взгляд, в глазах некоторых я читала насмешку.

Впрочем, сейчас мне было не до них, я заняла свое место и замечала исключительно своих нэри, отвечая лишь на приветствия, если таковые следовали. То ли всему виной был разговор с ледяным, то ли я просто чувствовала (отчаянно, остро, с каждой минутой все сильнее), как внутри меня жалобно бьется пламя того, кого я даже в мыслях не называла своим. Так или иначе, но руки холодели все сильнее, и все сильнее холодело внутри — там, где должно быть сердце.

Потому что отказываться от своего решения я не собиралась.

Привычно, ни на кого не глядя, в зал вошла Эмира, не удостоив меня вниманием: видимо, наше с Витхаром неудавшееся свидание вернуло ей

уверенность в себе и своей победе. Последними появились Джеавир и Мэррис, девушка заняла место рядом со мной, но даже слова сказать не успела — ее опередила распорядительница.

— Доброе утро, местари, — громко произнесла Мэррис, остановившись во главе стола. — Рада видеть вас всех и рада сообщить, что после свиданий у местара остались о вас самые лучшие впечатления.

Кто-то хихикнул, и в меня вонзилась иголочка взгляда.

— Местари, если ваши нэри не умеют держать себя в руках, вам стоит задуматься об их замене.

— Простите, — донеслось слева.

Видимо, после истории с Ольхарией показывать характер опасались, в том числе и нэри. Все-таки побывать при дворе на таком значимом событии дорогого стоит. А если очень повезет, можно встретить будущего супруга среди хаальварнов или приглашенной на отбор знати.

— Замечательно, — произнесла Мэррис, впервые за сегодняшнее утро взглянув на меня.

Мимолетно, как должно быть с любой из претенденток, но я не отвела глаз. Смотрела на нее чуть дольше положенного, чтобы дать понять, что хочу с ней переговорить наедине, потом отвернулась.

— Сразу после завтрака у вас будет свободное время, а после обеда и короткого отдыха мы соберемся на жеребьевку. Когда определимся с порядком, я оглашу суть следующего испытания.

Распорядительница опустила на свое место, и завтрак начался.

— Теарин, — донесся взволнованный шепот Джеавир. — Теарин, все в порядке? Я вчера чуть с ума не сошла, когда узнала. Сначала подумала, что это нелепая шутка или...

— Все в порядке, — негромко отозвалась я, взглянув на девушку.

В глазах ее действительно плескалось беспокойство, и я добавила уже гораздо мягче:

— Просто... так получилось.

Джеавир накрыла мою руку своей.

— Все хорошо? Правда?

— Правда.

— Ладно. — Она кивнула. — Тогда я спокойна.

Я улыбнулась.

— Прости, что не захотела говорить вчера. Была не в том настроении.

Джеавир покачала головой.

— Не стоит, Теарин. Я все понимаю.

— Я рада.

Она приходила ко мне, и сейчас я понимала, насколько это для меня важно. Долгие годы у меня не было ни подруг, ни друзей, в шоу Наррза мы были скорее случайными попутчиками, нежели объединенной общим делом семьей. Спустя несколько лет я сблизилась с Эрганом, но и его дружбы лишилась после танца, который увидел Даармархский.

Поэтому сейчас осознавать чью-то заботу было приятно... и тепло.

Очень тепло.

Мы перебросились еще несколькими фразами. Джеавир пригласила меня к себе, но я ответила уклончиво, потому что пока достаточно смутно представляла, что будет дальше.

Сколько времени мне потребуется, чтобы прийти в себя.

Завтрак пролетел быстро, или мне так показалось. По крайней мере, я лишь изредка выныривала из транса собственных мыслей, в омут которых меня то и дело затягивал приближающийся разговор с Мэррис. По коже тянуло сквозняком, хотя взяться в столовой ему было неоткуда. Даже теплый ветер, врывающийся в раскрытые арки окон, сейчас казался северным.

Я не съела, кажется, и трети того, что появлялось у меня на тарелке, а то, что съела, проглотила, не почувствовав вкуса. Исключительно для того, чтобы не привлекать к себе еще больше внимания, запила обычно нежно любимое мной воздушное тесто с прослойкой из ягод травяным настоем и сложила руки на коленях.

До той минуты, пока не услышала голос Мэррис:

— Спасибо за чудесную компанию, девушки. Местари Ильеррская, задержитесь, пожалуйста.

Она все поняла верно.

Я ждала этих слов, но сейчас они вонзились мне в сердце подобно ледяному взгляду Флангеррманского. Понимая, что только я, именно я и никто кроме меня, сейчас могу все испортить, отбросила остатки чувств и поднялась.

— Оставьте нас, — попросила я нэри, и мой голос прозвучал как чужой.

Девушки вышли, слуги собрали скатерти, вынесли остатки посуды и прикрыли за собой двери, а Мэррис вопросительно взглянула на меня.

— О чем ты хотела поговорить, Теарин?

— Мне нужна твоя помощь. — Этот голос по-прежнему был чужим, да что там, я сама сейчас была себе чужой. Тем не менее говорила жестко, уверенно, твердо. — Настой, чтобы прервать беременность.

Мэррис не изменилась в лице, напротив. Тот же взгляд, которым она

держала меня до моей просьбы, и то же самое сосредоточенное выражение лица, словно высеченного из камня.

— Назови мне хотя бы одну причину, Теарин, — вкрадчиво произнесла она, — по которой я сейчас не отведу тебя к местару.

— Ибри.

Эту причину я держала в уме с самого начала, и Мэррис была моим единственным спасением. Как это ни странно, но Ибри тоже.

— И вторая — ее ребенок. Они оба дороги тебе, о причинах мне остается только догадываться. — Я спокойно смотрела в глаза распорядительнице, хотя внутри творилась огненная буря. — Сама понимаешь, что с появлением у меня ребенка все изменится.

— Но ты этого не хочешь? — У Мэррис чуть дрогнула бровь.

— Нет. Мой ребенок не родится в неволе.

— Неволя — понятие относительное.

— Оставим философию. Ты сможешь мне или вместе пойдем к местару?

Да, я рисковала. С самого начала, лежа в своей комнате и с трудом сдерживая рвущийся из груди не то вой, не то рык, я знала, что, раскрывая свою тайну Мэррис, рискую всем. Вполне возможно, что даже жизнью (реакцию Даармархского на такое предсказать я не могла), свободой и своей и того, кто еще не родился. Тем не менее распорядительница была и оставалась единственной, кто мог мне помочь.

— Я достану отвар, — произнесла наконец она.

Ее голос вспорол тишину и надорвал что-то во мне. Что-то странное, тонко лопнувшее, как струна прайнэ.

— Но если об этом станет известно кому-то еще...

— Не станет, — отрезала я. — Об этом знаем только мы с тобой.

Мэррис кивнула и, подобрав юбки, стремительно прошла мимо меня. Легкий шлейф пряного аромата ударил в сознание, вытряхивая из оцепенения, и я направилась следом за распорядительницей, отсчитывая каждым шагом удары сердца. Внутри воцарилась какая-то странная пустота: совсем не такая должна быть после победы, но победительницей я себя не чувствовала. Я вообще ничего не чувствовала, когда вышла вслед за Мэррис из зала и увидела не только своих нэри, но и Джеавир с ее сопровождающими.

— Теарин. — Девушка подошла ко мне и взяла за руки. — Что она сказала? Тебя же не...

— Нет. — Я покачала головой, и Джеавир судорожно вздохнула.

— Я так рада! Когда сегодня пришли и сказали, что нужно собраться

на завтрак... Ведь обычно мы завтракали у себя. Я подумала, что случится что-то очень серьезное.

Джеавир еще что-то говорила, но часть ее слов безвозвратно утекала в никуда. Я вдруг поняла, что сегодня утром оделась, но совершенно не удивилась тому, что мы приглашены на завтрак. То-то Лирхэн, должно быть, изумилась, что я даже ничего не спросила. Обычно претендентки собирались вместе только за обедом и ужином, а утром ели в своих покоях, но я забыла даже об этом. Я забыла вообще обо всем, и в голове сейчас царил пустота.

Такая же, как и в сердце.

Наверное, так и должно быть, чтобы было легче... потом.

— О чем она говорила? — спросила Джеавир, когда мы все-таки двинулись сквозь анфиладу.

Нэри чуть отстали, чтобы позволить нам поговорить, и сейчас это не казалось мне лишним. Мне нужно было говорить. Хоть с кем-то. Хоть о чем-нибудь.

— О том, что мне стоит вести себя осторожнее, — солгала я легко.

— Тебе действительно стоит быть осторожнее, — вздохнула она. — Но... что все-таки случилось вчера? Если не хочешь говорить, я пойму.

— Мы с местаром не сошлись во мнениях.

Девушка приподняла брови.

— И ты ему об этом сказала?!

— Не имею привычки молчать, когда меня что-то не устраивает.

— Опасное качество для правительницы.

Я еле удержалась от смешка. Второй раз за утро мне намекают на правительницу, но если Флангеррманский говорил об этом с издевкой, то Джеавир — совершенно серьезно.

— Быть правительницей вообще опасно, — ответила я.

Джеавир покачала головой.

— Ты удивительная, Теарин, — произнесла она, наконец нарушив долгую паузу, — я бы так не смогла.

— О, уверяю, смогла бы. Если бы тебя довели.

Девушка закусила губу, а потом рассмеялась.

Улыбнуться в ответ у меня не вышло, да я и не пыталась, но Джеавир, кажется, этого не заметила. Доверительно подавшись ко мне, она прошептала:

— Может, пройдемся по парку?

Мне были запрещены прогулки, но сегодня я уже достаточно искушала судьбу, чтобы бояться такой мелочи, как гнев местара.

— Тебе нравится «Сердце Аринты»?

— Нет, — почему-то шепотом продолжила Джеавир. — Я хочу подняться в Верхний сад.

— В Верхний? Где проводили время наложницы?

— Да! Это же так интересно. — Глаза ее сверкнули. — Побывать там, где... ну, ты сама понимаешь, и...

Джеавир вдруг осеклась и нахмурилась.

— Прости, — пробормотала она. — Я не подумала. Конечно же пойдём в «Сердце Аринты».

Я пожала плечами.

— Если ты хочешь посмотреть Верхний, пойдём туда.

Она пристально взглянула на меня. Пожалуй, чересчур пристально.

— Ты правда не возражаешь?

— Совершенно.

Джеавир еще несколько мгновений внимательно смотрела на меня, потом кивнула.

— Хорошо.

Переходами и лестницами мы поднялись наверх, и ни от хаальварнов, ни от стражи не было ни единой попытки нас остановить. Если раньше я бы удивилась (похоже, запрет на прогулки по дворцу для меня действительно был снят), сейчас во мне не осталось сил даже на это.

Мы вышли в парк — яркая зелень, раскрывшиеся цветы, буйство красок и солнечного света. Джеавир рассказывала про сады и красоту тех мест, где она родилась, но я почти ничего не слышала. И только чудом не споткнулась, когда мы вышли к смотровой площадке: качели убрали, на месте, где они располагались, раздробили камень и высадили цветы. У края поставили ограждение, обычное для Верхнего парка, к нему я и приблизилась.

Осторожно коснувшись кованых перил пальцами, замерла.

— Невероятно! — заметила Джеавир, остановившись рядом со мной.

Вид действительно открывался невообразимый: залитый солнцем океан без границ и такое же бескрайнее небо.

Я смотрела на них, вспоминая о том, как я падала... или взлетала?

Думая только о том, что мне в самом скором времени предстоит.

На этот раз по выпавшему жребью я оказалась последней. При других обстоятельствах я бы над этим посмеялась, но сейчас мне было не до смеха. Не до жеребьевки, не до отбора и вообще ни до чего. Я старалась не смотреть на Мэррис, по приказу которой после оглашения очередности

помощники унесли чашу, но не смотреть не получалось, потому что на распорядительницу смотрели все.

И неудивительно: девушки замерли, чтобы узнать, что же их ожидает дальше.

— Следующее испытание состоится через три недели. Неделя отводится на продумывание идеи, все остальное время — на подготовку для первой из вас. Возможно, вы посчитаете, что это несправедливо и что у каждой следующей участницы будет больше времени, но это не так. Поскольку все необходимые материалы и всю помощь, которая вам потребуется, вы будете получать за две недели до вашего выступления.

— Выступления? — ахнул кто-то. — Мы будем выступать?

— Не совсем. — Мэррис улыбнулась. — Как будущей правительнице, вам предстоит подготовить и полностью организовать вечерний прием во дворце.

Среди собравшихся пронесся взволнованный шепот: шутка ли! За три недели подготовить прием, на котором соберется вся знать Аринты (и не только, среди приглашенных наверняка будут иртыханы из мест, откуда родом претендентки).

— Но это же... так мало! — воскликнула одна из девушек, чьи волосы напоминали золото на солнце. — Так мало времени, чтобы все продумать.

— Вовсе нет. — Мэррис покачала головой. — Ситуации бывают самые разные, Аринта — столица Даармарха, поводы могут быть всякие, иногда приходится собирать и встречать важных гостей в срочном порядке.

— А те, кто идет последним? — Другая девушка покосилась в мою сторону. Кажется, она вытянула второй или третий номер из чаши. — Первым предстоит все сделать самим, а у остальных будет время, чтобы вдохновиться их вечерами.

— Это вы сейчас так намекаете на то, что у вас украдут идею приема, местари Льорт? — Мэррис внимательно на нее посмотрела, настолько, что даже на смуглых щеках девушки проступил легкий румянец. — Уверяю вас, местар вряд ли оценит такой поступок, поэтому вы, наоборот, в более выгодном положении. Ваша идея может прийти в голову кому-то, кто идет за вами, но у вас будет возможность ее реализовать, как вы считаете нужным. Претендентке, которая будет следующей, придется очень постараться, чтобы не повториться и добавить в свой прием оригинальности.

Местари Льорт, судя по всему, такой ответ полностью удовлетворил.

— Если у вас есть еще какие-то вопросы, вы можете задать их сейчас, — произнесла Мэррис.

— Есть какие-то ограничения?

Голос Эсмиры прозвучал неожиданно.

Все посмотрели на нее, кто-то — с восторгом и восхищением, кто-то — с потаенной завистью (что говорить, после ее представления ни у кого не осталось сомнений в том, насколько силен род Съевирр и какие у него возможности), кто-то — просто с интересом.

Я же смотрела на темнокожую красавицу, отмечая резкость ее черт и опасный огонь в глазах.

Очень опасный, пусть даже сейчас он был приглушен и не предназначался никому.

— Что вы подразумеваете под ограничениями, местари Съевирр?

— Например, невозможность использовать пламя, поскольку не все претендентки могут его использовать.

Она на меня даже не взглянула, лишь эхо ее силы прокатилось по залу. Легкие отголоски, но даже они сейчас вспыхнули на коже искрами. После ее слов вокруг ненадолго воцарилась тишина: все ждали ответа Мэррис. Возможно, именно потому, что Ольхарию распорядительница всегда очень удачно ставила на место, но Ольхария откровенно нарывалась, пренебрегая нормами этикета.

Эсмира была гораздо умнее.

И меня она совершенно точно не оскорбляла, скорее — задала правильный вопрос. Чтобы указать мне мое место.

— Нет, — спустя недолгую паузу все-таки ответила Мэррис. — Таких ограничений нет, местари Съевирр.

— Замечательно. — Эсмира поднялась, и по залу словно прошла волна, подбросившая большинство девушек и их нэри в воздух вслед за темнокожей ир்தханессой. Сидеть остались разве что Мэррис, я, Джеавир и золотоволосая претендентка, которая сомневалась в сроках, отведенных на подготовку испытания. Несмотря на то что тон на общих собраниях должна была задавать распорядительница, Мэррис не сказала ни слова.

И ничего не сделала, когда Эсмира вышла за дверь вместе с нэри.

Да, об Ибри знала не только я. И Мэррис это прекрасно понимала.

— В таком случае всем хорошего вечера. — Голос распорядительницы даже не дрогнул, но в глазах читалась усталость. — Если вам понадобится помощь или возникнут вопросы, вы всегда можете ко мне обратиться. Местари Ильеррская, задержитесь.

В ладони вместо почти ставшего привычным за последние дни жара плеснул холод. Я догадывалась, что Мэррис не станет откладывать, но не думала, что это будет так скоро. Что ж, может, оно и к лучшему — пока я не

успела передумать.

— Подождите меня за дверью, — попросила я нэри и, коротко улыбнувшись обернувшейся Джеавир, подошла к распорядительнице.

Стоило дверям закрыться, Мэррис произнесла:

— Перед ужином служанка принесет тебе настой. Добавишь его в воду или в любое другое питье. Для нее это будет успокоительное, чему после вчерашнего никто не удивится. Равно как и тому, что на пару дней я освобожу тебя от посещений общей столовой. Большого я, к сожалению, сделать не смогу, но у тебя маленький срок. Все должно пройти хорошо.

Не в силах что-либо сказать, кивнула.

— Ближе к ночи у тебя откроется кровотечение, через полчаса все будет кончено. Кровь остановится не сразу, но после выкидыша ее не должно быть много. Впрочем, как следствие действия настоя, возможно естественное продолжение кровотечения, которое случается у всех женщин ежемесячно.

От жестких резких слов внутри что-то сжалось.

— Если все же что-то пойдет не так, дай мне знать. Сразу же.

— Зачем?

Мэррис приподняла бровь.

— Затем, что в свое время я изучила этот вопрос от и до. Я могу справиться практически с любым последствием, потому что когда-то передо мной стоял похожий выбор. Вот только, в отличие от тебя, помочь мне было некому.

— Ты...

— Удачи, Теарин. Увидимся, когда придешь в себя.

Не дожидаясь ответа, она стремительно вышла из зала, оставив меня одну.

Ненадолго, впрочем: я сразу же последовала за ней. На этот раз Джеавир меня не ждала — видимо, решила, что встретимся за ужином, до него осталось не так долго. Что касается меня, я вообще не представляла, когда мы теперь встретимся и какой я буду на этой встрече. Перед глазами все плыло, словно я уже выпила этот настой, а дыхание то и дело сбивалось.

Казалось странным, что внутри меня сейчас есть жизнь... пусть даже крохотная, совсем крохотная, суть которой еще не дано постичь, но уже сегодня ночью ее не станет.

Нэри я отпустила сразу же, сославшись на то, что хочу отдохнуть, и попросила зайти перед ужином. После чего вышла на балкон, где вцепилась в перила, стараясь избавиться от охвативших меня чувств и

сомнений.

У меня нет выбора.

Мальша мне не отдадут, и пока он будет расти, я сама никуда от дракона не денусь. Витхару даже не придется удерживать меня силой, я не смогу оставить свое дитя, несмотря на все, о чем думала раньше. Даармархский будет приходить ко мне (или к нам), и я снова и снова буду сгорать в его пламени, отказавшись от себя, от свободы, забыв о гордости.

От всего, чем жила и дышала.

Если, конечно, к тому времени мы еще будем дышать. Вряд ли Эсмира захочет, чтобы ее первенец делил трон с моим сыном. Даже если это будет дочь...

Поэтому ты хочешь убить ее сама. Или его.

Отмахнувшись от этой мысли, сильнее вцепилась в перила.

Был еще один выход — бежать, но такое за день не делается. Побег из Ильерры я готовила полгода, зная, что второго шанса у меня не будет. Я просчитала все риски и все пути, я вытащила Сарра и увела его за собой без последствий исключительно потому, что каждый мой шаг над пропастью был выверен с точностью до секунды.

Сейчас у меня нет для этого времени.

Нет возможности даже изучить пути выхода из дворца, не говоря уже о чем-то большем (Даармархский пустит по нашему следу лучших хаальварнов, и ничем хорошим это не закончится).

— Местари Ильеррская, — вошедшая служанка протягивала мне склянку, — эссари Мэррис просила передать вам успокаивающий настой.

Я думала, что холоднее быть не может, но склянка оказалась просто ледяной. Такое чувство, что в нее запечатали все холода Севера, и когда она легла в мою руку, словно вплавилась в ладонь обжигающим льдом.

— Принеси мне горячей воды, — попросила я.

— Заварить трав, местари? Или, может быть, подать ягодной наливки?

— Нет. Достаточно просто воды.

Служанка с подносом вернулась быстро: к тому времени я уже вышла с балкона в комнату, стараясь не слушать бешено стучащее сердце.

Или два?

Меня снова бросало то в жар, то в холод, но я знала, что должна это сделать. Пока чувства не пересилили разум, пока к таэрран я не добавила еще одни оковы, которые надолго свяжут меня с мужчиной, которому я не нужна.

Изнутри дернуло жаром, и я положила руки на живот.

Лишь на миг, чтобы содрогнуться всем телом.

— Прости, — прошептала я. — Прости за то, что мы с тобой никогда не увидимся.

Налила воды в невысокую круглую чашку, чудом не расплескав на себя кипяток. Дожидаясь, пока чуть остынет, сухими глазами смотрела на поднимающийся над водой пар.

Что бы он или она сказали, если бы могли говорить?

«Пожалуйста, мама, не убивай меня?»

Не в силах больше это выносить, потянулась за склянкой, когда дверь в покои чудом не сорвалась с петель.

Даармархский стремительно шагнул в покои, врезаясь в меня яростным взглядом и оглушающей мощью своего огня.

Впрочем, в следующий же миг резко развернулся и чуть ли не швырнул вперед Сарра. Несколько мгновений мне хватило, чтобы понять, что адресована ярость дракона не мне, потом я резко вскочила. Брат уже успел развернуться и теперь смотрел на Даармархского так, будто не прочь был вцепиться ему в горло. В глазах, обычно спокойных, полыхало пламя, а зрачки, самые что ни на есть драконьи, вытянулись узкими полосками.

— Проси прощения, — процедил Витхар, и по комнатам прокатилась новая волна силы.

— Только после тебя, — прорычал мой брат.

Натурально прорычал, и прежде чем я успела ахнуть, шагнул прямо к взбешенному Даармархскому.

— Ты смеешь мне приказывать, мальчишка?

— Она — моя сестра! — Голос Сарра то срывался на рычание, то становился низким и хриплым, как сейчас. — А ты ее недостоин.

Сила дракона взметнулась под самые своды комнаты, обрушилась на нас.

Он его сейчас убьет!

— Хватит!

Мой голос прозвучал резко и холодно.

Витхар метнул в меня огненный взгляд, но после всего, что я сегодня пережила, с тем же успехом мог бы хлестнуть меня пламенной лентой, испепеляющей все на своем пути: я бы просто отступила в сторону и бровью не повела.

— Вы врываетесь ко мне, — сказала я, глядя на них сверху вниз, хотя Даармархский возвышался надо мной подобно скале, и даже Сарр, слегка вытянувшийся за последнее время, уже стал меня выше. — Устраиваете здесь непонятно что, а я должна все это выслушивать?

Брат резко повернулся ко мне.

— Он...

— Я не договорила. Эти комнаты принадлежат мне. Я здесь отдыхаю, и я не приглашала ни одного из вас. Если вы хотите мне что-то сказать, выйдите, а потом зайдите нормально и скажите это. После того, как решите все свои вопросы между собой.

Я говорила с ними, но смотрела только на Витхара. В полыхающий яростью взгляд: вот теперь перепало и мне, только очень некстати. Меня снова трясло, нехорошо так, и я не собиралась больше молчать и играть в учтивость. Возможно, моего пламени именно поэтому (от пережитого, от судорожно зажатой в руке склянки, впивающейся в ладонь, от осознания того, что я только что почти совершила) оказалось гораздо больше, чем всей силы правителя Огненных земель. Я не отвела взгляда, и он, хищно раздувая ноздри, широким шагом покинул комнату, оставив нас наедине с братом.

— Я...

— Я уже сказала, — отвернувшись, и Сарр вылетел вслед за ним.

Впрочем, спустя мгновение в дверь постучали.

— Можно? — спросил брат, заглядывая ко мне.

К этому времени я еще недостаточно остыла, поэтому просто кивнула, предпочитая пока молчать.

— Прости, — произнес Сарр, остановившись посреди комнаты и глядя на меня исподлобья. — Я хотел извиниться за то, что...

— За то, что назвал меня недостойной женщиной?

Вот не собиралась я щадить его чувства, не маленький уже. Пусть учится отвечать за свои поступки и называть вещи своими именами.

— За все, — угрюмо пробормотал он. — За это. За то, что всю жизнь ты вынуждена обо мне заботиться, а от меня одни только проблемы... За то, что я даже сбежать толком не мог.

— Что?!

— То! — выпалил брат, задыхаясь и сжимая кулаки. — Это из-за меня ты сейчас здесь. Если бы я был осторожнее... я... с самого детства был для тебя обузой, был и остаюсь до сих пор. Я должен тебя защищать, а не ты меня! Тебе стоило от меня избавиться...

— Прекрати!

Я рывкнула так, что мой голос эхом отразился от стен. Сарр, не привыкший к тому, что я вообще повышаю голос, замер, а я шагнула к нему.

— Я вытащила тебя из Ильерры не затем, чтобы сейчас все это слушать. Я провела тебя под большой пустыней, мы вместе работали в шоу

Наррза, и все это, о чем ты мне сейчас говоришь, я пережила не для того, чтобы услышать, что все было зря.

— Я не...

— Ты не, — передразнила я, чувствуя, что задыхаюсь. — После всего, через что мы прошли, ты говоришь, что я должна от тебя избавиться?!

Сарр на мгновение опешил, а потом потянулся ко мне.

— Прости, Теарин.

— Снова прости? Так и будешь всю жизнь извиняться?!

— Если потребуется. — Он коснулся моей щеки, глядя мне в глаза, и в этих глазах впервые я видела силу дракона. Силу мужчины. — Но я все же надеюсь, что мы поговорим сегодня, и ты сможешь меня простить. Потому что самому мне простить себя тяжело.

Готовая уже продолжать, осеклась.

Наверное, во мне просто не осталось сил, но в этот момент Сарр хрипло произнес:

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Теарин, и я обязан тебе всем, что у меня есть сейчас. Возможностью чувствовать свое пламя. Возможностью лежать на камнях после тренировок и смотреть россыпи звезд на небе Аринты. Возможностью дышать полной грудью. Я жив только благодаря тебе, ты вывела нас оттуда, откуда не смогли уйти даже опытные советники и преданные отцу хаальварны. Ты не только моя сестра, ты стала мне матерью и подругой.

Он отступил тем не менее, не отпуская моего взгляда.

— И я очень надеюсь, что это так и останется.

Сил во мне действительно не осталось, поэтому я сползла (для Сарра — осторожно опустилась) на низкий диван в россыпь подушек. Предлагая ему присоединиться ко мне и чувствуя, как неуверенная улыбка брата отзывается внутри теплом.

— Значит, я прощен? — поинтересовался Сарр, опускаясь рядом со мной.

— Пока еще нет.

Глаза брата расширились, а я судорожно рванулась к нему, уткнувшись лицом в плечо. Никогда раньше такого не делала, не позволяла себе этой слабости, но сейчас, когда Сарр сначала осторожно, а потом уже увереннее привлек меня к себе и погладил по волосам: по-мужски, успокаивающе, я вздохнула. Глубоко, рвано, позволяя напряжению собраться в груди и освободиться на выдохе. Он гладил меня по голове, а я все глубже погружалась в силу его рук, снова и снова выдыхая невыплаканные слезы из глубины сердца.

— Что это было? С Даармархским? — спросила еле слышно, не желая покидать объятий.

Таких теплых, возвращающих уверенность, что я не одна.

— А... — донеслось сверху. — Ну... в общем, до казарм дошли слухи, что у вас развалилось свидание, и я решил сказать ему все, что думаю. Но перегнул и случайно рассказал и о нашей ссоре тоже. Заодно заявил, что это из-за него.

Я подняла голову.

— Что ты решил ему сказать, повтори?

— Да мне самому странно, что я все еще без таэрран. Но до того как я брякнул, что сказал тебе, он вел себя вполне адекватно. В отличие от меня.

Я представила, как мой брат врывается в кабинет Даармархского, чтобы высказать ему все, и глубоко вздохнула.

— Ты ненормальный, Сарр.

— Кто бы говорил. Что случилось на свидании, Теа?

— Ничего. — Я покачала головой, сильнее прижимаясь к брату.

На наши голоса из спальни притопал Дири и притащил мяч. Радостно пофыркивая, устремился к Сарру и сунул морду ему под руку.

— Давно не виделись, драная задница.

— Сарр!

— Прости, — тут же стушевался брат и добавил: — Это я от других хаальварнов нахватался. Ты ведь не скажешь, что произошло?

Покачала головой.

— Не сейчас.

Об этом я не готова была говорить даже с ним.

— А когда?

— Когда придет время.

Брат хотел было возразить, но потом все-таки отступил: кивнул, соглашаясь с моим решением.

— Что пьешь? — Сарр потянулся к столику, увлекая меня за собой. — Просто вода?!

— Я что, не имею права попить воды перед ужином?

— Пфф! Хоть бы наливки попросила для аппетита.

— Молодой человек! Чему еще вас научили в казармах?

Он ухмыльнулся.

— Лучше тебе этого не знать, Теа.

За интонации, а еще за выражение его лица Сарру прилетело подушкой. Он швырнул в меня другую, но нарочно промазал, и в нее радостно вцепился зубами Дири. С рычанием потроша ткань, с визгом

уволок ее в спальню, а потом притащил обратно и на радостях плюхнулся пузом кверху.

— Скоро у тебя ужин?

— Да, уже скоро надо собираться.

— Как ты смотришь на то, чтобы я тебя проводил?

— Со мной будут нэри.

— И ты думаешь, что две девицы в нарядах меня напугают? — приподнял брови брат.

Да-а-а, в казармах его определенно чему-то научили.

— Хорошо, — неожиданно согласилась я. — Но тебе придется подождать, пока я приведу себя в порядок.

— Подожду.

— Это долго.

— А я никуда не спешу. Тренировки на сегодня уже закончились. — Сэпп подмигнул Дири. — Заодно развлеку эту дра... в общем, мы тут скучать не будем.

— Не сомневаюсь, что не будете, — язвительно заметила я. — Манеры у вас теперь приблизительно одинаковые.

— Ой-ой-ой! — донеслось мне в спину, но я уже направилась в спальню.

По-прежнему сжимая клятую склянку в руке, на негнущихся ногах вышла на балкон.

Размахнулась и швырнула настойку вниз. Попрощавшись со мной отблеском лунного света в стекле, она потерялась в надвигающейся на Аринту ночи, а я позволила коленям подогнуться, сползла на пол. Обхватила себя руками, дожидаясь, пока пройдет охватившая меня дрожь от осознания того, что я недавно собиралась сделать.

Но, к счастью, не успела.

— Прости меня, — повторила тихо.

Наверное, это было глупо, но ответа я сейчас ждала не меньше, чем Сэпп. Пусть даже знала, что это невозможно.

Поэтому вздрогнула, когда в ладони легко ударило пламенем.

Вздрогнула и улыбнулась.

ГЛАВА 9

Хайрмарг, Ферверн

В ледяном сердце Ферверна, его столице — Хайрмарге, несмотря на весну, было морозно, и повсюду лежал снег. В пальто и костюме после зингспридской жары я чувствовала себя неуютно, и еще неуютнее чувствовал себя мой организм, который не понимал, с какой радости его запахнули в минус, ведь все было так тепло и чудесно. Впрочем, эта проблема с бунтующим организмом была меньшим злом. Учитывая, что в Зингсприде сейчас глубокая ночь, а в Хайрмарге раннее утро, бодрости в организме не было. Даже после нескольких чашечек самого крепкого кофе, который только можно себе представить.

Единичка с напарником выглядели невозмутимо, словно это не по моей милости им пришлось задержаться на дежурстве и не спать ночью. Полагаю, что вальцгардам и не такое приходится выдерживать, но себе я поставила заметку подарить им что-нибудь по возвращении. Правда, пока даже приблизительно не представляла, что, но в голове уже сложился план, как их отблагодарить.

— Все в порядке? — спросил Рон, потому что я уже минут пять тупо пялилась в окно, за которым проносились ледяные иглы одного из самых крутых мегаполисов мира. Здесь не только высотки казались застывшими, даже ленты аэроэкспрессов казались снежными змеями, извивающимися на огромной высоте.

Насколько я успела узнать (после чтения архивов Ильеррской, когда мозг уже перестал всасывать информацию), в Хайрмарге не было подземки. Не только в Хайрмарге, но вообще ни в одном мегаполисе Ферверна: от них отказались сразу же под лозунгом, что не собираются больше прятаться под землю. У них даже убежищ не было, что навело меня на мысль о неадекватности фервернских властей. Ну или чрезвычайной самоуверенности — огнем их драконы, конечно, не дышат, а вот заморозить до последней косточки могут вмиг.

Правда, налетов у них не было в принципе.

Ни единого за все время существования Ферверна.

— В порядке, — подтвердила я, возвращаясь в реальность.

Ненадолго, потому что аэромагистраль вывела нас в центр, и с одной стороны нам открылись заснеженные горы, а с другой — Грайрэнд Рхай. Та

самая высотка, о которой я говорила с Лэргом и на смотровой площадке которой отчаянно хотела побывать. Здание действительно напоминало ледяную иглу, тянущуюся к небу, окруженную ледяными наростами и иглами поменьше. Не залипнуть на нее было просто невозможно: торгово-офисный и развлекательный центр, окруженный мельтешащими флайсами, казался городом в городе. Верхушка самой высокой иглы сверкала так, что глазам было больно, и я отвернулась.

Высотка, к которой мы направлялись, ничем особо не выделялась, у нее даже названия не было. Маяк аналога Вайовер Грэйс, название которого я могла бы выговорить только после пяти бутылок шипучки или двух — тоньяса, тоже остался в стороне, но нам он был не нужен. Папаша Гроу пока что там не обитал, вот когда пройдут выборы (уже совсем скоро), и если он победит, то переедет туда.

То ли дело было в фервернских морозах, то ли в том, что они совпали с моим внутренним холодом (Гроу так и не позвонил), но я даже почти не волновалась. За телефон тоже больше не бралась (а смысл?). Если он до сих пор не поинтересовался, куда я делась, уже и не поинтересуется. Неизвестно почему это оказалось гораздо более нашей ссоры, но я пообещала себе не думать об этом до разговора с Гранхарсеном-старшим.

И не думала.

Почти.

— Все будет хорошо, — сказал Рон, и я улыбнулась.

— Ага.

Но «хорошо» пошло трещиной еще в холле высотки, когда выяснилось, что пропуск выписан исключительно на меня. Оказывается, что все предусмотреть, как считала Леона, невозможно. В итоге, пока мы разбирались с секретарем и охраной, стрелки часов подтянулись к без десяти восемь, и к лифтам мы летели на всех парах. Поднимаясь по стеклянному (я бы сказала, ледяному) рукаву в окружении серебристо-стальных пластин, которыми была отделана шахта прозрачной кабины лифта, я сцепила руки за спиной и пожелала, чтобы это «нехорошо» было самой большой сложностью, с которой мне пришлось столкнуться.

В приемной, залитой солнцем и непривычно теплой после бодрящего весеннего мороза, нас встречала секретарь. Светловолосая, высокая и красивая — характерной холодной красотой, свойственной только фервернкам. Очень некстати вспомнилась Сибрилла, которая осталась в Аронгаре, но я от нее отмахнулась. То есть от мысли о ней.

— Ферн Гранхарсен освободится буквально через пару минут, — произнесла секретарь, — позвольте ваше пальто, эсса Ладэ.

Я позволила и даже собиралась опуститься на диван, когда из-за двери начальственного кабинета вышел мужчина. Высоченный, как Грайрэнд Рхай, с серебристо-пепельными волосами и ярко-синими глазами, навевающими мысли об айсбергах. Ходячий такой айсберг, при этом холодом от него не веяло, скорее — сокрушительной силой и мощью, вдавившей меня в пол на пару секунд, когда он скользнул по мне взглядом.

— Лис, обрати внимание на сообщение от Стегенберга.

— Хорошо, ферн Ландерстерг, — отозвалась секретарь. — Ферн Гранхарсен.

Я резко повернулась и наткнулась взглядом на вышедшего следом. Этот был чуть пониже, а глаза напоминали небо, если смотреть на него сквозь ледяные пластины. Светлые волосы, ближе к снегу, чем к пеплу, и взгляд, напоминающий сосульку. Таковую, которая, если на голову упадет, войдет в макушку, а выйдет через задницу. Пары секунд мне хватило, чтобы ощутить, как меня накрыло мурашками и корочкой наста (даже изнутри), а потом отпустило.

И только потом до меня дошло, что этот совершенно точно не может быть отцом Гроу: слишком молодой.

— Эсса Ладэ. — Секретарь вытряхнула меня из этого бурана мыслей. — Прощу. Хотите кофе?

Последнее уже относилось к вальцгардам, мне же так однозначно указали взглядом на дверь, что я чудом не влетела туда лазерным лучиком. А вот проходя мимо еще одного Гранхарсена (развелось их, это вообще кто?!), думала исключительно об очередном родственнике Гроу. На его брата он был не похож, на его кого-то еще — тем более. От него веяло льдами, как от столицы Ферверна, и я подавила желание отпрыгнуть, когда мы случайно коснулись друг друга пальцами.

Его взгляд протянулся по мне, как замерзающая на морозе вода, а потом ир்தхан слился из приемной. Точнее сказать, перетек в коридор, как оголодавшая снежная драконозябра, которая решила найти жратву в другом месте.

К счастью.

— Доброе утро. — Я шагнула в просторный, залитый светом кабинет.

Гранхарсен-старший не поднялся из-за стола, что в общем-то было невежливо, но я решила не обращать внимания на такие мелочи. Тем более что к разговору с ним подготовилась основательно, не так, как с Гайером, и уже примерно представляла, с чего начну.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться, ферн Гранхарсен.

— Не благодарите, эсса Ладэ. — Отец Гроу чуть уперся кончиками

пальцев в стол, а потом откинулся на спинку кресла. — Это чистойшей воды любопытство. Мне просто хотелось на вас посмотреть.

— Ну и как я вам? — уточнила я.

Да, кажется, разговор пошел не по плану, но когда и что у меня шло по плану? Не дожидаясь ответа (кажется, мой слегка озадачил иртехана), я приблизилась, отодвинула стул и села напротив.

— Не хотите предложить мне кофе?

Местроферн посмотрел на меня очень пристально, а потом улыбнулся. В эту минуту я поняла, что они действительно родственники: эту улыбку точно ни с чем не спутаешь. Да и в целом, не считая светлых волос, в которых терялись нити седины и стальных глаз, Гранхарсен был неуловимо похож на Гроу. Точнее, Гроу был похож на Гранхарсена, но кого тут интересуют причинно-следственные связи.

— Да, — произнес он, — другая женщина моего сына вряд ли бы заинтересовала.

Я не стала уточнять, комплимент это или нет, зато уточнила другое:

— Правда, что проблемы в Лархарре обеспечили вы?

— Вы всегда все говорите прямо в лицо, эсса Ладэ? — У них даже голоса были похожи тембром, разве что у Гроу было больше глубокой хрипотцы.

— Почти. Иногда я стесняюсь, — спокойно посмотрела ему в глаза.

— Хотите кофе?

— Не откажусь.

Не знаю, можно ли было назвать начало разговора удачным, но Гранхарсен попросил принести нам кофе и смотрел на меня теперь уже прямо, а не сверху вниз.

— Значит, Лархарра. Мой сын поделился с вами этой проблемой?

Нет, я считала ее из закромов Вселенной.

— Это кажется вам странным?

— Если честно, да. Джерман вообще редко говорит о проблемах. Не считая его характера, у него всегда все отлично. Для остальных.

Значит, меня как-то выделили из остальных?

Дурацкая мысль, которая пришла совершенно не вовремя. В минуту, когда мне нужно быть предельно сосредоточенной и собранной: этим политикам доверять нельзя. Чуть расслабишься, сразу возьмут в оборот, повесят перед носом маларрнелу, и будешь за ней скакать, сам не понимая зачем.

— Вы не ответили на вопрос.

— Вы тоже, эсса Ладэ.

— Ладно, — решила, что сейчас самое время уступить. — Джерман мне обо всем рассказал.

— Да, проблемы в Лархарре — моих рук дело, — подтвердил Гранхарсен, глядя мне в глаза.

С каждой минутой я отличала все больше сходства, и это начинало нервировать. Одно дело — ехать к гипотетическому отцу Гроу, далекому и недостижимому, другое — оказаться рядом с ним так близко и понимать, насколько он его отец. Даже нижнюю челюсть и форму носа, если присмотреться, как одной рукой вылепили.

— Почему? — просто спросила я.

— Значит, мой сын рассказал вам не все?

— Он рассказал, что у вас была договоренность: последние съемки и возвращение, но вы с какой-то радости решили, что вернуться он должен раньше. Джерман отказался, после чего начались неприятности. — Иногда откровенность — лучшее оружие, и, кажется, это был тот самый случай.

Ноздри иртхана едва уловимо шевельнулись.

— Поразительно, — произнес он.

— Что именно? Что вы, пытаетесь наладить отношения с сыном, делаете все, чтобы этого не произошло?

— Полегче, эсса Ладэ. — Гранхарсен не повысил голос, но меня окатило холодом.

На мое счастье, в этот момент вошла секретарь с кофе. Аромат горячего бодрячка ударил мне в мозг и включил даже то, что до этой минуты было выключено (оказывается), а именно инстинкт самосохранения.

— Тем не менее, — произнесла я, когда мы снова остались одни, — такое не способствует установлению доверительных отношений.

— Возможно. — Гранхарсен подвинул к себе чашку, не переставая пристально меня изучать.

Подозреваю, что во внутренней операционной системе иртхана меня уже разложили на биты, файлы и папки, а потом собрали снова. В более-менее цельный образ.

— Когда мы с сыном говорили о возвращении, — неожиданно произнес он, — обстоятельства в Хайрмарге были совершенно другими. Вы ведь знаете, что выборы перенесли?

Кивнула: об этом я прочитала в сети, в частности, о том, что главный иртхан Ферверна подал в отставку и по этому поводу были объявлены досрочные выборы.

— Джерман всегда игнорировал общественное мнение и недооценивал

свой статус, — заметил ир்தхан. — Для него все происходящее — игра или роль, и так было всегда. Возможно, это отпечаток его творческой натуры, возможно, ему просто на меня плевать, но с этим я уже давно смирился. Если не получается донести до него, что во время выборов он нужен мне здесь, а не в Аронгаре, где снимает очередной блокбастер, приходится делать это более жестким способом.

— И вы считаете, что, перекрыв съемки в Лархарре, увидите его рядом с собой быстрее? — приподняла брови.

— Рано или поздно.

— Скорее уж поздно, — заметила я.

Гранхарсен к своему кофе не прикоснулся, и мой тоже продолжал остывать.

— Вы сами сказали, что он игнорирует правила, — добавила я. — Для него важен этот фильм. Пожалуй, как никакой другой, потому что он последний. Всю свою жизнь он посвятил творчеству, думаете, это легко — просто взять и бросить все, чем живешь?

— В политике приходится принимать нелегкие решения, эсса Ладэ. С самого детства я старался донести до Джермана эту мысль, но он меня не слышал.

— Пока что он не политик. — Я обхватила руками колени, но тут же расплела пальцы. — Он ваш сын, которому нужно закончить съемки. Сделать это кино...

Я замолчала, понимая, насколько для меня важна Ильеррская. Наверное, именно в этот момент я осознала, что чувствовал Гроу.

— Таким, чтобы весь мир прилип к экранам от первой до последней минуты. Джерман не снимает кино и не делает постановки, он создает миры и людей. Образы, которые вытряхивают из зрителей последние нервы и которые проникают под кожу. Которые заставляют смеяться и плакать, ненавидеть и любить. Это его суть. — Последнее я выдохнула. — Он никогда не будет таким, как ваш...

Я неопределенно мотнула головой в сторону двери.

— Мой племянник, — подсказал Гранхарсен. — Почему-то мне кажется, что вы говорили не о ферне Ландерстерге.

— Я при всем желании не могла о нем говорить, потому что не выговорю его фамилию.

Ир்தхан сначала нахмурился, а потом рассмеялся. Клянусь, рассмеялся, дракон отгрызи мне сразу обе ноги, и я поняла, что действовать нужно сейчас.

— Верните Лархарру, — сказала я. — И вы вернете своего сына.

Улыбка скользнула по его губам прощальной тенью и исчезла.

— Долго репетировали эту речь, эсса Ладэ?

— Часа три, — сказала я. — Но та, которую репетировала, все равно не пригодилась.

— Вот как. — Иртхан усмехнулся. — И о чем же вы хотели говорить изначально?

— Там было очень много пафоса, и больше половины я уже не помню. Я здорово переволновалась, если вы понимаете, о чем я.

— По вам не скажешь, что вы вообще волновались, — заметил иртхан.

Я пожалала плечами, потому что под костюмом взмокла до последней ниточки. Кажется, по возвращении в отель этот костюм придется выжимать, но почувствовала это я только сейчас. После его слов.

И застыла.

За время молчания, которое Гранхарсен то ли нарочно выдерживал, то ли просто всерьез задумался, я успела изучить обстановку начальственного кабинета — стеллажи с наградами, голограммы благодарностей в рамках. Плотные закрытые жалюзи солнце пыталось разогреть, но они только отливали серебристо-стальным блеском.

— Пожалуй, я с вами соглашусь, эсса Ладэ, — произнес отец Гроу.

Согласится?

Согласится?!

Это значит, что...

— Проблему в Лархарре можно решить одним звонком.

Сердце чудом не выскочило через макушку.

— И вы его сделаете?

— Сделаю. Если вы сделаете кое-что для меня.

— Я?! — Теперь уже мои брови чуть не выскочили со лба.

— Вы, эсса Ладэ. Вы должны расстаться с моим сыном.

А больше вы ничего не хотите?

К счастью, вслух я этого не спросила, точнее, спросила, но немного иначе:

— То есть вы предлагаете мне отказаться от наших с Джерманом отношений, а взамен позволите провести съемки в Лархарре?

— Именно так.

Да пошли вы.

Именно так.

Именно так и стоило сказать, вместо этого я отодвинулась и поднялась.

— Мне казалось, мы с вами друг друга поняли, местр Гранхарсен.

Он поднялся следом, и даже любезно подобранные Леоной каблучки не

спасли: ир்தхан возвышался надо мной во весь свой могучий фервернский рост.

— Мне тоже так казалось, эсса Ладэ. А еще вы казались мне весьма здравомыслящей особой.

— Ой, ну это вам точно показалось. — Я махнула рукой. — Спросите у кого угодно, это не самая сильная моя сторона.

Наверное, я рехнулась, потому что действительно развернулась, чтобы уйти. Внутри меня рушилось все, что только могло: вся эта поездка, разговор с Гайером, данное ему и себе обещание, съемки в Лархарре. Рушилось, потому что я не захотела отказаться от Гроу и...

Я дошла до двери в какой-то странной прострации и уже потянулась к ручке, когда из-за спины донеслось:

— Подождите.

Я замерла.

И медленно обернулась.

— Чего? — уточнила я. — Новых деловых предложений в стиле последнего?

— Вернитесь, эсса Ладэ. — Гранхарсен кивнул мне на стул. — Я хочу вам кое-что рассказать.

Мне уже начинать бояться?

На стул я все-таки вернулась: деловые отношения — странная штука. Даже села и потянулась к кофе, но потом передумала, внутри у меня все мелко дрожало. Не хватало еще облиться или обляпать местрофернский стол. Или поставить чашку на блюде с дребезжанием, выдавая внутреннюю трясучку.

— Джерман говорил о матери? — Ир்தхан опустился в кресло, тяжело надавив на подлокотники.

Я покачала головой.

— Она была чем-то похожа на вас. Такая же... дерзкая. — Подозреваю, что последнее слово он с ходу подобрал исключительно благодаря долгой практике и дипломатическим способностям. — Когда мы познакомились, я был очень молод. Гораздо моложе, чем сейчас Джерман, и она тоже была совсем юной. Именно это отчасти и послужило началом нашего романа. Молодость. В молодости все представляется иначе.

— Мне казалось, что возраст здесь ни при чем.

— Вам казалось. Я мог бы достичь гораздо больших высот на политическом поприще, если бы понял это сразу. Вместо этого долгие годы просидел в посольстве.

— Вам не нравилось в посольстве? — спросила я.

Иртхан приподнял брови.

— Вы меня не понимаете?

— Понимаю. Если вам не нравилось в посольстве, могли бы попробовать себя в юриспруденции или в области экономики.

— Вы издеваетесь?

— Нет. — Я пожала плечами. — Я так поняла, что вашу карьеру существенно тормозили ваши отношения с неиртханессой. Но если вы их начали...

— Я начал их исключительно потому, что в молодости обладал таким же нравом, как и мой сын. Я совершил ошибку, эсса Ладэ. Когда Лия оказалась беременна, стало понятно, что между нами ничего не может быть.

— Вот как.

— Именно так. — Он нахмурился. Любимая фраза у него, что ли? — Рано или поздно любого иртхана потянет к огню, и тогда никакие чувства не изменят силы звериного зова.

— Вы это поняли, когда она была беременна?

— Мы это поняли, эсса Ладэ. — Он сделал акцент на слове «мы». — Слишком поздно. Пламя, которое живет внутри нас, не поддается объяснению и укрощению. Можно всю жизнь уверять себя в обратном, но это всего лишь самообман. Ей тяжело было носить сына, и даже моя помощь не могла этого изменить. Но это всего лишь мелочь по сравнению с тем, что нам предстояло дальше.

Иртхан пристально посмотрел на меня и продолжил:

— Мы могли бы остаться вместе, не скрою. Могли бы, невзирая на все, но мы осознавали, что рано или поздно это закончится взаимными упреками. Рядом с ней мне всегда не хватало бы пламени. Рядом со мной она всегда бы чувствовала себя неполноценной. Мы разные, иртханы и люди. Этого не изменить. И если в порыве чувств это кажется незначительным, то потом обозначается все ярче. Выходит на первый план и мешает двигаться дальше. Джерман долго жил среди людей, но он всегда будет тянуться к огню. Когда вернется в Ферверн, он почувствует это особенно остро.

Трясучка у меня прошла, зато руки похолодели еще сильнее. Отец Гроу не сказал ничего такого, о чем я не думала бы сама. Точнее, думала я, конечно, не настолько упорядоченно, Гранхарсен просто все разложил по полочкам.

— Можно сколь угодно долго закрывать на это глаза, но ни к чему хорошему это не приведет.

— Не знаю. Лично я считаю, что Джерман — это хорошее.

— Не передергивайте, эсса Ладэ. Джерман — мой единственный сын, но в свое время мне пришлось принять очень непростое решение. Лие тоже.

— Вы заставили ее от него отказаться? Такими же методами, какими сейчас пытаетесь заставить это сделать меня?

У иртыхана дернулся уголок губ.

— Лия прекрасно понимала, что рядом с ней у него нет будущего.

— Да вы что?

— История вашей сестры известна на весь мир, эсса Ладэ. Скажите, она была счастлива среди людей?

Я поправила юбку непослушными пальцами. Настолько непослушными и ледяными, что они показались мне механическими.

— Думаю, да.

— Напрасно, — без тени издевки сказал иртыхан. — Пламя, так или иначе, будет звать за собой. Мы можем отказываться от этого зова, даже не понимать, чем он вызван — если огонь внутри спит, но это что-то всегда будет отзываться тоской и ощущением пустоты. Спросите свою сестру, что она чувствовала, когда не знала о пламени.

— Спасибо за совет. Возможно, я им воспользуюсь, — сказала я, собираясь встать, но иртыхан покачал головой.

— Вы меня не понимаете, эсса Ладэ. По вашей милости моему сыну придется провести несколько лет в таэрран...

Вот не надо ему было этого говорить.

— Не придется. — На этот раз я поднялась так резко, что стул отлетел в сторону. — Я сделаю все, чтобы этого не произошло. Где его мать?

— Что? — Раздражением меня полоснуло наотмашь.

Гранхарсен снова надо мной возвышался, но теперь мне было уже без разницы.

— Где его мать, я спрашиваю? Что с ней стало?

— Лия счастлива. Она замужем и у нее двое детей.

Внутри все перевернулось, а во рту почему-то появился мерзкий привкус, как будто я хлебнула самый дерьмовый в мире кофе. Гораздо более дерьмовый, чем когда-либо готовила я.

— Я не откажусь от вашего сына, местр Гранхарсен, — произнесла спокойно, хотя внутри меня всю трясло. — Решайте, нужен вам сын или политик. Последних, насколько я поняла, у вас и так в избытке. Хорошего дня.

Чувствуя растекающуюся по кабинету драконью ярость, я

развернулась и направилась к дверям. Спину мне буравили ледяными лазерами, но я не обернулась. Вышла в приемную, где должна была почувствовать оттепель, но не почувствовала.

— Прошу прощения, — обратилась к секретарю. — Где я могу привести себя в порядок?

Секретарь указала мне направление, и я прошла мимо Единички с напарником, стараясь на них не смотреть. В коридоре все ускоряла шаг — до той минуты, пока не влетела в туалет, который размером превосходил старую родительскую квартиру.

Была ли ваша сестра счастлива?

Ладонями ударила в стену с такой силой, что удар отозвался в плечах. Я колотила по ни в чем не повинной стене до тех пор, пока ладони не загорелись.

Увы, не от пламени.

Спокойствия это мне не принесло, но помогло хотя бы отчасти сбросить напряжение. К тому что меня будут дожидаться у дверей, я была готова, поэтому ничего не сказала ни Рону, ни второму вальцгарду. Я вообще ничего не сказала ни по дороге в отель, ни по дороге к «Вернц Айрих», телепорту Хайрмарга. Все в том же состоянии блаженной прострации пребывала, когда мы вернулись в Зингсприд.

Вконец очешуевший организм отреагировал на жаркое утро полным и безоговорочным выпадением в нерастворимый осадок, отодвинув на задний план даже случившееся в Ферверне.

— Куда сейчас, эсса Ладэ? — невозмутимо поинтересовался Единичка.

— Домой, — сказала я.

И мне было в общем-то уже не до оговорочки и не до того, что, возможно, меня там больше никто не ждет. Когда я открыла дверь своим ключом и вошла, встречать меня выкатилась Бэрри. Колотя по стенам и полкам хвостом, радостно подпрыгивая, скрежеща когтями по полу, виари только каким-то чудом умудрилась не разнести холл Гроу.

Немного помедлив (и потрепав страждущих по башке), я осторожно прошла в гостиную и споткнулась о дизайнерский порожек.

Гроу стоял у окна, натянувшаяся на спине и плечах рубашка подчеркивала напряженную позу. Но, помимо Гроу, в гостиной было еще кое-что примечательное — накрытый у соседнего панорамного окна стол на двоих: вино, фрукты, уже успевшие подсохнуть с вечера, сложенные в виде драконов на тарелках салфетки. Еще цветы (я в жизни не видела столько цветов в одной квартире, разве что когда Рэйнар решил завалить

Леону арензиями). Правда, с поправкой на размеры квартиры, здесь цветов было больше.

Раза в два.

Эта мысль испарилась, стоило Гроу повернуться ко мне.

Я сунула руки в карманы, потом вынула обратно.

— Привет, — сказала тихо. Получилось почему-то хрипло. — Ты что, всю ночь не спал?

— Ты, судя по всему, тоже.

— Это такой комплимент?

— Это констатация факта, Танни.

Он подошел ко мне, и я поняла, что уже при всем желании никогда не смогу смотреть на него так, как раньше. Буду искать черты его отца... и думать о том, что случится, когда он вернется в мир ир்தханов. Если сейчас же все не решу.

— Я была в Ферверне, — сказала я. — Пыталась вернуть Ильеррскую.

Все-таки это получилось проще, чем я думала. Возможно, из-за усталости или из-за двух штурмов разом: крепость Гайер-в-розовом-трико и скала Гранхарсен-старший. Как бы там ни было, они оба остались в прошлом, а важно мне было только настоящее. Только то, что ответит он. И пусть он уже ответит хоть что-нибудь, потому что...

— Ты в курсе, что я тебя ждал? — поинтересовался Гроу.

— Да уж догадалась, — обвела взглядом гостиную.

— А ты была в Ферверне.

Это его спокойствие здорово нервировало, потому что ну... возможно, он неправильно меня понял?

— Я говорила с твоим отцом, — сказала на всякий случай.

— Да уж догадался, — в тон мне ответил Гроу, сунув пальцы в карманы джинсовых брюк. — И что он тебе сказал?

— Сказал, что вернет Лархарру, если я брошу тебя.

— А ты что сказала?

— Ну, я же здесь.

Гроу вздохнул, а потом кивнул.

— Ну, поздравляю, Танни Ладэ. Ты познакомилась не только с моим отцом, но и с его методами. Спать-то пойдём или как?

И... это что? Это все?

Мне не скажут, что я дура, что я лезу не в свое дело, что он сам во всем разберется, и все в том же ключе?

— Ты сейчас точно не хочешь больше ничего мне сказать?

Гроу приподнял брови.

— За последнее время я столько раз признавал свою неправоту, что сейчас самому стремно. Я не должен был так говорить. — Он кивнул. — О том, что ты...

— У меня не получилось, — вдруг сказала я, обхватив себя руками. — Я обещала Гайеру, что решу проблему в Лархарре, но когда твой отец сказал, что... я не...

Продолжить мне не позволили, просто притянули к себе.

— Когда я с тобой познакомился, — сообщили, целуя в висок, — решил, что ты просто избалованная сестричка Леоны Ладэ. То, что ты маленький бронированный флайс, который прет напролом, я понял чуть позже. Равно как и то, что броня у тебя ненадежная.

— Да ты что? — буркнула я, понимая, что напряжение меня наконец-то отпускает. Поэтому чуть повернулась, чтобы видеть его глаза. — И что ты еще понял?

— Понял, что без тебя мне паршиво, — произнес Гроу и добавил: — Пойдем спать, Танни. Я серьезно. Я всю ночь тебя ждал, на пару с Бэрри сожрал жаркое...

— Значит, романтический ужин у тебя все-таки был? — поинтересовалась я, с трудом сдерживая не то смех, не то слезы.

— Ты даже не представляешь какой. Она так романтично чавкала, расправляясь с бедром в залежах цветов, что я чуть не прослезился.

— Идиот, — сказала я.

— От идиотки слышу.

Гроу вернул мне комплимент со свойственным ему изяществом, а потом подхватил на руки.

— Когда я тебя увидела, — заметила я, пока меня несли к лестнице, — то решила, что ты абсолютный и непроходимый набл. И только потом поняла, что где-то глубоко внутри тебя живет суровый, но романтичный дракон.

— Ты себе представляешь, как должно раздуть набла, чтобы в нем поместился... гм, дракон?

— Я много чего могу себе представить, — сказала я. — Я же спецэффекты делаю.

— Дайте мне это развидеть.

Вместе с напряжением меня оставили даже остатки сил, поэтому, когда Гроу притащил меня в неразрушенную душевую кабину и поставил на пол, я вяло потянула футболку через голову.

— Если будешь что-то делать, не буди, — предупредила, пока Гроу расстегивал рубашку.

— Я, конечно, извращенец, Ладэ, но не настолько, — фыркнул он. — Ты себя в зеркале видела?

— Эй!

В режиссера прилетело футболкой, которую он отбросил в сторону.

— Я имел в виду, что ты напоминаешь новорожденного пустытника. Глаза закрыты, и лицо такое же осмысленное.

В режиссера прилетело еще и джинсами, а я отправилась в душевую кабину. Учитывая, что пустытники рождаются под землей, в пустотах глубоко под песками, они долгое время остаются слепыми. Пока не выходят на поверхность, и даже тогда с большой натяжкой можно сказать, что видят, по большей части они ориентируются на движение и тепло.

Когда Гроу ко мне присоединился, попыталась отступить как можно дальше, но мне не позволили.

— Ну и что ты собираешься делать? — поинтересовалась я, когда сильные ладони легли мне на грудь.

— Тебе правду сказать или как?

— А или как — это как? — попыталась уточнить я, чувствуя, что под неспешными мягкими поглаживаниями внутри открываются неведомые моему телу ресурсы выносливости.

— Или как — это я хочу тебе помочь принять душ.

— А, правда — это...

— Я тебя хочу, Ладэ.

— А говорил, не извращенец, — философски заметила я.

Когда Гроу развернул меня к себе и поцеловал, остатки мыслей благополучно испарились. Самое странное заключалось в том, что мне действительно помогли принять душ: от неспешных легких движений его рук, больше напоминавших расслабляющий массаж, чем что-то еще, по телу растекалось приятное тепло.

Поставив себе заметку устроить ему ответный массаж, и отнюдь не расслабляющий, я просто позволила Гроу привести меня в состояние «бронированный флайс в спящем режиме», растереть полотенцем и запихнуть в общую постель под простыню. Под этой самой простыней я прижалась к своему невыносимому режиссеру и благополучно провалилась в сон.

ГЛАВА 10

Утро начинается с кофе. По крайней мере, у меня всегда начиналось: я выбегала на пробежку с Бэрри, покупала себе в ближайшей кофейне одурительно пахнувший даже под плотно прикрытой пластиковой крышкой бодрящий напиток и возвращалась домой, чтобы дополнить завтрак на скорую руку сбаванными сэндвичами или кашей. Иногда приходилось обходиться только кофе (если заказчик сбросил что-то, что надо сделать, доделать или переделать срочно), и тогда о еде я вспомнила ближе к обеду. Голодная, как зверь.

Сегодня мне такое не грозило, потому что, продрвав глаза, я увидела стоящий на постели столик, на котором дымился кофе, лежали сэндвичи, сладкие булочки, фрукты, стояло несколько разновидностей джемов, соусница и сливки. Рядом сидел Гроу (такой довольный, словно успел уже все это сожрать, а заодно проделать со мной все то, что обещал вчера, пока мы принимали душ).

— Доброе утро, маленький бронированный флайс.

— Доброе утро, большой суровый дракон. Если оно, конечно, утро.

Гроу посмотрел на часы.

— Ну да, давно уже не утро. Вторая половина дня, если верить этой штуковине.

Но чувствую я себе кайфово.

Настолько кайфово, что стоило огромнейших усилий не начать лыбиться, глядя на завтрак в постели.

— Я сейчас, — быстренько сказала и вылезла из-под простыни.

Убежала в ванную, где наскоро привела себя в порядок, умылась, продрала спутанные после сна волосы, а потом все-таки пару минут улыбалась своему отражению. В конце концов, когда тебе приносят завтрак в постель — это приятно. Да что там говорить, это мегаприятно, и наверное, я никогда в жизни не чувствовала себя настолько очешуевшей от сиюминутного счастья.

— Если ты посидишь там ефе, — донеслось из спальни, — я фам все сожру.

— Ну, уж нет!

Я вылетела из ванной уже гораздо более готовая поглощать романтический завтрак, чем еще несколько минут назад. К слову сказать, Гроу уже взгромоздился на кровать прямо в ботинках и джинсах и теперь

уплетал сэндвич. Хотя, взглянув на меня, залип.

Только тут я поняла, что все еще голая, и, совершенно неэстетично пискнув, влетела под простыню.

— Знаешь, Танни, — сказал он, когда все-таки закончил жевать. — Умением потрясающе выйти с тобой не сравнится никто.

— Ну да, — пробормотала я, быстро намазывая джем на булочку. Потом опомнилась и взяла сэндвич. — Кто бы говорил.

— Я говорю. Как великий режиссер.

— Как великий режиссер, ты должен знать, что в фильме я бы проснулась с укладкой, в романтической пижамке в цветочек (даже если засыпала голая) и без всякого желания удовлетворить естественные после сна нужды.

Гроу расхохотался.

— Нет, я не против, чтобы ты ходила по моей квартире голая...

— Кто бы сомневался. — Я откусила огромный кусок и подтянула к себе кофе.

— Но когда я буду снимать следующий фильм, ты проснешься взъерошенная и пойдешь удовлетворять естественные после сна нужды. В романтической пижаме в цветочек, потому что голой тебя буду видеть только я.

На этом я чуть не подавилась сэндвичем. Впрочем, прожевав, все-таки спросила:

— Это ты сейчас меня так присвоил?

— Я давно тебя присвоил, Зажигалка. Просто поняла ты это только сейчас. — Гроу окунул ягоду в сливочный соус и протянул мне. — Скажи «а».

— Ты в курсе, что я могу оттяпать тебе полпальца? — поинтересовалась, потому что почувствовала, что краснею.

— Ты можешь, — он поднес ягоду к моим губам, — но я все-таки рискну.

Мне пришлось приоткрыть рот, потому что капля соуса грозила капнуть мне прямо на грудь. Впрочем, неизвестно, что хуже: от прикосновения пальцев Гроу к моим губам внутри полыхнуло. А чтобы не измазаться, мне пришлось плотно их обхватить, и, если честно, действительно возникло желание слегка тяпнуть его за палец.

Вот просто так.

За все.

Вместо этого я медленно их облизала, сжимая губы еще плотнее, а после с самым независимым видом откинулась на подушки и принялась

жевать. Надеюсь, что с независимым, потому что мне как-то разом стало не до завтрака, особенно когда в темных глазах Гроу замерцали зеленые искры, а зрачки слегка вытянулись в вертикаль.

Так, надо срочно менять тему.

— Как получилось, что ты родился водным? — поинтересовалась я. — Если у твоего отца магия льда.

— Смешение огней. — Гроу, к счастью, вернулся к завтраку и позволил мне перевести дух. — У Гранхарсенов в роду были водные, правда, проявлялись эти огни не так часто, как ледяные. В общем, можно сказать, что я и тут выпендрился.

— Ага. — Я снова откусила сэндвич. — Тфой кузен тоже ледяной.

Гроу нахмурился.

— Ты там со всей моей семейкой, что ли, познакомилась?

— Нет, он просто заходил к твоему отцу. А что?

— Ничего, — отмахнулся он, тоже возвращаясь к сэндвичам и кофе.

Какое-то время мы ели молча, и я думала о том, стоит ли расспросить его о матери. В конце концов решила, что не стоит: судя по легкому градусу похолодания, Гроу вообще не горит желанием говорить о семье. Так что если захочет, расскажет сам. А не захочет, значит, и чешуя с ней. Мне вообще достаточно сложно понять женщину, которая по доброй воле отказалась от своего сына, а потом спокойненько вышла замуж за другого, родила еще парочку и теперь счастлива в браке.

— Судя по наморщенному носу, Танни Ладэ думает, — раздалось насмешливое справа.

— Доиграешься ты, — сообщила я, дожевывая булочку. — У меня здесь под рукой подушки, они тяжелые. А маленькие бронированные флайсы в состояние полной боеготовности приводятся очень шустро.

— Даже не сомневаюсь, — фыркнул он, уставившись на мои торчащие под тоненькой простыней соски.

Я натянула простыню повыше и прикрыла грудь локтями.

— Какие у нас планы на день?

— Были у меня кое-какие планы, но, кажется, они меняются... — Гроу приподнял брови.

Ой нет.

— Нет-нет-нет, не надо так сразу менять планы, поддаваясь минутным порывам.

Кому я это говорю?

— Лично я бы с удовольствием прогулялась.

— Тогда прогуляемся. — Гроу кивнул. — Есть у меня одна идея...

— Мне уже начинать бояться?

— Для начала иголки спрячь, Ладэ. — Он допил кофе и спрыгнул с постели. — Жду тебя внизу.

С этими словами Гроу быстро вышел из спальни. Подозреваю, исключительно потому, чтобы не поменять планы. Что касается меня, я вылезла из-под простыни и отправилась в полноценный душ крайне заинтригованная. Когда я спустилась вниз, Гроу общался с кем-то по мобильному, но, заметив меня, сразу нажал отбой.

— Ну что, готова к приключениям?

— Всегда готова, — фыркнула я. — Куда мы едем?

— Это сюрприз.

Ой, что-то волнуюсь я по поводу его сюрпризов. Чтобы избавиться от странного ощущения прокатившихся по коже мурашек, снова перевела тему:

— Что тебе ответили по поводу Ильеррской?

— Я им сказал, что когда будут готовы возобновить сотрудничество, пусть присылают неустойку и увеличивают гонорар в полтора раза.

Я моргнула, но Гроу уже посторонился, пропуская меня вперед. Потрепав по голове не желающую со мной расставаться Бэрри, я направилась к двери. За ней, естественно, обнаружилась уже другая смена вальцгардов, которые потопали за нами к лифтам.

— Кстати, что ты имел в виду, когда сказал про следующий фильм?

— Танни Ладэ не тормоз. — Гроу хмыкнул, но тут же ответил вполне серьезно: — То и значит. Я не собираюсь возвращаться в Ферверн.

Мы уже зашли в лифт, и сейчас я многое бы отдала за то, чтобы оказаться с ним наедине. Потому что вальцгарды — они, конечно, свои, но о таком лучше говорить с глазу на глаз.

— То есть как не собираешься? — уточнила я, когда мы оказались на подземной парковке.

— Вот так. По крайней мере, сейчас.

— Но твой отец...

— Моему отцу на меня положить. Не вижу смысла что-то менять в наших отношениях.

Голос его снова стал прохладнее, но на этот раз я решила не отступать. Тем более что в сопровождении Гроу мне разрешалось летать в его флайсе, а вальцгардам — за нами. Такой ситуацией нельзя не воспользоваться.

— Чешуя с ним, с твоим отцом, — сказала я. — А как же драконы? В Ортахарне ты говорил, что...

— В Ортахарне мне не светила таэрран сроком на пять лет. — Гроу

усмехнулся и тут же добавил: — И прежде чем ты себя на эту тему накрутишь, Танни, так будет даже лучше.

— Так — это как? — тихо спросила я. — Не чувствовать огня?

— Ну да. — Он скользнул пальцами по панели управления. — В конце концов, огонь — это всего лишь фишечка, без которой вполне можно прожить.

Фишечка?

Без которой можно прожить?!

Как-то это существенно рознилось с тем, что говорил Гранхарсен, и даже с тем, что говорила Леона, когда Рэйнар надел на нее таэрран. Я, правда, последнее уже помнила смутно, но вот разговор с отцом Гроу состоялся недавно. И в нем фигурировало пламя как важнейшая составляющая жизни иртхана.

— Что, если бы... — Я пожевала губами, глядя на вырастающий под нами город. — Если бы таэрран не было?

— Но она есть. — Он коротко взглянул на меня. — Точнее, будет. Почему ты все время представляешь себе будущее, хотя мы живем в настоящем?

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Просто подумала, что если бы не случилось той чешуйни с Мелорой, ты бы переехал в Ферверн? Ну, чисто гипотетически.

— Чисто гипотетически, а также практически чешуйня с Мелорой здесь ни при чем. — Гроу вывел флайс на главную аэромагистраль. — Насколько ты знаешь, я долгое время жил своей жизнью, хотя таэрран на мне не было. С чего ты опять завела этот разговор?

На меня посмотрели так пристально, что тему переводить пришлось в срочном порядке.

— Начиталась про таэрран в Ильеррской, — сказала я. — И задумалась о смысле жизни.

— Чьей? — уточнил Гроу.

— В общем. Если верить архивам, то снять таэрран может только тот, кто ее надел, правильно?

— Правильно.

— А если этот кто-то помрет, то?..

— То таэрран останется на всю жизнь.

У меня натурально отвисла челюсть.

— То есть сильнейший дракон, даже самый сильнейший, чисто теоретически, не сможет снять наложенную каким-то задохликом таэрран?

— Задохлики таэрран не надевали, Танни. — Гроу бросил на меня

быстрый взгляд. — И в настоящем в общем-то тоже. Минимальный ранг того, кто имеет на это право — капитан вальцгардов. Это основательная сила и навык. В каждую печать вплетается огонь ирхана, который ее ставит. Этот узор отзовется только на его силу, попытка кого бы то ни было расплести его закончится очень плачевно. Для наказанного.

— Э... — осторожно сказала я. — А если тот, кто будет ставить тебе таэрран...

— У меня одна надежда на то, что Вэйлара Рингисхарра хорошо охраняют и что у него нет аллергии на камартовый флар.

— Ты сейчас так пошутил? — уточнила я.

— Разве это шутки, Танни? Аллергия вполне способна убить. — Мы свернули с главной магистрали и полетели куда-то на запад. — Ладно. Шучу, конечно. У ирханов вообще редко бывает аллергия.

Я с трудом удержалась от того, чтобы не треснуть его по голове, и то исключительно потому, что он управлял флайсом.

— Я, между прочим, серьезно, — заметила я. — Как вообще можно надевать таэрран без гарантии, что она будет снята?

— А вот так, — сказал Гроу.

— Потрясающий ответ.

— Ну, другого у меня нет. Тем более что в Ферверне таэрран отменили уже давно.

— То есть...

— Совсем. Именно по той причине, о которой мы сейчас с тобой говорим.

Тогда почему ее до сих пор не отменили в Аронгаре?

Этот вопрос я не задала вслух хотя бы потому, что спрашивать об этом надо было точно не Гроу. Рэйнара или, как вариант, Леону, и не уверена, что кто-то из них ответит. Но заметку спросить я себе все-таки поставила, когда буду в Мэйстоне. А там я буду очень скоро на слушании, но вот как бы поизящнее поговорить об этом с Гроу?

Я покосилась на него, пытаясь представить реакцию на заявление: «Знаешь, я тут собираюсь выступить на слушании, чтобы попросить Совет избавить тебя от таэрран». Попыталась, представила в красках и решила, что пока я к этому не готова. Вот завтра, например, самое то. Или послезавтра.

А можно и вообще вечером в пятницу сказать.

Просто чтобы не накручивать заранее.

Вынырнув из собственных мыслей, прилипла к окну, оглядываясь по сторонам: в этой части города мне раньше бывать не доводилось. Спальные

районы Зингсприда, этакий кусочек долины, в которой расположены невысокие домики, и, если честно, я понятия не имела, что мы тут делаем. То есть что вообще можно делать там, где большая часть территорий — частные, а на улицах, помимо домов и вилл, исключительно флайсы, которые еще не загнали в гаражи.

— Куда мы все-таки летим? — поинтересовалась я.

— Уже почти прилетели. — Гроу неожиданно резко изменил курс, спальные районы остались в стороне, а загораживающие побережье высоты «расступились», открывая доступ к зданию, напоминающему наложенные друг на друга хрустальные кубики. Эта странная конструкция, видимо, держалась исключительно на энтузиазме архитектора (ну и за счет силового поля тоже), но, увидев ее, я мгновенно вспомнила, что читала про это место.

Здесь располагался дико популярный среди туристов (да и не только) центр подводных экскурсий.

Единственный в Аронгаре.

И самый большой в мире.

— Ты все-таки решил меня утопить? — поинтересовалась я.

— А другие варианты есть? — Гроу плавно направил флайс вниз.

— Ты решил напугать меня до икоты, а потом утопить.

— Да, с фантазией у тебя туго, — наигранно тяжело вздохнул он.

Я не удержалась и все-таки шмякнула его по коленке.

— Ты же знаешь, что у меня с водой натянутые отношения.

— Ты встречаешься с водным драконом. — Он приподнял брови. —

Так что твои натянутые отношения придется разжижать.

— Главное, чтобы я сама в жидкость не превратилась и не выпарилась.

Или не выпала в нерастворимый осадок, вспоминая курс горячо любимой химии.

— Тебе понравится. — Этот совершенно невыносимый дракон мне подмигнул.

— Все вы так говорите. Начиная от врачей, которые достают инъекционный пистолет и обещают, что это не больно...

— А заканчивая? — поинтересовался Гроу.

— Заканчивая родителями, которые говорят, что в школе меня научат хорошему.

Гроу не выдержал и расхохотался. Я бы присоединилась, но при мысли о воде у меня и правда слегка начинал дергаться глаз. Несмотря на то что да, я действительно встречалась с водным драконом, и на то, что вода в общем-то ничего плохого мне не сделала. Ну, разве что забила в нос, в

рот и уши, когда вышеобозначенный дракон учил меня плавать.

Флайс опустил на полупустую стоянку, напомнив мне о случившемся не так давно. В другое время здесь все было бы забито под завязку, но после налета туристов в Зингсприде поубавилось. Если вообще кто-то остался.

— Как думаешь, стоит позвонить Ленарду? — спросила я, когда мы вышли из флайса и направились к зданию.

— Не уверен.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Знаешь, горе такая штука, Танни... чем больше с ним носишься, тем глубже оно становится. Это надо просто пережить.

— Но это же не значит, что надо просто забить на случившееся?

— Забивать я тебя не прошу. А вот дать парню время, чтобы пришел в себя — вполне. Ему самому надо справиться с потерей.

Я промолчала. Не была уверена, что могу согласиться: когда умерла мама, мир рухнул. Несмотря на то что у меня еще оставалась Леона, которая, кстати сказать, со мной не носилась. Она делала все, чтобы я не чувствовала себя одинокой, и всегда была рядом, но постоянных попыток влезть в мое сердце и узнать, как я себя чувствую, не было.

Так что, возможно, Гроу действительно прав.

Отчасти.

Хотя сдается мне, в этой ситуации правым быть нельзя. Решив, что вечером обязательно наберу Ленарда, чтобы узнать, как у него дела, обернулась на вальцгардов. Они топали за нами с привычно невозмутимыми лицами, и я подумала о том, что надо бы с ними тоже познакомиться. В конце концов, мне стало гораздо проще общаться с Роном и его напарником, когда я узнала, что они, Рон и...

Стыд мне и позор.

Стеклянные раздвижные двери разошлись вниз и вверх. Необычная конструкция поглотила нас, как водный дракон, разве что пасть захлопнулась бесшумно. За стойкой под огромной вывеской с логотипом (что характерно, водным драконом, рассекающим волны) стояли две девушки-администраторы.

Одна из них тут же обратила на нас свой взор. Точнее, на Гроу, ослепительно улыбнувшись:

— Эсстерд Гроу! Для вас все готово.

Угу, угу. И вот не надо так пялиться на него, как будто хочешь сожрать или облизать. Этого дракона облизывать буду только я!

Подхватив Гроу под руку, я мило улыбнулась, и улыбка девушки

несколько померкла.

Вот так уже лучше.

— Благодарю. — Он взял ключ, который администратор выложила на стойку, и обернулся к вальцгардам. — Ребят, вам придется подождать здесь. Часика три-четыре.

— У нас приказ не оставлять эссу Ладэ.

— Позвоните и уточните, распространяется ли ваш приказ на личное времяпровождение.

Пока вальцгарды колебались, Гроу невозмутимо ждал, а я смотрела на ключ, который он пропускал между пальцами с такой скоростью, что тот исключительно чудом до сих пор не оказался на полу. Девушка за стойкой то и дело бросала на Гроу ну очень непрофессиональные взгляды, и во мне активировался режим «маленький бронированный флайс».

Да, что ни говори, а когда твой парень — знаменитость, могут возникнуть сложности. Интересно, как Леона с этим справлялась?

Леоне же вальцгарды и позвонили, выяснили, что с Гроу меня можно оставить (по крайней мере, на территории комплекса подводных экскурсий), после чего мы с ним направились по длинному коридору. Стрелки вывели нас к секьюрити, которые быстро приложили сканеры к нашим документам и тут же расступились.

— Проходите.

Двери распахнулись, пропуская нас в ангар, в котором застыли десятки, если не сотни сверкающих капсул самых разных размеров. Матовое стекло не позволяло увидеть, что у них внутри, но про эти капсулы я тоже читала. Они предназначались для подводного погружения. Большие, размером чуть ли не с половину вагона для аэроэкспрессов, они застыли в самом низу, для групп поменьше — в середине, были еще совсем маленькие, видимо, для индивидуальных экскурсий.

— Добрый день. Эсстерд Гроу, вы отказались от сопровождения пилота, — к нам шагнул сотрудник центра.

— Все верно.

А?

— Ознакомьтесь с правилами техники безопасности. — Мужчина раскрыл голограмму над планшетом. — Когда ознакомитесь, пожалуйста, подпишите.

Я бы с удовольствием ознакомилась тоже, но поскольку Гроу своей могучей спиной заслонила весь текст, оставалось только изучать вереницы капсул, нанизанных на уровни, как бусины. Это напоминало завод или конвейер, где создаются глубоководные аппараты, и при мысли о том, что

мне сейчас придется оказаться под водой, глубоко... ну или достаточно глубоко, у меня заранее заложило уши.

— Эсса Ладэ. Правила техники безопасности.

В общем, все было стандартно: проглядев пункты, я поставила галочки везде, в том числе и в отказе от ответственности за здоровье, коим подтверждала отсутствие гипертонии, заболеваний сердца, тяжелых нервных расстройств (хотя кое-кто знающий меня сказал бы, что я солгала) и прочая, прочая, прочая.

— Ну что, идем? — Гроу кивнул в сторону лифтов.

В сопровождение нам дали невысокого паренька в форменной одежде, который вышагивал впереди с очень важным видом.

— При погружении не забудьте переключить уровень давления, — напомнил он. — И при выходе на поверхность тоже. Навигационная система не позволит вам уйти за щит или погрузиться глубже, чем это допустимо. Подходить к стенкам щита ближе, чем на пять метров, категорически запрещается. Если такое случится, в системе включится автопилот, и по возвращении вам придется заплатить штраф, с размером которого вы могли ознакомиться в договоре на нашем сайте и в правилах техники безопасности.

Лифты подняли нас на верхний уровень, но, вопреки моим представлениям, направились мы не к малюсеньким капсулам, а в другую сторону.

— ВИП-отсек, — сообщил парень, открывая дверь своим пропуском.

Мы оказались в закрытой части ангара, где было всего три подводные капсулы.

— Ваша, — сообщил парень, указывая на ближайшую, застывшую на стальной пусковой стреле.

Эта по размерам тоже напоминала половинку вагона. Ну или флайс Председателя, такой, с диванчиками и столиком.

Впрочем, когда Гроу коснулся капсулы ключом и дверь втянулась в корпус, я поняла, что флайс Председателя по сравнению с этим — чешуйня.

— Мм... — сказала я, увидев диванчик у дальней стены, в объятиях которого застыл накрытый на двоих столик. Помимо диванчика, здесь были еще мягкие кресла, стереосистема, мини-бар, светильники на стенах в форме драконов. И, разумеется, кабина управления, отделенная от всей этой красоты перегородкой, которую можно было сделать как прозрачной, так и полностью матовой (о чем свидетельствовал специально нанесенный на стекло значок).

— Ты пока располагайся, — сообщил Гроу, — а я пойду нас топить.

— Ты вроде Баррета Крэйна? — поинтересовалась я. — Водишь все, что движется?

— А что не движется, толкаю и вожу, ага, — легко согласился он. — Топай на диван.

— Вот еще. Я хочу посмотреть, как это плавает. И может быть, даже порулить.

Гроу фыркнул.

— Кто бы сомневался, что ты так скажешь.

Мы вместе вошли в кабину, и он устроился в кресле пилота, а я осталась за спинкой. Глядя на то, как загружается панель управления, закусила губу.

— Где ты этому научился?

— Ни за что не поверишь.

— Мне придется. Хотя я в курсе, что сказочник ты еще тот.

— У меня был друг, который работал на базе глубоководных аппаратов. Специализировался на них, если можно так выразиться.

— То есть ты дружил с тем, кто это делает?

— Я служил в подводных войсках Ферверна.

— Ага, — многозначительно сказала я.

Потому что представить Гроу вальцгардом не получалось. То есть совсем. Ну или почти совсем: я не могла представить его в форме, даже несмотря на очень богатую фантазию художника по спецэффектам. Зато другая часть моей фантазии, ровным счетом никак не отвечающая за спецэффекты, живо дорисовала картину из другой жизни Джермана Гроу. То есть Джермана Гранхарсена.

И сразу вспомнились слова его отца о пламени.

— Ты там научился водить? — решила переключиться с этих мыслей. — Все, кто служат в подводных войсках, умеют управлять такой штуковиной?

— Не все.

Он коснулся оранжевого огонька на панели.

— Эта штука — подтверждение готовности. Сейчас погаснет свет, и дадут добро на вылет.

Свет в ангаре и правда погас, и мы медленно двинулись вдоль стальной ленты к раздвижным дверям.

— Пилотирование — это отдельная дисциплина. Я не был пилотом, но уболтал друга меня научить.

— Но это же не военная машина.

— Вообще это мирный прототип. В качестве экскурсионных капсул их тоже впервые использовали в Ферверне. Народу так понравилось, что Аронгара тоже быстренько подсуетилась и забацала якобы самой крутой центр.

— Эй! — Я ткнула его в плечо.

Гроу фыркнул.

— Молчу, патриотка.

— Сам ты патриот, — хмыкнула я.

Тем временем мы уже прошли через двери и оказались в узком желобе, на стенах которого мерцали оранжевые огоньки. Капсула медленно набирала скорость, все быстрее ввинчиваясь в темноту, которая резко оборвалась светом. Распахнувшиеся двери выплюнули нас в воду, и мы начали медленно погружаться. Я снова глянула на панель: Гроу выравнивал уровень давления, одновременно уводя нас все дальше от берега.

— Хочешь фокус? — Он дотронулся до регулировки прозрачности, и по стенам капсулы пробежала рябь.

В считанные мгновения она вся стала прозрачной, и сомкнувшаяся над нами вода, играющая солнечными бликами, заставила меня задохнуться от странного чувства. С одной стороны, пугающего, с другой... это было невероятно. Стайки рыбок, кораллы и рифы, разбивающие прибрежные волны. Такое чувство, что я оказалась в другой реальности. Или вообще в другом мире.

— Нравится? — спросил Гроу.

— Да, это...

— Это?

— У меня нет слов.

Слов действительно не было, особенно когда мы прошли буквально в нескольких сантиметрах над рифами, окруженными вьющимися лентами иссиня-красных водорослей.

— Теперь я знаю, как заставить Танни Ладэ замолчать.

Я фыркнула.

— Это единственный способ, который ты знаешь?

— Вообще-то нет.

Гроу развернулся на парящем кресле так резко, что из меня выбило воздух, а его колени — весьма прочный (несмотря на прозрачность) пол у меня из-под ног. На эти же самые колени я и рухнула, не успев произнести ни одного ругательства из всех, которые разом пришли мне в голову. Потому что его губы накрыли мои, пальцы вплелись в волосы, а потом этот драконоскот меня укусил. Болезненно прихватил кожу зубами, тут же

поглаживая место укуса языком и заставляя губы гореть еще сильнее.

— Ты-ы-ы... — выдохнула я хрипло, упираясь ладонями ему в грудь. — Ты ничего не забыл?

Ткнула в сторону панели управления, но не уверена, что попала верно, потому что сумасшедшие темные глаза, стремительно зеленеющие, действовали на меня примерно так же, как залпом выпитая бутылка тоньяса.

— Ничего. — Не отпуская меня, Гроу снова развернулся к панели управления.

При этом так вжимая в себя, что я чувствовала твердость его желаний.

— Озабоченный дракон!

— Ты даже не представляешь насколько, — хмыкнул он.

Мы как раз прошли полосу рифов и начали погружаться глубже. У меня слегка заложило уши, но я уже не была уверена, что из-за смены давления. Света стало чуть поменьше, насыщенного цвета океана — чуть побольше. Мимо скользнул игольчатый шар, в глубине сплюснутой морды которого мелькнули два водянисто-синих глаза.

— Иглорыцка! — вырвалось у меня.

— Родственницу признала?

В отместку я поерзала у него на коленях, вызывая хриплый выдох, а когда кое-кто расслабился, рывком поднялась и отскочила на безопасное расстояние. Относительно безопасное, потому что рядом с Гроу безопасность моя была очень сомнительной, зато сейчас, зная, что место пилота он оставить не может, я показала ему язык и, зловеще хохоча, ускакала за перегородку. Где плюхнулась на диван, на который меня отправляли изначально, закинула руки за голову, ногу на ногу и наслаждалась подводным миром, поражающим своим разнообразием.

В процессе эволюции обитатели океана, чтобы не быть сожранными подчистую, приспособились выживать. Водная змея, скользнувшая между водорослей, была покрыта чешуей, каждая из таких чешуек остра как лезвие. Если дракон попытается ее сожрать, чешуя раскроется и ранит драконью пасть, что, наверное, не очень приятно. Особенно во время долгожданной трапезы.

Фосфоресцирующие шары,двигающиеся ближе ко дну, тоже как-то назывались. Увы, я не могла вспомнить как, но существовали они исключительно колониями, обладали коллективным разумом и в случае опасности шарашили пытающегося напасть электрическими разрядами.

Довольно скоро потемнело еще сильнее, теперь уже лучи солнца воспринимались как направленные разрозненные источники света, словно

над водой кто-то включил прожекторы. Почти коснувшись кромки защитного поля над стеклом, проплыла рядом покрытая шипами рыбина, плоская, как новая модель вертовского планшета. По дну тоже скользнула какая-то тень, я даже не сразу поняла, что это. Приглядевшись, увидела еще одну рыбу, стремительно меняющую окраску, то стягивающуюся подобно кольцу вокруг водорослям, то раздувающуюся. Этих рыбок, умеющих изменять внешность и суть, называли рихтами, и я только-только успела задуматься над совпадением их названия и имени Паршеррда, когда рядом нарисовался Гроу.

— Ты реально хочешь нас утопить? — поинтересовалась я, указывая на кресло в кабине управления.

— Слово «автопилот» тебе знакомо? — Он сел рядом со мной на диван и потянулся за бутылкой вина.

— Ты еще и пить собираешься?!

— Вино для тебя, ненормальная.

— Ага! Ты хочешь меня напоить, а потом воспользоваться...

— Твоей невинностью, — закончил Гроу. — Правда, я ей уже воспользовался, и мне понравилось.

Я шмякнула его диванной подушечкой, а дальше не успела даже пискнуть. Бутылка как-то удивительно мягко свалилась между мной и спинкой, я же оказалась вжата в диван драконьим телом. С разведенными бедрами и вздернутыми над головой руками.

Глаза Гроу стали совсем зелеными, набирающее силу пламя пока еще мягко покалывало вмиг ставшую безумно чувствительной кожу.

— Тебе не кажется, что дразнить водного дракона в воде — не самая удачная идея?

— Щит, — ответила я пересохшими губами.

Увы, пить мне сейчас совсем не хотелось, точнее, хотелось, но его. Пить его дыхание, рычание, стоны, наслаждаться втекающей в меня силой совсем как в ту ночь, когда мы разломали гостевую ванную комнату.

— До щита здесь еще плыть и плыть, — хрипло сообщил он мне в губы.

— Да? А казалось, совсем близко, — в тон ему ответила я.

— Визуальный обман.

От сжимающих запястья пальцев по телу расходились волны жара. От дыхания, скользящего по коже, бросало в дрожь.

— Мне нравится тебя дразнить, — сообщила я, чуть шевельнув пальцами.

И, как ни странно, он отпустил. Позволяя толкнуть его в грудь и

усесться верхом на каменные бедра. Впрочем, каменные там были не только бедра, и когда я чуть сдвинулась ниже, Гроу хрипло втянул воздух. Так глубоко, что его судорожный вдох передался мне, заставив содрогнуться. Чувствуя, как покалывает кончики пальцев, я медленно расстегнула на нем джинсы и так же медленно потянула их вниз. Не отпуская сумасшедшего взгляда. И точно так же, не отводя глаз, медленно сползла ниже, накрывая его губами.

Полыхнувшее в глазах дракона пламя ударило с такой силой, что я вспыхнула, как сухой мох. Горящая на щеках первая неловкость отступила, на смену ей пришло дикое, ни с чем не сравнимое возбуждение.

Расходящееся от разведенных бедер, прикосновений к которым сейчас так отчаянно, так безумно не хватало, до плотно сомкнутых губ, на каждом движении рождающих новую вспышку в его глазах.

И во мне.

В груди. В напряженных, мигом ставших чувствительными сосках.

Внизу живота.

В каждой клеточке тела, отзывающейся на его наслаждение так остро, как если бы ласкали меня.

Скользнув ладонями по его бедрам, я все-таки опустила глаза. Щеки почему-то горели так, как если бы к ним поднесли факелы, но я не остановилась. Не особо уверенная в том, что все делаю правильно, чуть плотнее сжала губы и услышала рычание:

— Таа-аа-нни.

Не уверена, что мое имя можно было прорычать, но сейчас это было именно оно.

Перевела взгляд на него: Гроу смотрел на меня, приподнявшись на локтях, в глазах вспыхивали и гасли искры пламени, они падали мне на кожу будоражащими уколами, заставляя сходить с ума и творить еще большие безумства. Поэтому я подалась еще ниже, срывая с жестких губ глухой стон.

Пальцы Гроу впились в мои волосы, сжимая в горсть с такой силой, что даже по ним, как по проводам, протянулся ток соединяющего нас пламени. Обрушившегося ударной волной, накатывающего на каждом его хриплом выдохе, в который врываются рычащие нотки.

Мне нравится тебя дразнить.

Никогда не представляла, что эта мысль может быть настолько возбуждающей. Что можно настолько завестись от наслаждения, которое даришь сама. От сильных бедер в пальцы втекали жар и напряжение: дикое, звериное, заставляющее сильнее подаваться назад, вжимаясь в его ноги и

сгорая от нехватки чувственных ощущений. В миг, когда вершинка напряженного соска под задравшейся майкой задела жесткую ткань джинсовых брюк, меня пронзило острым, почти болезненным удовольствием, прокатившимся по горлу тягучим стоном.

Рычание Гроу заставило вздрогнуть, а в следующий миг меня мягко потянули назад и наверх.

Я даже опомниться не успела, когда оказалась лицом к лицу с ним, а потом меня резко развернули спиной к себе. Уткнувшись локтями в подушки, всхлипнула, когда горячие ладони накрыли мою грудь, а после скользнули ниже, стягивая джинсы.

— Знала бы ты, как сейчас выглядишь. — Дыхание снова обожгло кожу, а следом ее опалил укус.

От сжавшихся у основания шеи зубов внутри рождалось что-то животное, заставляющее подаваться назад, признавая чужую власть.

— Как? — хрипло поинтересовалась я.

Вместо ответа он надавил пальцами на мои губы, и я бы никогда не подумала, что даже столь невинное прикосновение можно чувствовать так остро. А еще — что губы могут быть настолько чувствительными. Я чуть приоткрыла рот, медленно втягивая пальцы в себя, и вздрогнула от плавного, сильного движения, сделавшего нас единым целым.

— Внимание! Вы приближаетесь к щиту. — Механический голос автопилота заставил широко распахнуть глаза.

Вторая ладонь Гроу скользнула ниже, к точке соединения наших тел.

— Ты...

— Ти-и-и-хо. — Движение назад, и перед глазами вспыхнули искры. — Сказал бы я, к чему мы сейчас приближаемся.

От осознания сказанного меня повело еще сильнее.

От осознания, от прикосновений сильных пальцев там, внизу. И еще от того, что мы почти подошли к щиту, к которому в общем-то подходить нельзя.

— Вы приближаетесь к щиту. Осталось...

— А-а-а-ххх, — вырвалось у меня на очередном глубоком движении.

Сейчас я при всем желании не смогла бы остановиться. Не смогла и не захотела бы: цепляясь пальцами за подушки, подавалась назад, сходя с ума от чувственных ощущений и плывущих перед глазами разноцветных кругов. В какой-то миг показалось, что я и правда схожу с ума, потому что вода за стеклом внезапно пошла рябью, собираясь спиралями воронок и волн, как набирающее внутри меня силу наслаждение.

А потом разошлась в стороны под очередное предупреждение:

— Сбавьте скорость и развернитесь. Сбавьте скорость и...

Мир полыхнул перед глазами зеленым пламенем, на очередном рывке я вцепилась в подушки и все-таки закричала.

Закричала, чувствуя внутри сильную яростную пульсацию, перетекающую в сладкие спазмы, которые накатывали волнами снова и снова, по нарастающей. Пока не обрушились на меня всей мощью глубины, и в этот момент капсулу основательно тряхнуло.

Сомкнувшаяся вода чуть отбросила ее в сторону, и на сдавленном выдохе Гроу подался назад. Я приходила в себя под визг сирены предупреждения (мы подошли к щиту на минимальное расстояние), которая все-таки заткнулась. А когда я нашла в себе силы повернуться на спину, увидела и сам щит, колебания подводного силового поля, а за ним...

За ним дракон пытался отгрызть голову дракону.

— Твоего набла!

Я чуть не кувыркнулась с дивана, запутавшись в стянутых джинсах, но Гроу меня подхватил.

— А-а-а... — выдала я нечленораздельное, указывая в сторону мельтешащих громадин, которые... — А-а-а, — добавила уже с совершенно другой интонацией.

Потому что это совершенно не напоминало отгрызание головы. Два темно-зеленых зверя, огромных, с шипастыми плавниками и переливчатой чешуей, занимались примерно тем же, чем мы с Гроу, просто самец плотно держал свою пару за загривок.

— Насколько я понял, первый эффект потерян, — заявил он, подтягивая на мне джинсы и прижимая к груди.

Сердце у него колотилось так же бешено, как и мое, а жар пламени до сих пор втекал через обнимающие меня руки.

— Первый эффект чего? — хрипло поинтересовалась я, глядя на то, как огромный хвост дракона почти бережно обнимает самку, скользя под плавниками и сложенными крыльями.

— Впечатление от встречи с водными.

— О, можешь поверить, впечатлений у меня через край.

— Я рад.

Меня снова развернули лицом к себе, но только чтобы поцеловать припухшие губы. Потом мы смотрели на водных, которые то и дело подплывали к щиту, кто-то парами, кто-то по одиночке. Они совсем не напоминали тех, кого мне доводилось видеть раньше: недоразвитые крылья, зато гораздо более функциональные хвосты, мощь рассекающих воду плавников и выдохи силы, от которых вода шла волнами, ударяясь о

щит. Цвет чешуи на такой глубине терялся, но я подозревала, что если взмоют над поверхностью, она заиграет всеми оттенками бирюзы, зелени и голубого.

Невероятно прекрасные звери.

Когда один из них замер мордой к щиту, чуть более вытянутой, чем у обитающих в пустоши, я тоже замерла. Под взглядом ярко-зеленых глаз, так напоминающих взгляд мужчины, стоящего рядом со мной. Мне даже не нужно было поворачиваться к нему: стекло отражало все. Гроу смотрел на дракона, смотрел так, что у меня на миг перехватило дыхание.

И он будет говорить, что ему плевать на таэрран?

Гроу перехватил мой взгляд, и я сделала вид, что увлечена драконом. Тем более что я и правда была им увлечена. Смотреть на этих зверей и не восхищаться было просто невозможно, пусть даже у меня желудок подтягивался к горлу при мысли о том, что разделяющий нас щит можно убрать одним прикосновением к панели.

Поближе к щиту подплыла еще одна пара, а следом за ними... стайка маленьких драконят. Я помнила Бэрри виаренком, но когда нечто размером больше тебя резвится, гоняясь за собственным хвостом, а другие кувыркаются рядом, выпуская струйки воды, — это просто нечто.

Я бы сказала, полное подводное ви-ви-ви.

— Что это они все сюда подтянулись? — поинтересовалась я, глядя на подплывающих драконов.

— Не думала, что это мы их подтянули?

Что мы — нет. Вслух я, правда, этого говорить не стала. Достаточно того, что мысль занозой засела внутри и мешала наслаждаться происходящим.

Иртханы, драконы и объединяющее их пламя.

Какое место во всем этом отведено мне?

— На самом деле представь: вот ты сейчас глазеешь на них и думаешь: вау, драконы, а они на нас — вау, люди!

— Ты не человек.

— Человек. Наполовину. — Гроу прижал меня сильнее к себе. — Ну и что ты там опять надумала?

— Ничего, — буркнула я.

— Да ладно. У тебя по лицу видно, что «чего».

— Серьезно? — поинтересовалась. — И в чем выражается это «видно»?

— У тебя становятся такие большие задумчивые глаза, — он развернул меня лицом к себе, — и появляется морщинка между бровей.

Почему-то именно сейчас от того, как он на меня смотрел, стало не по себе. Потому что хороший секс — это просто хороший секс, а близость, от которой заходится сердце, — уже нечто гораздо большее. И когда он уедет в Ферверн, мне придется справляться самой с тем, что этого больше нет. Придется, потому что сейчас я не могу от него отказаться.

И не откажусь.

— Знаешь, ты прав, — сообщила я, — мне вредно много думать. И раз уж здесь так удачно оказалась бутылка вина и все это...

Я обвела взглядом стол.

— Пора это, в конце концов, употребить по назначению.

— Согласен. — Гроу кивнул. — Потому что если второй ужин придется скормить Бэрри, это будет даже не смешно.

— Смешно не будет, но Бэрри будет довольна, — заявила я, плюхаясь на диван и краснея.

Потому что вспомнила, что забыла застегнуть молнию на джинсах.

Резко рванула ее наверх и застегнула вместе с майкой.

Ы! Да что ж такое-то, а...

— Проблемы? — поинтересовался Гроу, открывая вино и наполняя бокалы.

— Нет, — пропыхтела я, пытаюсь выдрать майку из молнии. В итоге мне это удалось, и снизу осталась дизайнерская бахрома.

М-да.

— Ты же сказал, что не будешь пить? — обратила внимание на два бокала. — Или с нами тут еще невидимый друг.

— Ага, невидимый друг-вуайерист.

Я вздохнула и покачала головой.

— О чем мы вообще говорим, а?

— Примерно о том же, о чем говорят остальные, когда их никто не слышит. — Гроу поднял бокал. — За тебя, моя сексуальная иглорыцка.

Я поперхнулась вином и закашлялась, понимая, что майке пришел окончательный и бесповоротный конец: к бахrome добавилась еще дизайнерская окраска вином.

— Издеваешься, да? — отставила бокал на столик. — Ладно, я тебе это припомню.

Судя по выражению лица Гроу, он уже в красках представил, как я буду ему это припоминать.

— Не так, озабоченная особь драконосамца!

После этого заявления я налегла на теплый салат с морепродуктами (тарелка подогревалась изнутри, поэтому остыть за все время нашего

«отдыха» и болтологии он не успел). Потом мы смели запеченную рыбу с овощами и десерт из водорослей, после чего я действительно почувствовала себя иглорыцкой. В смысле такой же шарообразной и медленно передвигающейся, хотя передвигаться сейчас вообще никуда не хотелось.

Достаточно было того, что в движении была капсула — вдоль щита, параллельно далекому сейчас побережью, и было очень уютно просто так лежать, не думая ни о чем и болтая с Гроу обо всем подряд, не поднимая никаких серьезных тем, просто подхватывая то, что к слову пришлось.

— Через два километра граница безопасной зоны, — в идилию вторгся автопилот. — Пожалуйста, развернитесь.

— Зингсприд закончился, — сказал Гроу, нехотя поднимаясь, — сейчас вернусь.

Вернулся он и правда очень быстро: перед схождением щита нужно было разворачиваться, и мы поплыли обратно.

— Как называется эта чешуйня? — спросила я, когда мы снова наткнулись на колонию светящихся шаров.

— Чему тебя учили в школе? — мрачно поинтересовался Гроу и тут же добавил совершенно серьезно: — Солнышки.

— Солнышки?

— Я не помню.

Мы ржали, наверное, минут десять, и в результате сошлись на том, что «солнышки» им подходит. Они и впрямь напоминали скопление звезд, сбившихся в гигантский световой ковер, и я обратила внимание на то, что сейчас они сияют гораздо ярче. Кажется, за время, пока мы плавали туда-сюда, на Зингсприд уже опустился привычный вечер, а учитывая, как быстро у нас темнеет, под водой тоже стало совсем темно.

— Хочешь подняться? — спросил он.

— На поверхность?

— Ага. Нам все равно придется подниматься, когда будем возвращаться в ангар.

— Так эта штука не только плавает, но и летает?

— Летает она недалеко и невысоко.

Пока Гроу выводил аппарат на воду, я прилипла к стеклу, рассматривая мерцающие водоросли и темные тени, скользящие по стремительно удаляющемуся дну. А когда мы, наконец, поднялись, у меня повторно перехватило дыхание. Побережье казалось далеким (я даже не представляла, что мы так далеко забрались!), всего-то и видна была тоненькая полоска огней. Справа, слева, повсюду — безбрежный океан,

темнота которого напомнила мне об Ильеррской, стоявшей на балконе в покоях наложницы.

А еще — звезды.

Бескрайние россыпи звезд, когда кажется, что, кроме неба и воды, вокруг нет больше ничего.

— Здесь тоже неплохо, — заявил Гроу, подтягивая меня к себе, и мы снова улеглись на диван.

Из-за того, что небо оказалось над нами, мерцающие звезды, скользящие по небу, казались утопающими в нем. Поцелуи, которые снова переросли в откровенные ласки, были такими же горячими, как падающие в небо звезды. И небо вспыхивало над нами сотнями тысяч солнц в сумасшедшем, пламенном удовольствии. Приходя в себя в объятиях водного дракона, я увидела еще одного, за щитом: он взметнулся над темной гладью сверкающей лентой и так же бесшумно ушел на глубину.

Спустя полчаса мы подошли к экскурсионному центру, где вальцгарды встретили нас привычно непроницаемыми лицами, на которых все-таки читалось, что мы излишне подзадержались. Впрочем, ничего говорить нам не стали, только глянули недовольно, но это как-то вообще прошло мимо. Равно как и дорога домой, которую я всю проспала во флайсе, а проснулась от того, что меня пытались оттуда достать.

— Сама пойду, — сообщила я, но кто бы меня послушал.

И когда вообще Гроу кого-то слушал. Меня отнесли в душ и поставили под воду, где ненадолго оставили одну. Точнее, я думала, что ненадолго, но он ко мне так и не пришел, и когда я, завернувшись в полотенце, вышла из ванной, Гроу стоял у окна, обхватив себя руками. Такой же сосредоточенный и напряженный, как сегодня утром, когда я вернулась.

— Что случилось? — тихо спросила я.

Он обернулся, глядя на меня как-то странно.

И ответил:

— Нам вернули Лархарру.

ГЛАВА 11

Суббота — это такое время, когда хочется расслабиться, ходить в кино и кафе, залипать на витрины с новыми (и старыми) коллекциями или просто бродить по улицам под ритм музыки в наушниках. Разумеется, если ты фрилансер, иногда жизнь вносит свои коррективы, но в целом настроение остается примерно то же самое. В эту субботу все было по-другому. Началась она с того, что я чуть не грохнулась с кровати, потому что полночи ворочалась с мыслями о том, как сказать Гроу, что я еду с ним.

За последние несколько дней я раз десять пыталась заставить себя об этом заикнуться, но не получалось. Стоило мне открыть рот, как слова улетучивались, мысли испарялись, и я напоминала себе тех рыбок, которые пускали пузырьки у самого побережья. В итоге, когда проснулся Гроу (по будильнику), я уже с час лежала с открытыми глазами и считала виарчиков. Досчитала до двух тысяч пятидесяти семи.

— Привет, иглорыцка, — сказал он, легко поцеловав меня в губы.

— Привет, озабоченный дракон, — отозвалась я.

— Ты, кстати, можешь спать дальше.

— Ну да, конечно.

Гроу подмигнул мне и ушел в ванную, всем своим видом показывая, что ему глубоко до чешуи. Проблема в том, что до чешуи ему не было, и с каждым днем я на каком-то глубоком интуитивном уровне ощущала это все острее и острее. Например, тот факт, что меня не позвали с собой в ванную, тоже о многом говорил. Равно, как и ситуация с Ильеррской, которая вроде бы как прошла мимо.

То есть не мимо, потому что Лархарру нам и правда вернули, а вот Ильеррскую нет. Совет директоров «Гранд Пикчерз» однозначно обозначил свою позицию, что «пока не готовы вернуться к проекту», и, судя по всему, даже Гайер (чтобы ему икалось и пукалось) ничего поделать не смог. У нас с Гроу на эту тему состоялся всего один серьезный разговор, и если честно, после него я уже не была уверена, что Ильеррская когда-нибудь вернется.

— Нам же вернули Лархарру! — орала я. Натурально орала, потому что ради того, чтобы мы снова собрались все вместе на съемочной площадке, я ездила в другую страну к одному абсолютно отморозенному дракону, оставила там кучу своих нервных клеток с нервными виарятами внутри, и все зря?!

— Лархарра здесь ни при чем, Танни. — Гроу полусидел на

подоконнике кухни, перекатывая между пальцами нож. — Дело в драконах. И людях.

— При чем тут драконы и люди?!

— Подумай сама. После случившегося Совет директоров сильно сомневается, что кто-то вообще пойдет на фильм про иртханессу.

Я была готова сказать все, что думаю про Совет директоров, но у меня вдруг иссяк словарный запас. Даже нецензурный, потому что представить, что Ильеррской больше не будет, я не могла. Затолкав эту мысль поглубже до лучших времен, в тот вечер я решила, что сейчас не время говорить про заседание.

И на следующий тоже.

И потом...

В общем, примерно так мы проснулись утром в субботу, и, признаться, на таком взводе я не была уже давно. Поэтому, постояв перед зеркалом в маечке с иглорыцкой (ее мне позавчера подарил Гроу) и трусиках (тоже с иглорыцкой, из того же источника), я накинула халат и пошла готовить нам завтрак, чтобы чем-то занять руки. И голову.

А ее однозначно надо было чем-то занять, потому что за завтраком мне предстояло во всем признаться Гроу. Из-за этого я уронила себе на ногу чашку, которая отбила мне палец и отскочила на плитку. Пока я собирала осколки, отгоняя Бэрри от места происшествия, чтобы не поранила лапы, было еще ничего, а вот потом меня опять начало потряхивать. Нехорошо так.

Потому что помимо разговора с Гроу мне предстояло еще выступить перед Советом Аронгары. Одно дело общаться с высокопоставленным иртханом с глазу на глаз, другое — когда их там таких двенадцать штук, и половина из них (предположительно) считает, что вот это вот, то есть я, вообще достойно внимания исключительно потому, что ее сестра — первая леди.

На этой оптимистичной ноте у меня зазвонил мобильный, и я не менее оптимистично подскочила, треснувшись башкой о столешницу. Из глаз посыпались искры, а с губ — слова, которые я долго держала в себе и которые ни в одном приличном обществе говорить не стоит.

— Привет, Ленард, — относительно спокойно сказала я, едва глянув на дисплей.

Помня о разговоре с Гроу, я позвонила парню всего один раз, и мы достаточно тепло пообщались. В целом держался он отлично, и я старалась не сорваться на лишние и личные вопросы. Не сорвалась.

— Привет. Не разбудил?

— Нет, я как раз завтрак готовлю. — Отпихнув пытающуюся стянуть тост Бэрри, я полезла в холодильник за начинкой.

— О! Круто. Слушай, я тут подумал... может, днем встретимся в центре? Я хотел погулять, заодно поболтаем, обсудим последние новости.

У меня всего один вопрос: почему именно сегодня?! Почему это не могло быть завтра или вчера вечером?!

— Ленард, у меня сегодня никак не получится.

— А, — донеслось из зажатого между ухом и плечом смартфона. — Ну о'кей. Не вопрос. Давай пока.

— Не давай, — сказала я. — И не пока. У меня сегодня очень важное мероприятие, от которого трясутся колени, и вообще я вся трясусь.

— Да? — Ленард тут же заметно оживился. — Что за мероприятие?

— Очень важное. Я пока ничего не могу говорить, но когда встретимся, обязательно расскажу, обещаю. Как насчет завтра?

— Днем в центре?

— Ага. Я тебе напишу ближе к вечеру и уточню.

— Договорились!

— Чудесно. — Я делала тосты с такой скоростью, словно занималась этим всю жизнь. — Как у тебя дела?

— Да все по-старому. Учусь. — Он явно захотел свернуть тему, и я не стала настаивать. — А у тебя?

— А я пытаюсь не попасть себе ножом по пальцу, когда режу ветчину.

— Покупай нарезку, — серьезно сообщил Ленард. — Лайфхак мирового уровня.

— Учту, лайфхакер, — фыркнула я, и мы попрощались.

Красиво разложив сэндвичи на тарелке, я запустила кофемашину, привычно погладив ее по металлическому боку (своеобразный ритуал, означающий, что кофе получится не совсем дерьмо), после чего выглянула в гостиную. По-хорошему, Гроу уже должен был спуститься, но сейчас даже шагов не было слышно. Он что там, практикуется в управлении стихией, что ли?

На этой мысли мне захотелось дать себе по башке повторно, потому что я даже не представляла себе, что он должен сейчас чувствовать. Не имею понятия, сколько времени проходит между вынесением приговора и исполнением, но Леона вечером уходила без таэрран, а вернулась ночью уже с ним.

Так, все, хватит.

Никакой таэрран не будет, у меня все получится.

Глубоко вздохнув, я направилась к лестнице и, взлетев по ней, шагнула

в спальню, где Гроу, уже полностью одетый, говорил по телефону. Последние его слова я зацепила краем уха:

— Да, Сиб. Спасибо.

Так же как и их смысл.

Сиб?! Это Сибрилла, что ли?!

Ну, круто.

— Завтрак готов, — сообщила я и на прощание громко хлопнула дверью.

Гроу догнал меня на лестнице, куда я долетела ну очень быстро.

— Танни.

— А? — спокойно поинтересовалась я.

Очень спокойно, потому что готова была дыхнуть дымом, несмотря на то, что до драконов мне далеко. И до драконесс тоже.

— Это что только что было? — спросил он, спускаясь рядом со мной.

— Ничего. Я сказала, что завтрак готов.

— Это я понял. А потом чуть не оглох.

Жалко, что чуть!

— Рука сорвалась.

— Та-а-а-нни. — Он сказал это с той самой рычащей интонацией, глухой и хриплой, как тогда под водой, и мне захотелось его стукнуть.

Больно.

Мы как раз спустились, поэтому я развернулась и сложила руки на груди.

— Давай начистоту, о'кей? Ты уже большой мальчик и вроде как понимаешь, в чем дело.

— Мы с Сибриллой знакомы очень давно.

— О, это я уже поняла.

— И я никогда не скрывал, что у нас было прошлое.

— Это самая идиотская фраза, которую ты мог сказать, ты в курсе?

— О том, что у меня было прошлое? — Он прищурился, и меня царапнуло раздражением.

Ничего, ему не повредит.

— Не-а. О том, что у тебя было прошлое с ней.

— Как есть. У меня действительно было прошлое до тебя, Танни.

— Серьезно? У меня тоже.

Гроу прищурился еще сильнее, а я достала телефон.

— Давай я сейчас позвоню Паршеррду и скажу: «Привет, Ри, как дела? Я тут на нервах с самого утра, поэтому мне очень нужна твоя поддержка. И вообще, пойдём поболтаем, пока кое-кто там на кухне страдает чешуйней и

готовит завтрак?» Не против? Если не против, можешь идти жрать, а я наверх.

Развернулась к лестнице, но меня перехватили за локоть и притянули к себе.

— Танни.

— Я уже двадцать шесть лет Танни.

— Осенью будет двадцать семь, я в курсе.

Я остановилась. В общем-то исключительно потому, что, в отличие от меня (для которой его день рождения оказался сюрпризом), Гроу откуда-то знал, когда будет мой. Хотя почему откуда-то, у него же был большой начальственный файл.

И все-таки.

— Вообще-то мне было бы по чешуе, если бы ты назвал ее Сибрилла, — сказала я.

— Прямо так и по чешуе? — усмехнулся он, и мне снова захотелось его треснуть.

— Ладно, не было бы.

— Я понял, Танни.

От такого заявления я окончательно растерялась, а Гроу добавил:

— Я понял, что мне досталась самая прекрасная, самая сексуальная и самая ревнивая иглорыцка в мире.

На последних словах я открыла рот, чтобы ответить, но вместо ответа демонстративно наступила ему на ногу, направляясь на кухню.

— Ауч.

— Так тебе и надо.

— Какая ты кровожадная.

— Что-то я крови не вижу.

На кухню мы зашли вместе, где я обнаружила Бэрри, сидящую в самом углу с независимым видом. И пустую тарелку там, где, когда я уходила, стояла тарелка с тостами.

— У-у-убью!

Я схватила первое попавшееся полотенце, а виари, скрежеща когтями, метнулась в гостиную и чудом не снесла с ног едва успевшего отскочить в сторону Гроу. Который перехватил меня на подлете, в смысле на выходе из кухни, и потащил к стулу.

— Ты сегодня и впрямь ну очень возбужденная.

— Это потому что у меня секса не было, — брякнула я.

Потом поняла, что брякнула, и густо покраснела.

— Не было, говоришь? — Гроу раздвинул полы халатика, зацепив

пальцами соски.

Которые от этого прикосновения немедленно четко обозначились под майкой.

— Не-э-эт. Нет-нет-нет, — уворачиваясь от его губ, поднырнула вниз и ушла к холодильнику.

— Нет?

Совершенно невыносимый мужчина! Ему предстоит судебное разбирательство, пять лет таэрран, а он лапает меня. Но хуже всего, что я становлюсь такой же и совсем не против продолжить прямо сейчас.

— Нет! — решительно сказала я, выкладывая на стол начинку для тостов.

— Значит, нет? — Меня обняли со спины.

— Нет. Точно нет.

— Точно. — От короткого укуса в шею меня бросило в жар. Скользящие под майку ладони Гроу накрыли грудь, и меня повело от желания податься назад, вжимаясь в него всем телом.

— Слушай! — Я вытащила режиссерские руки из-под майки и обернулась к нему. — Я все понимаю, но я так не могу.

— Так — это как?

Не удержавшись, ударила его ладонями по груди.

— Джерман!

— Мм... Меня называли по имени...

Нет, с ним решительно невозможно разговаривать.

— Джерман, я еду с тобой.

Это я выдохнула так быстро, как только могла, и кажется, оно сработало. Потому что Гроу меня хоть и не отпустил, но внимательно взгляделся в лицо. Я чувствовала, как ровно и гулко бьется под ладонью его сердце, и это создавало некий диссонанс, потому что мое колотилось, как сумасшедшее.

— Я буду выступать на Совете, — быстро добавила я, чтобы уж наверняка. — И просить о том, чтобы твое наказание отменили.

Вот теперь ладони Гроу на моей талии стали каменными. И чешуя бы с ними, с ладонями, но взгляд тоже стал темным и тяжелым.

— Что, прости, ты будешь делать, Танни?

— Выступать, — повторила я. — На Совете.

Он меня отпустил. Отступил на несколько шагов, пристально глядя в лицо, только крылья носа чуть подрагивали.

— Слушай, я знаю, что...

— Нет, — перебил Гроу и, резко развернувшись, направился к

холодильнику. Зачем непонятно, потому что я и так оттуда все вытащила.

— Джерман...

— Нет, Танни. Ты со мной не едешь.

— А тебе не кажется, что не стоит решать за меня?

— Кажется. — Он обернулся, сложив руки на груди. — Но ты за меня уже все решила.

— Я не решила! — выдохнула я.

— Правда? И твое заявление «я еду с тобой, я буду выступать на Совете» в настоящем времени, разумеется, ни разу не решение?

Я глубоко вздохнула. Очень глубоко, потому что водное пламя, надежно запертое в глубине темных глаз, сейчас искорками отзывалось во мне. Каким-то непонятным образом я чувствовала его приближение, но ссориться сейчас не хотела. Сейчас не время, и вообще.

— Я сказала тебе, что еду, — заметила я.

— Что логично, потому что во флайсе тебе лететь надо было со мной и через телепорт идти тоже.

— Необязательно. Я могу полететь с вальцгардами и пройти отдельным телепортом.

— О да, Танни. Вполне. — В голосе его сочился сарказм. — Странно, что ты не поступила именно так, потому что ты точная копия своей сестры.

Вот теперь пламя взметнулось уже во мне.

— Может, уже хватит сравнивать меня с ней?! Или тебя так на ней переклинило, что ты ищешь во мне ее?!

Гроу посмотрел на меня так, что я подавила желание отступить. Просто со всем согласиться, свести этот конфликт до уровня плитуса и просто забыть о том, что он был. Потому что (это я сейчас осознала со всей ясностью) я не хочу с ним ссориться не из-за того, что сегодня тяжелый день. Я вообще не хочу с ним ссориться, я хочу с ним быть. Столько долгих дней, сколько у нас есть.

— Слушай. — Я подняла руки. — Я была не права. Я очень хотела тебе сказать, сказать заранее, но случилась задница с Ильеррской, а потом...

— Что — потом?!

— Потом я боялась! — выкрикнула я. — Вот этого вот! Потому что великим режиссерам ни от кого не нужна помощь, а я не хотела с тобой ссориться, Джерман. Но сейчас ты не великий режиссер, не выпускник Академии искусств, ты мой мужчина, которого я хочу защитить! Неужели это тебе не понятно?

Гроу вытащил из кофемашины чашку и сунул мне в руки.

— Это было вроде «на, только заткнись»?

— Нет, это было вроде «кофе почти остыл». — Он сел на стул и взглядом указал на соседний. — Я не хочу, чтобы ты со мной ехала, Танни...

— Но...

— Дослушай. За свои поступки каждый должен нести ответственность.

— Это ты сейчас о том, что спас меня от Мелоры?!

— Ты будешь меня слушать или нет?

Справедливо рассудив, что лучше слушается с набитым ртом, я сунула в этот самый рот листок зелени, потом кусочек хрустящего хлеба, потом ветчину. В общем, получился почти готовый тост, только частями.

— За то, что я сделал с Мирис.

— Мифис не пофтрадала.

Не, тосты не помогают. На этой оптимистичной мысли я залила в себя еще и кофе.

— Мирис не пострадала, но я не имел права вламываться в ее сознание. Особенно после того, что сделала Мелора. После ментального допроса.

Я проглотила все, что в себя запихала, и оно камнем упало в желудок.

— То есть ты вот весь такой правильный и считаешь, что...

— Я не весь такой правильный! — прорычал Гроу. — Я поступил так, как поступил, но я не считаю, что это должно пройти мимо. Потому что если каждый из нас начнет вламываться в сознание человека, а к нам будут проявлять снисхождение, очень скоро в мире станет гораздо больше Мелор.

— Ты не каждый, — сдавленно прошептала я. — Ты мне жизнь спас. Дважды.

— И это логично, что ты хочешь избавить меня от таэрран. Но я этого не хочу, Танни. Я уже несколько раз об этом тебе говорил.

— А еще ты говорил, что таэрран — это пережиток прошлого и что в Ферверне его нет. Говорил, что хочешь вернуться к драконам. — Я сцепила руки на коленях. — Ты столько всего говорил, Джерман, в частности, о том, что политика не сочетается с шоу-бизнесом. Знаешь, по-моему, тебе просто страшно. Страшно, потому что ты действительно в шаге от того, от чего ушел много лет назад. Ты хочешь вернуться, и ты этого боишься больше, чем чего бы то ни было. Потому что тебе действительно придется выбрать.

Взгляд Гроу, обычно раскаленный, как глубина зингспридской ночи, сейчас стал просто ледяным. В эту минуту я невольно отметила его сходство с отцом: по жесткой складке между бровей, по резкости черт.

— Сеанс психоанализа закончен? — жестко поинтересовался он, отодвигая чашку и поднимаясь. — В таком случае мне пора.

— Ты говоришь, что я приняла за тебя решение, но ты сейчас тоже принимаешь его за меня. — Я вскочила. — Почему ты отказываешь мне в праве решать самой — что делать и как поступить?

— Я тебе ни в чем не отказываю, Танни. Я озвучил свою просьбу, как с ней быть — решать тебе. И только тебе.

Он вышел, оставив меня на кухне одну. Хотя нет, была еще нетронутая чашка кофе. Его. Листики салата, которые я собиралась уложить на хлеб, ветчина и прочая ерунда. Эта прочая ерунда меня и добила, я даже не поняла, что происходит, когда на столешницу упала первая капля.

За ней вторая. Третья. Четвертая.

Только когда мне стало окончательно нечем дышать, до меня дошло, что тупо реву. Слезы катились по щекам одна за другой, расплавленное напряжение последних дней, напряжение, которое я запрятала глубоко-глубоко, не позволяя ему вырваться на поверхность и накрыть меня с головой, прорывалось из меня таким образом. Я знала, что слезы — та еще пакость, стоит один раз дать им волю, и потом будешь хлюпать носом по поводу и без, но ничего не могла с собой поделать.

Еще эти клятые листики салата маячили перед глазами, потому что я правда хотела сделать для него завтрак. Хотела, чтобы...

От желания смести со столешницы все прямо на пол меня остановило только то, что потом опять придется собирать осколки. Хотя нет, вру, остановило то, что он может увидеть красные зареванные фары, что для маленьких бронированных флайсов просто позор. Дракон меня задери, я не редела с той самой минуты, когда мы с Леоной расколошматили приставку, которую мне в качестве насмешки подарил Лодингер.

С того самого вечера — ни единой слезинки, и вот, пожалуйста, прорвало.

Мне не хотелось, чтобы он видел меня такой, и в то же время отчаянно хотелось. Чтобы он сейчас вошел на кухню, увидеть его изменившееся лицо и услышать: «Не плачь, иглорыцка».

И уже не важно, что будет потом, просто сейчас он меня обнимет и...

— Я ушел.

Ага, всенепременно.

Глухой удар двери заставил меня вздрогнуть, а потом я просто смела все со столешницы прямо на пол. Орала и швыряла посуду о дверцы, о полки, крошево осколков летело на пол. На кухню влетела Бэрри, увидев меня, поджала хвост, но не ушла. Села прямо в арке, глядя на меня.

— Ну, что смотришь?! — заорала я. — Давай иди отсюда! И ты тоже иди! Вы все идите!

«Я ушел».

Просто так, да.

После всего, что было — «Я ушел».

Я сползла на пол, зажимая руки между коленями, задыхаясь от сорвавшихся лавиной слез. Потом собирала осколки вперемешку с листиками и редела еще сильнее. До икоты. Только когда на кухне с помощью портативного пылесоса не осталось ни одного осколка, положила Бэрри еды, а сама направилась в ванную.

Умываться мне пришлось долго, но даже холодная вода не помогла, из зеркала на меня смотрела красноглазая красавица с раздувшимся носом. Да и по чешуе в общем-то. Мне не на конкурс «Эсса Аронгара Сезон 57».

Достала из шкафа костюм, тот самый, в котором ездила в Ферверн. Натянула юбку.

«Я тебе ни в чем не отказываю, Танни. Я озвучил свою просьбу, как с ней быть — решать тебе. И только тебе».

Сняла юбку.

Натянула джинсы, футболку и вылетела из комнаты. На ходу подхватила поводок.

— Бэрри, гулять! — крикнула осипшим голосом.

«Сеанс психоанализа закончен?»

«Я ушел».

Да пожалуйста!

Хочет ходить в таэрран — пожалуйста! Не стану ему мешать.

Я нацепила на виари поводок и вылетела за дверь.

— Танни, не хочешь объяснить, в чем дело? — Леона позвонила мне в тот момент, когда Бэрри села под куст на глазах у пожилой пары. Судя по тому, как на меня посмотрели, они тоже хотели объяснений, а Танни ничего никому не хотела объяснять, она хотела, чтобы от нее все отстали.

Дня на два. А лучше на месяц.

— Нет, — сказала я, оглянувшись на вальцгардов.

— Танни.

— Нечего тут объяснять, — буркнула я, потянув Бэрри на себя и игнорируя возмущенные взгляды в мой адрес. Ну а что я могу поделать, виары — не одноклеточные. Они едят и пьют, и все это должно куда-то деваться. — Гроу не хочет, чтобы я ему помогала. Говорит, что таэрран для него ничего не значит.

— А ты ему, разумеется, об этом сказала заранее? — вкрадчиво поинтересовалась Леона.

— Представь себе. Это называется отношения.

— Отношения — это хорошо, но еще лучше, когда кто-то в отношениях оказывается умнее.

Сначала я хотела обидеться и уточнить, в каком месте она оказалась умнее, когда Рэйнар надел на нее таэрран, потом вспомнила, что она защищала меня. Заодно вспомнила и то, что сестра не виновата в нашей с Гроу размолвке.

— Что тебе мешало сказать: я еду с тобой, потому что Леона хочет со мной пообщаться, а потом по дороге до Совета Правления все объяснить?

— Наверное, то, что это неправда?

— Неправда, — передразнила Леона. — Это называется дипломатия, Танни. В отношениях помогает как в личных, так и в международных, между прочим.

— А ты могла бы не врубать первую леди? — поинтересовалась я.

Мимо нас на аэроскейтах промчались трое мальчишек, и Бэрри радостно сделала стойку. Пришлось подтягивать ее к ноге и грозно командовать:

— Рядом!

— Во-первых, нам действительно надо поговорить.

— О чем?

— О твоих отношениях с Гроу.

— Ой, нет. Я правильно сделала, что не поехала.

— Не смешно. А во-вторых, Гроу одиночка. Он привык все решать сам, и он напрягается при мысли о том, что ты собираешься ему помогать.

— Это ты со знанием дела говоришь? — не удержалась от шпильки, но Леона отреагировала на удивление спокойно.

— Да. Когда мы остались одни и о нас некому было позаботиться, я настолько привыкла решать все сама, что появление Рэйнара и любое его вторжение в мою жизнь воспринимала в штыки. Сейчас я это прекрасно понимаю, но тогда было всякое. И ссоры, и обиды, и недопонимания.

«Сеанс психоанализа закончен?» — захотелось поинтересоваться мне, но я снова себе напомнила: Леона не виновата.

— Сейчас он действительно считает, что так лучше, Танни. Гроу из тех, кто привык бросать вызов всему миру, и, возможно, он действительно считает, что пять лет таэрран — это ерунда. Но можешь мне поверить, это не так.

Голос Леоны неожиданно стал глухим.

— Таэрран — это клеймо. Это знак для всех иртханов, что твое пламя заперто. Само ощущение, когда пламя заперто внутри, оно... страшное. Поначалу кажется, что ты можешь с этим смириться, но с каждым днем все отчетливее понимаешь, насколько тебе его не хватает. Я носила таэрран совсем недолго, но до сих пор помню каждый день.

— Почему вы вообще ее не отмените?

— За отмену выступаем мы с Рэйнаром и Вэйлар. Остальные считают ее достойной альтернативой более мягким мерам наказания.

Ну да, тюрем у иртханов вроде как нет. Я хотела было спросить, какие еще существуют меры наказания, но решила, что это подождет.

— Считаешь, что мне стоит поехать? — спросила глухо.

— Ну не зря же я тебе вчера полвечера давала инструкции.

Я улыбнулась.

Мы с сестрой и правда вчера говорили долго, часа два. Гроу ездил по делам режиссерским, а я сидела в нашей спальне и выслушивала наставления о том, что нужно делать, в каком порядке, как держаться и что говорить. В общем и целом, даже запомнила большую часть из того, что мне было сказано.

— Спасибо, что позвонила, — сказала я. — Seriously.

— Обращайся, — хмыкнула Леона и добавила: — Давай быстрее. До перехода осталось час сорок, а тебе еще добраться нужно.

Наверное, я так не бегала уже давно, зато Бэрри повеселилась. Я с моей черепашьей скоростью представлялась ей неповоротливой, но от этого не менее любимой двуногой, которая смешно переставляла ноги и задыхалась. Когда я оказалась в квартире, у меня здорово колело в боку, а лицо было цвета драконьей чешуи (в смысле чешуи тех драконов, которые обитали в пустошах в наших краях).

Я влетела в душ, вылетела оттуда, на ходу впихнула себя в «счастливый» костюм, в туфли, схватила пальто, которое для Мэйстона сейчас тоже будет очень в тему.

— Веди себя прилично, — сказала Бэрри на бегу. — Вечером вернусь — проверю.

Сегодня была другая смена вальцгардов, у которых я все время забывала спросить имена, но оно и к лучшему. Наверное, сейчас я при всем желании не смогла бы говорить, потому что под сумасшедшее биение сердца внутри рождалась адреналиновая дрожь. Очень похожая на ту, под которую я танцевала на перилах.

Для нас с Гроу открывали VIP-переход, и я уже примерно представляла, что мне скажут, когда увидят. И еще приблизительно

представляла, что скажу сама, но именно сейчас чувствовала, что поступаю правильно. Позади остались все страхи и неуверенность, и даже если он потом со мной не будет разговаривать две недели, без разницы.

— ...перекрыт. Опять митингуют.

Что?

Я вынырнула в реальность и обнаружила, что поперек аэромагистралей висит вереница полицейских флайсов, отгородивших сигнализирующие гражданские с растянутыми лозунгами: «Мы не хотим жить с драконами!» Толпу внизу было видно смазанным пятном.

— Придется возвращаться на обводную, — извиняющимся тоном произнес водитель.

— Как возвращаться?! — вырвалось у меня.

— Здесь не пройдем, — коротко объяснил вальцгард. — Очередная акция протеста, сейчас сюда никого не пускают.

Да дракона твоего за ногу!

— И нас не пустят?! — рявкнула я.

— И нас, — отозвался вальцгард. — Разворачиваемся.

Теперь уже мне оставалось только смотреть на смартфон, который неумолимо отсчитывал минуты. Их, этих минут, становилось все меньше, меньше и меньше.

«Успеем, — повторяла я про себя. — Успеем. Успеем».

— Нельзя задержать переход? — снова обратилась к вальцгарду. — Хотя бы на полчаса?

— VIP-переходы создаются в «карманах» свободного времени, эсса Ладэ. Все расписано поминутно, сбой одного нарушит весь график и создаст телепортационный коллапс.

Я скрипнула зубами и уставилась на дисплей, где часы продолжали отмерять время. Сражаясь с желанием набрать Гроу (зачем?!) и Леону, мысленно пинала флайс в направлении Зингспридского телепорта. Надо отдать должное, водитель сделал все, что в его силах: мы плюхнулись на стоянку за пятнадцать минут до отправления, и потом снова очень быстро бежали через все сканеры и переходы. Перед нужным нам VIP-залом молодой человек и девушка в форменных костюмах о чем-то негромко переговаривались.

— Нам. Туда, — запыхавшись, протянула документы, чтобы приложить их к сканеру, но заметила погасший экран.

Перехватив мой взгляд, девушка указала мне на голограмму времени, опережавшую часы на моем «Верте» на пять минут.

— Сожалею, эсса Ладэ. Переход только что был закрыт.

ГЛАВА 12

Даармарх, Огненные земли

— Теарин, я так волнуюсь! — Джеавир и правда выглядела очень встревоженной. Что неудивительно, потому что после приема Эсмиры, в очередной раз продемонстрировавшей силу своего огня и державшейся с величием уже состоявшейся правительницы, уверенность оставшихся претенденток основательно пошатнулась. Повезло только первым двум девушкам, подготовившим праздники до местари Сьевирр, остальные сейчас сходили с ума.

Что ни говори, а Эсмира умела привлечь внимание: на ее приеме выступали приглашенные артисты с огненным шоу. Не высотным, как было у нас с Эрганом, они жонглировали горящими предметами. Была официальная часть, обязательная для всех, она отводилась на встречу именитых гостей во дворце и общение с приближенными, которая прошла безупречно. Глядя на нее, стоящую рука об руку с Витхаром, я испытывала желание отвернуться, но не могла. Не при всех.

Был ужин, который Эсмира организовала по обычаям своего государства. Всем пришлось по нраву, расположившись в огромном, установленном под открытым небом шатре, пробовать традиционные надоржские блюда. Местари Сьевирр столь изящно привнесла в Даармарх надоржский колорит, что от праздника все остались в восторге, а несколько следующих приемов просто потерялись в разговорах о том, что сотворила Эсмира.

В завершение вечера она устроила шоу с драконами, которых создала при помощи собственного огня и которые привлекли настоящих. Уходили иртыханы взбудораженные силой объединенного пламени, которое билось и во мне, заставляя малыша внутри отзываться. Я с трудом удержала искры на ладонях, а вернувшись к себе, полночи провела в купальнях, пытаясь унять пламя ребенка и свое. То, что жгло сильнее запертого.

Чувство к Витхару.

Я не давала ему имени, потому что знала: когда назову, пути назад уже не будет. Потому что своего малыша я уже называла мысленно не раз и не два. Первым именем своего отца — Мэлнарр, а вторым — его, Картхан. Мэлнарр Картхан Даармархский, это имя ему шло. Действительно шло.

— У меня не получится сделать лучше, чем она. — Джеавир

вскочила. — Не получится переключить их внимание на себя.

— Тебе не нужно быть лучше, чем она, — заметила я. — Тебе нужно просто быть собой.

— Ну да, разумеется. — Джеавир сцепила руки. — Нас тут таких... девять. И, кажется, говорят, что после вчерашнего станет восемь.

Иртханесса, которая готовила вчерашний прием, очень разволновалась. Во время официальной части она едва произнесла слова приветствия, а в остальном постоянно смотрела на Витхара после каждой фразы. Словно ожидая его одобрения или неудовольствия, силясь понять, что он думает или чувствует. За ужином не проронила ни слова, хотя именно хозяйке вечера предстояло развлекать всех гостей, в итоге ужин получился скомканным и скучным.

Сегодня нам предстоял день перерыва, а завтра наступала очередь Джеавир.

— Возможно, и станет, но к тебе это никак не относится.

— Не понимаю, как ты можешь быть такой спокойной! — воскликнула она. — Сейчас, когда решается наша судьба.

На самом деле, если бы я позволила себе хотя бы на минутку расслабиться, справиться с чувствами уже не смогла бы.

— У меня нет другого выбора.

— Нет выбора?! Выбор есть всегда! — Джеавир судорожно вздохнула, потом огладила платье и опустилась на подушки рядом со мной, прижимая ладони к щекам. — Прости. Прости, пожалуйста, я не должна была... Просто для меня это очень важно. Моя семья столько лет была в опале, и этот прием... сейчас, когда все будут говорить о том, что мои родители были заговорщиками... Некоторые до сих пор в это верят, и это как клеймо, гораздо хуже, чем клеймо, которое нам с сестрой уже никогда не смыть. Завтра все они будут смотреть на меня.

Она закусил губу, и я легко коснулась ее руки.

— Послушай, Джеа. Ты же сама говорила, что участие в отборе уже само собой означает прощение.

— Прощение, но не искупление. Для всех я — дочь заговорщиков.

— А я — иртханесса без пламени, — напомнила я, и Джеавир глубоко вздохнула.

— Да. Поэтому ты меня понимаешь. Только ты и понимаешь... Я знаю, что не смогу подвинуть Эсмиру, но мне хотелось бы стать хотя бы второй. Мне это нужно, чтобы меня снова начали уважать. Чтобы моя сестра смогла найти себе достойного мужа и жить в любви и в достатке, а не в изгнании, как все эти годы.

Да, мы с ней действительно были похожи больше, чем я думала изначально. Джеавир делала все, чтобы защитить сестру, я — чтобы спасти брата. Вот только она оказалась умнее и не позволила себе любить того, кого любить опасно.

Любить.

Оглушенная тем, что допустила эту мысль, я на миг потерялась в ней, а когда пришла в себя, Джеавир внимательно на меня смотрела.

— Теа. Ты слушаешь?

— Нет. Прости, — призналась честно. — Я просто задумалась.

Задумалась — это еще слабо сказано.

— Я спрашивала, как идет твоя подготовка?

— Танцую. — Я улыбнулась.

Завершающим штрихом в моем выступлении должен был стать огненный танец, и Джеавир я об этом рассказала совершенно спокойно. За прошедшее время мы сблизилась еще больше, наверное, она стала для меня первой настоящей подругой. Той, кому я была готова доверить все. Ну или почти все.

О малыше не знал никто, кроме меня. Отказавшись от настойки, я пропустила два дня совместных обедов и ужинов, как мы и договаривались с Мэррис. Пусть считает, что задуманное я исполнила, так будет лучше для всех. Несколько раз она кидала на меня пристальные взгляды, словно оценивая, но я отражала их совершенно спокойно. Не позволяя перепадам настроения просочиться за двери моей спальни, а нездоровому аппетиту даже в свои покои, продолжала делать вид, что готовлюсь к следующему испытанию.

И я действительно готовилась.

Готовилась, потому что сейчас, когда мало-мальски взяла под контроль огонь своего сына, и мне уже один раз удалось приказать Дири, я начинала верить в то, что у меня все получится. Разумеется, если отбор не продлится слишком долго, дольше четырех месяцев. Но пока что я предпочитала верить в лучшее.

— А платье? Ты обещала мне показать платье! — воскликнула Джеавир.

Действительно обещала: вчера состоялась последняя примерка, и надо отметить, платье вышло роскошное. Золотое, с лифом-чешуей и летящей юбкой, не стесняющей движений и позволяющей исполнить любой танец.

— Разумеется. — Я поднялась, направляясь к шкафу, но едва успела распахнуть дверцы, как в покои влетели мои нэри. Запыхавшиеся, со сверкающими глазами.

— Что это значит? — холодно поинтересовалась я.

— Простите, местари, — выдохнула Лирхэн, прижимая ладони к пылающим щекам.

— Мы подумали, что вы должны знать. Это случилось полчаса назад, но уже весь дворец знает...

— Арестован хаальварн... тот, что светловолосый. На северянина похож, помните?

Мы с Джеавир переглянулись. Светловолосого хаальварна я помнила, он сопровождал нас еще в пути, когда Даармархский меня забрал, да и в целом внешность у него была запоминающаяся.

— Не понимаю. За что арестован?

— За покушение на Ибри. Ее вы помните?

— Наложница... — Лирхэн осеклась и поправилась: — Будущая мать первенца местара. Она упала с лестницы. Точнее, ей помогли упасть, тот самый хаальварн. Сейчас лекари делают все, чтобы спасти ее и ребенка.

Ибри повезло. То ли она родилась под счастливой звездой, то ли силы малыша Витхара, отчаянно цеплявшегося за жизнь, не позволили ей отправиться к праотцам. Как бы там ни было, только утром, услышав эту новость, я смогла вздохнуть спокойно. Не повезло хаальварну, исполнившему чей-то приказ: его даже не успели допросить. Яд, который он разжевал, убил его мгновенно.

В обед все еще белая, как снега Севера, Мэррис была непривычно молчалива для распорядительницы. Она даже забыла пожелать Джеавир удачи, попрощавшись с нами быстрее, чем того требовал этикет, и поспешила покинуть зал. Воспользовавшись тем, что на меня никто не смотрит (вздурораженные облетевшей дворец новостью девушки перешептывались, а Джеавир сама была белее мела и дважды за обедом перепутала приборы), я поднялась и последовала за Мэррис, жестом приказав нэри оставаться на месте.

Когда я оказалась у дверей, меня полоснуло огненным взглядом. Как плетью шаэррнар, с размаху, и я обернулась. Эсмира смотрела на меня в упор, в черных глазах тлели опасные угли. Я сполна вернула ей взгляд, тот, который видела у матери лишь однажды, когда к отцу на суд привели иртхана, совершившего насилие над девушкой, и вышла.

Распорядительница ходила быстро, но я догнала ее в анфиладе.

— Мэррис!

Она обернулась: резко, яростно, взметнув тонким летящим шлейфом, больше напоминавшим марево огня.

— Как она? — спросила негромко, приблизившись.

— Не стоит делать вид, что тебя это интересует. — В ее словах крошилось стекло. — Моя помощь тебя ни к чему не обязывает.

— Это верно, — холодно ответила я. — Возможно, именно поэтому мне ни к чему делать вид, что меня что-то интересует. Я спрашиваю, потому что действительно хочу знать.

Несколько мгновений она вглядывалась в мое лицо, а после произнесла:

— Уже лучше. Кровотечение удалось остановить, но восстанавливаться она будет долго. Ей больше нельзя ходить до самого рождения малыша, а первый месяц придется лежать с поднятыми ногами. Угроза по-прежнему существует, и если она нарушит... — Мэррис плотно сжала губы, потом продолжила: — ...предписание, может пострадать и сама и ребенок.

— Уверена, что этого не случится, — сказала я.

— Уверена? — Мэррис усмехнулась. — Ты в этом так уверена, Теарин?

В голосе ее сквозили боль, отчаяние и ярость.

— Я все время думаю о том, что было бы, если бы не появилась ты. От тебя одни неприятности, всю боль, которую сейчас испытывает Ибри, принесла с собой ты.

— Определенно, — отозвалась я. — И Сарра тоже пыталась убить я. Все это моих рук дело, правда, Мэррис?

— О нет, — сказала она. — Сама ты ничего не делаешь, ты даже не отдаешь приказы, но все беды, что случаются, происходят рядом с тобой. Ты никогда не обращала на это внимание?!

Несмотря на то что я могла понять ее боль, сейчас все внутри сжалось. От несправедливости ее слов и, возможно, от того, что отчасти она была права. Словно с той минуты, когда смерть моих родителей и тень крыльев Горрхата тьмой легли на Ильерру, часть этой тьмы передалась мне и шла за мной по пятам.

Усилием воли отмахнулась от этой мысли, стряхнула, как липкую паутину.

— Меня не было на той лестнице, — жестко сказала я. — Меня даже не было рядом с Ибри в последнее время, и мы обе это прекрасно знаем.

Мэррис горько усмехнулась.

— Она любит его, Теарин. Возможно, это прозвучит глупо и самонадеянно, но она действительно любит мастера, и этот ребенок был не только его выбором. Ибри шла на это осознанно, потому что мастер уделял ей внимание больше, чем кому бы то ни было. А потом появилась ты.

— Мэррис, это глупо, — сказала я.

— Глупо любить, это правда. Это самое глупое чувство в мире, но оно, увы, не подчиняется доводам разума. Хотя в твоём случае это не так, верно? Ни разу за все время, ни разу, даже когда местар увлекся тобой, Ибри не задумалась о том, чтобы убить свое дитя. Чтобы отказаться от него.

Я глубоко вздохнула, понимая, что сейчас бессмысленно ей что-то объяснять. Ибри по какой-то неведомой мне причине дорога Мэррис, и она слепа в своем отчаянии.

— Я хочу знать, удалось ли хоть что-то выяснить. Хоть что-то о тех, кто это сделал.

Эсмира осталась за дверями общего зала, но ее взгляд до сих пор пламенел на мне ожогом.

— Ничего. Исполнитель мертв, а те, кто хотел избавиться от моей девочки...

Мэррис осеклась, а я замерла. Ее глаза сверкнули, она развернулась и быстрым шагом направилась к выходу. Я же, вопреки всему, снова бросилась за ней. Теперь, чтобы ее остановить, пришлось перехватить распорядительницу за руку.

— Мэррис, ты...

— Она моя дочь, да, — тяжело дыша, Мэррис вырвалась и отступила на несколько шагов.

Дочь.

Небо!

Значит, когда Мэррис говорила о том, что сама была в такой ситуации... когда хотела избавиться от ребенка...

— Они общались с помощью магии. Толкнувший ее мерзавец и тот, кто за всем этим стоит. В его вещах нашли выгоревший перстень, который помогал им держать связь.

Связующая магия.

Впервые ее использовали шаманы-пустынники, положившие начало расе иртханов. Им приходилось уходить на большие расстояния, чтобы осваивать новые земли и строить города на поверхности, их сила была настолько велика, что они использовали воздушные потоки, чтобы слышать друг друга. Нет, говорить с Мэррис, как мы сейчас, они не могли, это была односторонняя связь, но чтобы передать информацию, ее вполне хватало.

Принцип работы, о котором мне рассказывал отец, заключался в том, что в какую-то вещь вкладывалась частица огня иртхана, совсем как в таэрран. Она работала круглосуточно, то есть все, что говорилось рядом с

насыщенной огнем вещью, передавалось тому, кто должен это услышать, достаточно было заранее договориться о времени сообщений. Поскольку в те времена все иртханы были очень сильны, эта связь какое-то время поддерживалась за счет мощи магии, а потом разрушалась. Либо ее разрушали нарочно.

— Удовлетворила свое любопытство, Теарин? — В голосе Мэррис снова звучала ярость.

— Я не желаю твоей дочери зла, — отрезала жестко. — И я ничем не заслужила твоей резкости.

— Ничем. Кроме того, что лишила ее радости будущего материнства, девяти месяцев счастья рядом с тем, кто стал ее жизнью.

— Не ты ли предупреждала меня быть осторожнее рядом с ней? — спросила, сложив на груди руки. — Когда я только появилась среди наложниц?

Лицо Мэррис исказилось, словно от боли.

— Я волновалась не за тебя. Ибри импульсивна и вполне способна наделать глупостей. — Она горько усмехнулась. — Но даже все, что я делаю, все, на что готова ради нее, не способно ее защитить.

Она быстро направилась к ближайшей арке и скрылась за ней, но на этот раз я догонять не стала. Еще некоторое время смотрела ей вслед, а потом развернулась и направилась к обеденному залу.

Туда, где меня дожидались нэри.

Приемы, на которых мы обязаны присутствовать и делать вид, что вместе с остальными подданными Даармарха веселимся и развлекаемся, стали обыденностью. Так же как фальшивые улыбки, которыми девушки награждают соперниц-претенденток, выходящих под руку с местаром. Я не улыбаюсь, потому что у меня нет ни сил, ни желания участвовать в этом фарсе.

Джеавир сказала, что хочет оказаться хотя бы второй, и сейчас, стоя рядом с Витхаром и приветствуя гостей одного за другим, она выглядит правительницей. Это не черное пламя Эсмиры, способное выжечь дотла и оставить одни лишь угли, это мягкая, но несокрушимая мощь уверенности в себе и своих силах. Еще в обед она сходила с ума от волнения, но сейчас собранна и на первый взгляд даже расслаблена.

Ее платье тоже роскошно: черное сверху, к подолу оно разогревается сквозь бронзу Даармарха до насыщенного темно-красного. Напоминая всем, что, несмотря на видимую мягкость, в этой женщине сокрыта глубокая сила пламени.

Мне надо радоваться за подругу, но я не могу. Кажется, что после

случившегося с Ибри и разговора с Мэррис, я пересекла какую-то невидимую черту, за которой не осталось сил притворяться и держаться. Я повторяю себе, что должна быть сильной ради себя и Сарра, ради моего будущего ребенка, но это больше не помогает. В голове постоянно крутятся слова распорядительницы о любви. О том, что мне неведомо это чувство.

К сожалению, она ошибается, потому что оно сейчас выжигает меня изнутри. Крушит все мои внутренние устои, все принципы и все табу. Там, где любовь, нет места условиям и причинам, нет места правилам или логике.

— Мам, ты любишь папу, потому что он сильный? — спросила я как-то.

— Разумеется, нет.

— А за что?

— Любят не за что-то, — говорит она, усаживая меня на колени. — А просто так.

— Просто так?

— Тебя я люблю просто за то, что ты у меня есть.

— А я думала, потому что я твоя дочка, — говорю серьезно.

Мама улыбается.

— Ты моя дочка, и я тебя люблю. Однажды мы с папой пригласили тебя в этот мир, и ты пришла.

Все это как-то странно и слишком сложно, поэтому я спрашиваю снова:

— Но если бы папа не был сильным, ты бы так же его любила?

— Все мы когда-то теряем силу, Теарин. Мы стареем, становимся немощными, любое, даже самое яркое пламя может угаснуть, но не любовь. Именно она дает нам силу, которую не может отнять никто.

Сейчас я в этом сомневаюсь, потому что никогда не чувствовала себя такой слабой. Никогда не испытывала столь сильного желания укрыться в руках Витхара и обо всем ему рассказать. Пусть даже потом отбор для меня закончится, но... пример Ибри стоит у меня перед глазами слишком отчетливо, чтобы я могла позволить себе эту маленькую слабость.

— Все это слишком утомительно, согласен. — Голос Флангеррманского возвращает меня в реальность. Когда он успел подойти? Я даже не заметила, рассматривая улыбку Джеавир, ее ладонь, лежащую на сгибе локтя Витхара. — Один прием за другим, мне уже начинает казаться, что я в увеселительном доме.

Эта встреча более чем неожиданна, во время приемов, которые устраивали предыдущие претендентки, Флангеррманский ко мне не

приближался, и сейчас не вижу смысла нарушать эту традицию.

Собираюсь отойти, но он делает шаг вперед, преграждая мне путь.

— Я хочу попросить прощения, Теарин. Я вел себя недостойно.

— Не будем возвращаться к этому разговору.

— И все же мне хотелось бы сказать это вам. — Ледяной пытается поймать мой взгляд, который я не отрываю от подруги. — Потому что после вашего приема я уезжаю.

— Уезжаете? — Теперь мне приходится на него посмотреть, и вовсе не потому, что этого требует этикет.

— Да, я собирался уехать сразу. — Янгеррд смотрит на меня. — Но решил дождаться вашего вечера. Уверен, вы приготовили нечто восхитительное.

— Не уверена, что вы не будете разочарованы. До меня у вас была прекрасная возможность восхититься несколько раз.

Северянин с трудом сдерживает смех.

— Уверен, что не буду, Теарин. Вы неповторимы.

— Мне нужно вернуть вам медальон.

— Не стоит. Я бы хотел, чтобы у вас осталась обо мне память.

Он говорит это совершенно спокойно, но меня всю потряхивает. Должно быть, все дело в моем положении, но зачем мне память о мужчине, который умеет извиняться? Который умеет просить прощения и признавать свою неправоту? Он смотрит на меня, а я на него, пытаюсь отыскать во льдах его глаз хоть тень издевки, и не нахожу. На миг в голову приходит сумасшедшая мысль — поговорить с ним о том, что случилось с Ибри.

Создать и разрушить связь, о которой рассказала Мэррис, мог только очень сильный иртвахан или иртваханесса. Эсмира могла. Наверное, могла и Хеллирия, но не уверена. Янгеррд... ему нет никакого дела до одной из наложниц. Думаю, вчера он впервые услышал ее имя.

Как бы там ни было, определить, кто это был, невозможно. Разрушение или выгорание означало, что слепка магии иртвахана на предмете не осталось. Кто бы это ни сделал, он явно был осторожнее нэри Ронхэн. Я думала об этом все время до начала приема и поняла, насколько устала от дворцовых интриг.

Мои родители погибли, преданные Горрхатом.

Мать Витхара убили за то, что она осмелилась стать иртваханессой. За то, что была слабостью его отца.

У власти дрянной привкус от потерь и боли, и об этом мне тоже хочется поговорить. Но не с кем.

Наверное.

— Расскажите, о чем вы думаете, Теарин?

— О том, что хочу танцевать.

Янгеррд снова смеется, и в эту минуту звонкий голос Джеавир взлетает над залом:

— Дорогие гости, прошу внимания! Сегодня я рада приветствовать вас всех в Аринте. — Она говорит уверенно, улыбка сияет. — Вместе с моим супругом.

О да. Это обязательно — говорить о себе как о состоявшейся правительнице, но я испытываю желание опрокинуть на голову Джеавир чашу с чем-нибудь липким. Вроде соуса из ягод вирры.

— Все вы знаете, что я родом из Кантеррмина. В наших краях часто бывают засухи. — Все смотрят на нее, и я в том числе. Нет, не на нее, на то, как пальцы Даармархского скользят по ее предплечью, невесомо, словно играючи, и это совершенно точно не включено в официальную часть. — Дожди у нас нечастые гости, но когда они приходят, кантеррминцы празднуют это событие. Надевают маски и яркие наряды, примеряя на себя самые разные роли, и танцуют под дождем. Наряды, разумеется, на вас останутся ваши...

Последние ее слова встречают смехом.

— Но в остальном наш сегодняшний вечер будет похож на тот, когда мы встречаем дождь. Каждый из вас получит маску и...

Янгеррд приподнимает брови.

— Хотели танцевать, Теарин? Сегодня у вас будет такая возможность.

Это правда. И, пожалуй, единственная возможность для претенденток танцевать с кем-то еще, кроме местара. Джеавир мне уже рассказывала о кантеррминских карнавалах, безудержном веселье и плясках до упаду. Она говорила и о масках, которые раздадут гостям, вот только забыла добавить, что тоже хочет включить в программу танцы. Возможно, боялась, что я стану возражать из-за своего вечера, но они похожи разве что словом «танцы».

Джеавир замолкает, и гости встречают ее слова овацией, лицо иртеханессы сияет, особенно когда Даармархский подносит ее пальцы к губам и целует.

— Вы подарите мне хотя бы один танец? — неожиданно спрашивает ледяной.

— Я подарю вам все. — Обещание срывается с губ раньше, чем я успеваю его осознать.

Глаза Янгеррда на миг темнеют от заливающей их синевы пламени, а потом снова становятся светлыми.

— Ловлю на слове, — говорит он, легко касаясь пальцами моих.

Почти незаметно.

В ту же минуту меня обжигает знакомым пламенем, и я снова смотрю в сторону главной пары вечера. Сейчас Витхар тоже смотрит на меня, в глазах его темный огонь.

Темнее самой черной ночи.

Не в силах выносить этот взгляд, отвернулась. Наверное, впервые за все время нашего знакомства просто отвернулась, скрывая собственные чувства. Возможно, потому, что раньше этих чувств не было, а может быть, просто потому, что устала. Устала быть для него той, кого он называет своей, но кого своей никогда не сделает.

Гостям раздали маски, и мы направились в «Сердце Аринты». Джеавир выбрала этот парк для проведения своего приема, поэтому на огромной площадке, «застеленной» коротко подстриженной травой, уже расставили столы и стулья, а чуть поодаль — шатры для желающих отдохнуть. Столы пока пустовали, но за время наших развлечений и танцев их накроют, пока же гостям предстояло небольшое представление.

Стоило всем занять свои места, как в парке появились актеры. Нас ожидало кантеррминское шоу, когда на сцене разыгрывается сюжет, а все исполнители в масках. О самом представлении я знала, но вот о чем оно будет — нет, Джеавир хотела сохранить эту тайну, чтобы мне тоже было интересно смотреть.

Глядя на собравшихся, я видела, что им нравится происходящее. Организовано все было на высшем уровне: бесчисленные столы были расставлены вокруг «сцены», то есть пространства, где актерам сейчас предстояло выступать, а после — нам танцевать. Окруженные зеленью со всех сторон, в ее тени и свежести, укрытые от падающего все ниже беспощадного солнца гости сейчас находились в самом центре «Сердца Аринты». Парк был без преувеличения огромен, но мы словно оказались замкнуты в иллюзорном мире.

Или в Кантеррмине.

То, что речь пойдет о Кантеррмине, я поняла, когда вперед выступили две девочки-актрисы. И те, кому предстояло исполнять роли их родителей.

Претендентки во время приемов должны были сидеть рядом (не считая хозяйки праздника, разумеется), поэтому с одной стороны от меня оказалась Мэррис, с другой — Эмира. Лучшей компании и представить было сложно, я бы с большим удовольствием отгородилась от них нэри, но согласно этикету нэри сидели отдельно от нас справа.

— Что это?! — раздался негромкий шепот одной из девушек, когда

малышек и родителей «хаальварны» растащили в разные стороны.

— История жизни местари Риассы. — Голос Эмиры прозвучал высокомерно-снисходительно. — Кажется, она вдохновилась примером одной из нас. Чрезмерной откровенности.

Одна из девушек хихикнула, а Мэррис, обычно пресекающая любые намеки такого рода, на этот раз промолчала. Я же, не отрываясь, смотрела на сцену. Актеры играли потрясающе, и когда девочек клеймили, все присутствующие ахнули. Когда казнили родителей, я опустила глаза, рассматривая собственные руки. Сцепленные пальцы чуть подрагивали, внутри меня тоже рождалась дрожь.

Я понимала, что нужно поднять голову, но сделать этого не могла. Смерть родителей, которую Джеавир с сестрой приходилось переживать в заточении и изгнании, будучи всеми отвергнутыми, ударила в самое сердце. Я думала, что мне удалось это отпустить, что наш с Сарром побег и все, что было после, осталось в прошлом, но сейчас задыхалась от непролитых слез. Сидя с каменным лицом, под трескающейся маской которого полыхал огонь, отдаваясь в пальцы, для всех я была спокойна.

Никто, взглянувший на меня, не смог бы сказать, что внутри я кричу.

Когда повзрослевшую Джеавир предал возлюбленный, сказав, что не сможет связать свою жизнь с той, что носит на теле клеймо, с той, чьи родные выступали на стороне заговорщиков, среди ир்தханесс раздались сдавленные всхлипы.

Даже справа от меня кто-то из девушек-претенденток судорожно вздохнул. По силе бьющего над парком общего огня я чувствовала нарастающее напряжение, поэтому посмотрела на подругу.

На ней тоже была маска, такая же, как на мне. Не та, что мы «пристегнули» к платью в ожидании танцев, а та, которую и я и Джеавир надевали каждый день.

Я «вернулась» на сцену как раз в ту минуту, когда Витхар (точнее, актер, исполнявший его роль) пригласил Джеавир принять участие в отборе, чтобы восстановить честь рода.

После того как последние слова в представлении были сказаны, над парком повисла тишина. Которая, впрочем, продлилась недолго: грохот оаций взметнул пламя, и ир்தханы начали подниматься со своих мест. Джеавир и Витхар тоже встали, рука об руку, а вслед за ними и мы.

— Судя по всему, эмоциональное обнажение сейчас в цене, — бросила Эмира.

Она, кажется, была одной из немногих, кто не хлопал. Мэррис тоже.

— Искренность всегда в цене, — ответила я, спокойно встречая

темное пламя ее взгляда. — Но вам этого не понять.

Огонь в глубине ее глаз полыхнул так, что одна из претенденток испуганно отступила. Я же отвернулась: представление закончилось, поэтому находиться рядом с Эсмирой больше причин не было (по крайней мере, до ужина, на котором все снова соберутся за столами).

Когда гости надели маски, выполненные в цветах Даармарха, в бронзе и в черном, начались танцы с общей круговой пляски, которая потом змейкой перетекла по открытому пространству на дорожки, запестрела между деревьев. Когда музыканты заиграли плавную мелодию, змейка распалась, на смену ей пришли танцующие пары. Первыми, разумеется, в центр шагнули Витхар и Джеавир.

Я не успела «насладиться» зрелищем их соединенных ладоней, потому что ко мне приблизился Янгеррд.

— Что ж, самое страшное мы уже пережили, — сказал он, касаясь моей руки.

— Как по мне, самое страшное — это ужин.

Он слишком долгий.

— Здешние повара готовят неплохо. — Ледяной улыбнулся.

Мы разошлись, чтобы сойтись снова.

— Всего лишь неплохо?

— Да, я предпочитаю нашу кухню.

— Думаю, для вас приготовят все, что вы пожелаете.

Снова прикосновение рук, и в ладонь ударили искры льда.

— Мне было интересно почувствовать местные традиции.

В этом танце мы почти не касались друг друга, только короткая встреча пальцев — и снова расстояние.

— И как они вам?

— Варварские, — заметил Янгеррд, уходя в сторону и позволяя мне шагнуть вперед в танце. — На Севере любая женщина сочтет отбор оскорблением.

— Не только на Севере.

Слова вырвались сами собой, но я о них не жалела. Столько держать все в себе и получить возможность сказать прямо — это оказалось более чем приятно.

— Уверен, что не только, — серьезно ответил Янгеррд, глядя мне в глаза. — Хочешь поехать со мной, Теарин?

Я ничем не выдавала своих чувств. Хотя на миг (только на миг) представив себе безграничную и абсолютную свободу, которой я наслаждаюсь, захотела сказать «да». Вот только я не первый день на свете

живу, а Янгеррд меньше всех похож на того, кто делает что-то просто так.

Вопрос только в том, зачем это ему.

— Зачем ты здесь? — Предпочитает видимость сближения, пусть будет так.

— Спрашиваешь об истинной цели моего визита?

Мы снова поменялись местами, на этот раз задержав ладони чуть подольше. Таков уж этот танец: чем ближе к завершению, тем дольше прикосновения. Тем опаснее, если ты равнодушен к тому, с кем танцуешь.

— Да.

На нас все смотрели. Внимание, которое сегодня должно быть полностью обращено на Витхара и Джеавир, утекало к нам. И неудивительно, я была единственной претенденткой, осмелившейся танцевать с правителем Флангеррмана.

— Я должен был жениться на Хеллирии.

Вот даже как.

— И что тебя остановило?

Снова смена мест, круг, рука к руке. И прямой взгляд в глаза.

— Мы с ней совершенно разные.

— Неужели?

— Понимаю, что ты не готова мне довериться, Теарин. — Ледяной не отвел взгляда. — Мы с Хеллирией с детства знали, что придет время, когда мы должны будем стать мужем и женой. Ей предстояло вернуться туда, где обрела свою силу ее мать, но время, проведенное здесь, показало, что это лишено смысла.

— И она, разумеется, согласна с твоим решением?

— А это имеет значение? — Янгеррд приподнял бровь. — Если один в паре считает отношения бессмысленными, другой ничего не сможет поделать.

Музыка набирала силу, и сейчас нам приходилось расходиться и сближаться до неприличия. До той самой грани, когда дыхание другого касается обнаженных участков кожи.

Лишь на миг мне удалось перехватить полыхающий яростью взгляд Витхара, который обжег меня всю, но танец тут же словно рухнул между нами завесой: мельтешением, движением, огнями иртеханов, парами, разделяющими нас. Хотя гораздо больше нас разделял отбор и ладонь Джеавир, касающаяся руки дракона.

Янгеррд молчал, и я не проронила ни слова, обратив все внимание на танец.

На череду плавных ускоряющихся движений, которые знала с детства.

Зачем правителю Севера носительница алого огня? Вопрос, на который у него наверняка готов ответ, но правды я все равно не узнаю. По крайней мере, до той минуты, пока не окажусь во Флангеррмане.

— У тебя есть время до вечера последнего приема, — произнес он на выдохе в кружении, от которого мир разлетался калейдоскопом танцующих пар и снова собирался в картину, которая мешала мыслить здраво. Джеавир и Витхар, чьи пальцы сейчас были сплетены, и взгляд, который подруга не отводила от его лица. — До вечера твоего приема, Теарин. Если захочешь уйти со мной, верни мне медальон.

Уйти с ним. Не представляю, зачем ему рушить мир, который их с Витхаром предки создали с таким трудом. Север и Огненные земли разделяет океан, но для сильнейших драконов это не преграда. Витхар не простит Флангеррману меня, а я не хочу становиться причиной войны. Не хочу покупать себе свободу такой ценой.

Тем более что моя родина здесь.

Здесь моя Ильерра, и я найду возможность ее освободить. Рано или поздно.

Музыка раскрывалась, как ночной цветок, заставляя сердце биться чаще, и в последний момент, когда наши пальцы сплелись, ладонь ледяного легла мне на талию.

— Ваш медальон останется у меня, — выдохнула еле слышно в звенящую тишину.

А потом разомкнула пальцы, как и прямой взгляд, после чего направилась сквозь пьяную от бурлящего огня и эмоций толпу. По дорожкам, уводящим все дальше от веселья, от звенящих голосов, музыки и шуршания платьев. Сейчас мне надо было немного побыть одной, привести чувства (которые меня охватывали при виде Джеавир и Витхара) в порядок, а заодно унять покалывающее пальцы пламя.

— Это слишком для тебя, правда, малыш? — спросила, сосредоточившись на том, кого увижу еще не скоро. — Поверь, для меня это тоже слишком.

Здесь не было никого, и, возможно, именно поэтому сейчас дышалось легче. Далеко уходить я не собиралась, но недолгую прогулку позволить себе могла. Прислушиваясь к шуму листьев под легкими порывами не приносящего облегчения в вечернем зное ветра, просто шла. Глядя, как сгущаются сумерки, как закрываются цветы, чтобы заснуть до утра, слушала шум океана и думала о том, каково это: снова стать свободной.

Стоять у схождения трех рек в Ильерре, ощущая звенящую силу воды

и свежесть.

Дышать полной грудью.

Чувствовать свой огонь. Свое пламя, собирающееся в ладонях.

На миг представилось, как я поднимаюсь на стены родного замка и что рядом со мной Витхар. Я держу на руках нашего малыша, и мы вместе смотрим на драконов, парящих над пустошами.

Резко развернувшись, свернула с дорожки: обратно решила возвращаться другим путем. Тем более что мечты, не имеющие с реальностью ничего общего, лучше пресекать сразу. В самом лучшем случае они просто отдалают тебя от той жизни, которая идет здесь и сейчас. В худшем еще и опасны, и мой случай — как раз такой.

Назад я шла гораздо быстрее. Возможно, именно поэтому не заметила увлекшуюся друг другом парочку сразу, а когда заметила...

Скользя ладонями по изгибам тела, подчеркнутым струящейся тканью платья, Витхар впивался в губы Джеавир яростным поцелуем. Подруга отвечала, льнула к нему, вцепившись пальцами в сильные плечи. Повторяя их страсть, отзываясь на нее, как дракон на призыв, над ними клубился огонь.

Мне показалось, что я снова падаю в пропасть, только подхватить меня больше некому.

Попятившись, зажимая руками рот, чтобы не выдать себя даже судорожным вздохом, я развернулась и тенью метнулась в сторону. Бежала, не разбирая дороги, к дальнему выходу из парка. Чувствуя, как бешено колотится сердце, нырнула в коридор-переход, а дальше...

Дальше, кажется, все попадающиеся мне навстречу слуги, хаальварны и стражники просто расступались. Сколько их было, не знаю, я не помнила лиц и ничего не замечала. Просто бежала до тех пор, пока не влетела в свои покои, с треском захлопнув дверь. В груди полыхало так, что было нечем дышать, удавка таэрран обжигала раскаленным железом.

Чувствуя, как внутри разгорается мое-чужое пламя, метнулась к купальням, но не успела. С ладоней сорвался пылающий вихрь, ударив в ковры, и я отпрянула. В лицо дышало жаром, искры сыпались с пальцев, оставляя подпалины там, куда еще не добрался пожирающий обстановку огонь.

— Теарин!

Резкий крик заставил меня обернуться: в дверях стояла Мэррис.

ГЛАВА 13

Мне всегда казалось, что наш препод по физподготовке — зверь. В общем, долгих лет ему жизни, потому что исключительно благодаря ему я не заработала одышку и в боку у меня не кололо, когда я вылетела с общего телепортационного рейса Зингсприд-Мэйстон и добежала до ожидающего нас на ВИП-парковке флайса. Леоны в нем, разумеется, не было, потому что до заседания оставалось всего полчаса, зато когда открылась рядом с водителем соседняя дверь, я слегка очешуела и даже чуть не споткнулась.

— Тергран?! — ахнула я.

— Привет, Танни.

Вальцгарды, кажется, тоже слегка очешуели, но проникнуться этим состоянием им не дали. Равно как и мне.

— Поговорим в машине, — невозмутимо сообщил ир்தхан, после чего поставил на крышу мигалку.

Я предпочла промолчать, потому что выразительное «а-а-а», «ы-ы-ы» в разговоре с этим мужчиной казалось мне несолидным.

Не дожидаясь повторного приглашения, нырнула на заднее сиденье, оказавшись привычно зажатой между вальцгардами. Тергран сел на переднее сиденье, и флайс мгновенно взмыл ввысь.

— Спорим, ты еще не летала с мигалками? — поинтересовался он, обернувшись.

— Не буду я спорить, — фыркнула, пытаюсь собрать в сознании пазл, который никак не желал складываться. — Я никогда не летала на машине с мигалками.

— Отлично, — невозмутимо сообщил он. — Значит, сегодня у тебя первый раз.

Ы-ы-ы.

Справившись со своим «ы-ы-ы» и очешуением, я уставилась на него через зеркало заднего вида. Вот так собираешься в Мэйстон на заседание и не знаешь, что встречать тебя будет лично Дармин Тергран, начальник службы безопасности Председателя, с которым у нас своя история. Когда было совершено покушение на Леону и в него, тогда еще просто капитана, в упор стрелял напарник-предатель, я спасла ему жизнь. Мы с Марром дотащили Терграна до парковки, где я угнала флайс. А когда он поправился, лично пришел ко мне и подарил... твоего ж дракона, букет цветов!

Когда Рихт притащил мне букет, я даже об этом не вспомнила.

Потому что в общем-то это была всего лишь благодарность. А может, потому что мне тогда было не до цветов. Словом, как-то я напрочь забыла про эти цветы, а сейчас вспомнила.

Почему-то.

— Слушай, — сказала я, чуть подавшись вперед. Благо в этих председательских флайсах места предостаточно. — А ты разве не должен сейчас рядом с Рэйнаром быть?

— Вообще-то нет. Я подал в отставку.

Ох и странный у нас получался разговор. Странный и простой, учитывая, что мы общались два раза в жизни. Впрочем, первый даже нельзя назвать полноценным, потому что по большей части Тергран был без сознания, а второй состоял из пятиминутного диалога, когда я больше смущалась, чем говорила. На самом деле мне всегда казалось, что смутить меня достаточно сложно, но когда в моих дверях нарисовался широкоплечий ир்தхан ростом под два метра, темноволосый и со стальными глазами, впечатляющая такая гора...

Мне вот чисто теоретически интересно, как я его тогда дотащила? Понятно, что мне помогал Марр, виары вообще выносливые создания, но... в общем, ой.

— Не волнуйся, Танни. Мы успеваем, — произнес он, видимо, истолковав мое зависание по-своему.

— Еще бы. С мигалкой-то.

— Вот именно.

— Я не волнуюсь.

И ведь не соврала даже, потому что если за время ожидания общего рейса телепорта чуть не поседела, то сейчас напрочь выпала из реальности.

— Это хорошо.

Невозмутимости своей Тергран не утратил, а цепкий холодный взгляд, свойственный многим представителям его профессии, сейчас был устремлен сквозь лобовое стекло. Мне же самой смотреть на Мэйстон, в котором я прожила столько лет, сейчас было странно. Вроде и времени после переезда прошло всего ничего, но я чувствовала, насколько соскучилась. По разбросанным островам, по перекинутым над Гельерским заливом мостам... вообще по всему.

Ностальгия, чтоб мне дракон ногу отгрыз.

— Местра Халлоран уже объяснила тебе порядок заседания, — произнес Тергран. — Сначала будет слушание по делу Джермана Гроу, потом — решение по местрель Ярлис. Только когда все закончится, ты

попросишь слово.

— Да, я помню, — пробормотала я, как-то резко ухнув из мыслей о знакомстве с Терграном и ностальгии в жестокую реальность. — Они все там будут?

— До единого.

— Ох ты ж...

— А говорила, не волнуешься.

Судя по физиономиям вальцгардов, они уже смирились с тем, что мы с Терграном общаемся, как старые знакомые. Признаюсь, я в глубине души даже до конца не осознала эту мысль, судя по всему, исключительно из-за заседания.

— Ну, разве что самую малость.

— Они не кусаются.

Если бы еще Гроу не захотел откусить мне голову, когда меня увидит. На этой мысли маленькая Танни начала бегать по салону флайса с воплями: «Выпустите меня отсюда», и я была близка к тому, чтобы к ней присоединиться. Пришлось в срочном порядке брать себя в руки, глубоко дышать и всячески медитировать, пока у меня не случился сердечный приступ.

Он же поймет меня? Должен понять. Почему я так поступаю.

— Почти приехали.

Мигалка творит чудеса: в этом я убедилась на собственном опыте. Во-первых, когда она крутится у тебя на крыше, можно нарушать правила и гонять с немислимой скоростью. Во-вторых, те немногочисленные преграды (за последнее время на верхней магистрали транспорта стало побольше), которые возникают у тебя на пути, с него убираются сами собой.

Здание Совета напоминало собой купол или вкопанный в землю шар, череда вьющихся вокруг него флайсов издавала казалась насекомыми, которые слетаются на огромную лампу. Уже не очень холодное, но еще недостаточно греющее солнце золотило верхушки высоток и маяк Лаувайс. Мы сошли с центральной магистрали и, поскольку дорогу нам уступали все, уже через пять минут садились на парковку.

К тому моменту, когда дверца пошла ввысь, я действительно готова была бегать по потолку, поэтому на негнущихся ногах и сплющенной попе подъехала к выходу следом за вышедшим вальцгардом.

— Пойдем.

Спасибо Терграну, протянувшему руку: он выдернул меня из флайса, как дракон застрявшего в камнях детеныша. Резко и сильно, такой же

сильной была его ладонь, сейчас сжимающая мою. Сквозь это нерушимое прикосновение в меня словно втекала уверенность, и я едва удержалась от того, чтобы оставить руку в его. К счастью, удержалась.

В лицо ударил ледяной ветер (привет, родная Гельера), мигом проморозивший до костей, я плотнее запахнула пальто и, сунув коченеющие пальцы в карманы, сказала:

— Пойдем.

Помню, как психовала Леона, когда впервые собиралась сюда. Тогда между Рэйнармом и одним гадом должен был состояться поединок силы, сейчас же здесь на пять лет решится судьба мужчины, которого я люблю. Возможно, именно поэтому я чувствовала, как мои глаза увеличиваются в размерах с каждым шагом. Вот просто раскрываются на пределе сил.

— Танни, у тебя все получится.

— Да, я знаю.

— Отпусти сумочку.

Я хотела поинтересоваться, с какой радости он мной командует, но судорожно сжатые пальцы все-таки разжала.

— Иртыханы признают силу, запомни это. Не показывай свою неуверенность, веди себя так, как будто ты одна из нас, — сказал Тергран, пропуская меня вперед.

Несмотря на то, с кем я была, встречали нас сканерами, металлодетекторами и таким ультрасовременным оборудованием, как будто я была шпионкой международного уровня. На входе и мне и Терграну нацепили браслеты-датчики, как выяснилось, для отслеживания состояния здоровья. То есть если я вздумаю хлопнуться в обморок, меня тут же откачают. Помимо прочего, в этом браслете был еще навигатор по зданию Совета на случай, если вздумаю заблудиться.

Пальто у меня забрали, сумочку вернули, после чего мы с Терграном продолжили путь. Вальцгарды за нами не пошли, видимо, на этот счет им успели выдать особые указания.

— Круто здесь, — сказала я, оглядываясь по сторонам.

Снаружи здание Совета впечатляло, а внутри и подавно.

Мы вышли под купол, сквозь который со всех сторон лилось солнце, уровни-этажи, сужались по мере их приближения к его центру, металлические перила сверкали.

— Купол можно затемнить, — сообщил Тергран, — но обычно днем этого не делают.

— Почему?

Не останавливаясь, он кивнул вниз, и у меня натурально отвисла

челюсть. За круглым столом собрались иртыханы, судя по одежде, — эпохи Ильеррской, а один из них совершал оборот. Под светом солнца мозаичная фреска играла такими красками, что, казалось, новообращенный дракон выдыхает пламя.

Мы уже прошли, а это пламя все еще горело перед глазами.

— Представь, что ты Ильеррская.

— А? — Это оказалось настолько неожиданно, что я чуть не шагнула в стену мимо раскрывшихся дверей лифта.

— Представь, что ты Ильеррская, — повторил иртыхан. — Ты же не раз и не два входила в роль.

— Ты откуда знаешь? — Я подавила желание снова вцепиться в сумочку.

— Местра Халлоран однажды излишне эмоционально выразилась по этому поводу.

Да уж, в самом начале Леона явно была против моей карьеры актрисы. Впрочем, это не карьера даже, так, одна роль.

Роль, которая давно стала для меня больше, чем ролью. Если честно, последние записи в архиве (этих событий тоже не было в сценарии) вызвали у меня желание как следует пнуть Даармархского между ног. Не знаю, почему Теарин этого не сделала, думаю, ей бы полегчало. В глубине души я понимала, что безнаказанно бить коленом в пах даже сейчас никого нельзя, но справиться с этим чувством не могла. Думаю, если бы не предстоящее заседание, оно было бы еще сильнее.

Как ни странно, мысли о Теарин вытянули из меня невроз вместе с дрожью во всех частях тела. Я расправила плечи и из открывшихся дверей лифта шагнула уже совершенно спокойно.

Здесь было до чешуи охраны.

Вальцгарды выстроились вдоль стен чуть ли не на каждом метре, но сейчас я, как ни странно, уже не боялась всех собравшихся в зале. Единственный, кто мог пошатнуть мою уверенность, — Гроу, но чтобы не думать еще и об этом, читай о его реакции на мое появление, я считала шаги.

Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять...

Четыре.

Три.

Два.

Один.

Зал для судебных заседаний выглядел, как... зал для судебных заседаний. Просторная светлая комната, в которую через окно (то есть

часть купола) вливался солнечный свет. В центре — полукруглый стол, за которым собрались все правящие. Рэйнар, разумеется, сидел во главе. Справа располагались ряды для тех, по чьим делам предстояло огласить окончательные решения. Слева — для свидетелей и родственников подсудимых. Я увидела Мирис, мою бывшую ассистентку, которой Мелора промыла мозги и здорово подставила... бы. Если бы не Гроу.

Кстати, о Гроу...

Где он?!

И где Леона?

Я еще раз обвела взглядом собравшихся, не сказать, чтобы их было много: Мелора, например, сидела справа, прямая, как палка, и неестественно бледная. Ее отец стоял рядом со своим местом, у стола правящих.

— Да. Понял. — Тергран коснулся гарнитуры раньше, чем я успела задать ему вопрос. — Танни, я тебя оставляю. Местра Халлоран сейчас подойдет.

Леона появилась раньше, чем он успел выйти: раздраженная, глаза прищурены.

— Привет, — сказала она, коснувшись моего локтя и отводя меня в сторону.

— Две минуты до начала! — озвучил секретарь, сидевший отдельно неподалеку от стола правящих.

Пол разошелся, между рядами стульев и местами главных ирлханов Аронгары выехал небольшой подиум.

— Где Гроу? — шепотом спросила я.

— Набл. Его. Знает.

Сказать, что это было неожиданно — значит, ничего не сказать.

— То есть как?!

— То есть так. Он вышел из здания телепорта, вырубил мобильный и исчез.

— Нет, — сказала я. — Нет. Не может быть.

— Минута до начала.

Леона глубоко вздохнула.

— Что ему грозит за опоздание? — выдохнула я, уже понимая, что ничего хорошего.

— За неуважение к Совету, ты хочешь сказать? — Судя по очень спокойному тону, моя сестра была в ярости.

— Заждались?

Голос Гроу взорвал зал. То есть да, появиться эффектно он умел всегда,

но сейчас все без преувеличения уставились на него. Растрепанные волосы, взгляд шальной, и в целом он выглядел так, словно не на заседание явился, а на вечеринку в ночной клуб. Леона снова выругалась: еле слышно, но сам факт! Сухой приказ Рэйнара разорвал тишину:

— Прошу всех занять свои места и отключить мобильные телефоны. Вальцгарды, на позиции.

Рэйнар что-то еще сказал, но я не услышала.

Потому что в этот момент Гроу посмотрел на меня.

От того, как он на меня посмотрел, я на миг забыла не только о том, что я вроде как Ильеррская, но еще и о том, что мне двадцать шесть лет. Может, забыла бы и о том, как меня зовут, но в это время Рэйнар повторил:

— Прошу всех занять свои места.

Повторил так, что по комнате прокатилась волна его силы. Когда Теарин говорила, что чувствует огонь Даармархского, должно быть, это было именно так: сильно, подавляюще, властно. Гроу прищурился и тут же переключился на Рэйнара, а мимо меня прошел, как мимо стула.

Кстати, о стульях.

Я дошла до своего, стараясь убедить себя в том, что поступила правильно, но все равно раз за разом в воспоминаниях натыкалась на резкость черт лица и темнеющий взгляд, который появлялся у Гроу, когда он злился. Я бы сказала, в такие моменты он здорово напоминал своего отца.

— Заседание объявляю открытым, — произнес Рэйнар. — Напоминаю, что сегодня нам предстоит принять окончательное решение по делу местрель Ярлис, использовавшей свои способности, чтобы подчинить эссу Мирис Хайм с целью убийства Танны Ладэ.

Мелора не пошевелилась, у меня было такое чувство, что она вообще не двигалась, по крайней мере с той минуты, что я вошла в зал. Что касается Гроу, он сидел через два места от нее, вытянув ноги, как любил делать в своем режиссерском кресле. Чтобы взглянуть на меня, ему достаточно было просто повернуть голову: разделяли нас несколько метров и подиум перед столом правящих.

«Посмотри на меня, — подумала я. — Пожалуйста. Посмотри».

Но он не смотрел.

— Второе решение касается ферна Гранхарсена, воспользовавшегося ментальной магией с целью...

— ...спасения меня. — В моих ушах мой еле слышный шепот перекрыл даже грохот моего сердца и слова Рэйнара. Разумеется, кроме меня, никто его не услышал, а я взглянула на Мирис. Видно было, что она

чувствует себя очень неуютно, особенно сидя рядом со мной.

Что касается меня, со стороны я, наверное, выглядела совершенно спокойной, но вряд ли Мирис могла представить, насколько сейчас неуютно мне. Было бы проще, если бы рядом была Леона, но ее не было. Я знала, что так будет, она заранее меня предупредила, что на заседании присутствовать не сможет, потому что здесь не должно быть посторонних, только непосредственные участники событий. Свидетелем как таковым она не являлась, а быть женой Председателя, оказывается, недостаточно для того, чтобы присутствовать на процессе. То есть находиться здесь она, конечно, могла, но выглядело бы это так, что ее протащили благодаря Рэйнару в группу поддержки.

Непонятно только кого.

Да уж, суровые у ир்தханов законы.

— У вас было достаточно времени, чтобы изучить все обстоятельства и свидетельские показания, — продолжал Рэйнар. — Поэтому нам осталось только принять решение. Сейчас мы пригласим обвиняемых, если им есть что сказать, перед тем, как будет вынесен приговор.

Я снова взглянула на Гроу, но он сидел с таким видом, словно ему невероятно скучно и просто хочется, чтобы все это побыстрее закончилось. Я старалась вспомнить слова Леоны, которые она мне говорила, пока мы с Бэрри скакали в парке. О том, что он одиночка. О том, что не привык полагаться на кого бы то ни было, о том, что для него это не имеет никакого значения.

Разве может таэрран не иметь никакого значения?!

— Прежде чем мы начнем, я бы хотел обратить ваше внимание на то, что сегодня на заседании присутствуют эсса Ладэ и эсса Хайм.

После этих слов Мирис сжалась, и я понимаю почему: взгляды ир்தханов сейчас вонзались в нас огненными стрелами. Давящими, пригвождающими к стульям.

— Они приглашены как пострадавшая сторона, чтобы иметь возможность наблюдать за правосудием.

Судя по тому, как побелела Мирис, она явно была не в восторге от такой возможности. Я же задумалась о том, что это и в самом деле нонсенс: раньше ир்தханы никогда не подпускали людей так близко к себе, не говоря уже о дозволении присутствовать на закрытом заседании.

— Эсса Ладэ, эсса Хайм, как пострадавшие от действий ир்தханов, вы имеете право на материальную компенсацию, размеры которой вам будут озвучены чуть позже.

Я перехватила, пожалуй, даже в чем-то дружелюбный взгляд и поняла,

что смотрю на брата Леоны. На задворках сознания мелькнула мысль, что именно ему предстоит надеть таэрран на Гроу в случае, если у меня ничего не получится, но я ее отбросила. Рыжеволосый иртехан ободряюще мне улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Вспомнив Ильеррскую, еще и плечи расправила, возвращая остальным их превосходство. Не знаю, прониклись они или нет, но отец Мелоры смотрел на меня так, будто это я хотела сбросить его дочь с балкона.

— Перейдем к выступлениям обвиняемых. Ферн Гранхарсен, у вас есть что сказать?

— Нет.

Нет?! Чешую тебе под хвост, ты сдурел?!

Расскажи им о том, как ты вытацил меня с помощью магии, как поймал в каких-то считанных метрах над землей!

— Местрель Ярлис?

— Да. — Голос Мелоры звучал хрипло. — Да, мне есть что сказать.

Я подавила желание отвернуться и еще больше выпрямилась, когда она вышла на подиум. Одетая местрель Ярлис была, как всегда, стильно, тем не менее от присутствующей ей лоска остались одни воспоминания. Волосы, обычно красиво уложенные, были стянуты в аккуратный хвост, а платье, строгое и прямое, серебристо-стального цвета больше выглядело деловым, чем роскошным.

— Я совершила ошибку, — сказала Мелора.

Она стояла так, чтобы видеть и нас и правящих, только Гроу оказался у нее за спиной.

— Ошибку, которой нет оправдания. Сейчас я хотела бы попросить прощения у вас. — Она повернулась к правящим. — За то, что таким поступком бросила тень на репутацию нашего общества. И у вас.

Она повернулась к нам.

В то, что Мелора раскаялась, верилось с трудом: наверняка адвокаты ее папочки написали эту речь сразу после того, как Гроу вытянул из Мирис признание. А все оставшееся время местрель Ярлис, даром что актриса, ее репетировала.

— Мирис, я прошу прощения за то, что манипулировала тобой, поддавшись непростительным чувствам. Эсса Ладэ, я прошу прощения...

Я спокойно и даже холодно встретила ее взгляд.

— За то, что произошло. Если бы я могла все исправить, я бы это сделала. Но я не могу. Все, что мне остается, это просто сказать, сказать вам всем, как сильно я раскаиваюсь.

Мелора замолчала, сцепив руки. Я обратила внимание на то, что ее

пальцы подрагивают, но было ли это игрой или правдой, мне без разницы. Надеюсь, ее ждет пожизненная таэрран, и по этому поводу не испытывала ни малейшего сострадания. В конце концов, она это заслужила.

— Местрель Ярлис, это все?

— Да, местр Халлоран.

— В таком случае возвращайтесь на свое место.

Дождавшись, пока она сядет, Рэйнар произнес:

— Переходим к принятию решения.

Я снова посмотрела на Гроу, и снова тщетно. Поклясться могу, даже за все то время, что говорила Мелора, он на меня не смотрел.

Потому что его взгляд я бы почувствовала.

Всей кожей.

— Первым озвучим решение по делу ферна Гранхарсена.

И я чуть не поперхнулась, услышав предложение:

— Пожизненная таэрран.

Произнес это, к слову, правящий Ортахарны, тот самый, который по идее должен был официально вытащить из Мирис то, что неофициально вытащил Гроу. Леона говорила, что у меня перебор с агрессивностью, но в этот момент мне захотелось схватить этого типа за волосы и побить головой о стол.

— Поддерживаю, — произнес сидящий рядом с ним.

Да, кажется, у них численный перевес.

— Поддерживаю. — Это уже третий. — Осознанное вмешательство в разум человека после двух ментальных встрясок могло закончиться очень плачевно.

Во мне закончились все цензурные мысли, на месте я усидела только потому, что обещала Леоне вести себя прилично. Ладно, я усидела потому, что неприличное поведение могло закончиться тем, что мне вообще не дадут слова, поэтому я сейчас вцепилась в стул и плотно сжала губы.

— Пять лет, — сказал следующий.

Здесь что, у кого-то есть мозг?

Хотя я все равно считаю, что пять лет за такое — это перебор, тем более что Мирис здесь, живая и здоровая, а вот я могла бы оказаться в очень непростой ситуации стараниями Мелоры и ее папаша.

— Пять лет, — произнес Вэйлар.

Еще двое высказались за пожизненную, остальные за пять, получилось пятьдесят на пятьдесят. Остались Рэйнар и отец Мелоры, и я сильнее вцепилась в стул. Вот ни на минуту не сомневалась, что Ярлис выскажется за пожизненную, поэтому сейчас рисковала обломать остатки ногтей об

обивку, в которую они впивались. Ладно, Танни, дыши глубже, последнее слово все равно остается за Председателем, даже если в голосах перевес, поэтому все будет хорошо.

— Все будет хорошо, я сказала!

— Пять лет.

Я не сразу поняла, что этот голос принадлежит отцу Мелоры, поэтому только моргнула. Правящий, который грозился стереть меня в пыль и требовал назначить наказание за лжесвидетельство, сейчас с какой-то радости присоединился к адекватной стороне.

— Благодарю. — Рэйнар обвел взглядом собравшихся, а я снова посмотрела на Гроу.

Он, кажется, даже позу не поменял, продолжая «скучать в партере». Я же отметила его резкий профиль и прищур, которые были мне так хорошо знакомы. Так отчаянно, так безумно хорошо.

— Взвесив все обстоятельства, принимая во внимание все ваши заявления, я подтверждаю наказание для ферна Гранхарсена. Пять лет таэрран.

Я глубоко вздохнула и медленно отпустила многострадальный стул.

Пять лет. Пять лет — это, конечно, не пять месяцев, но с этим мы справимся. К этому я готовилась, когда вчера репетировала речь с Леоной по видеосвязи.

подавив желание потереть ледяные ладони одну о другую, я сложила руки на коленях, как примерная девочка. Никогда ею не была, но сейчас у меня будет только одна возможность заставить всех этих... иртыханов меня выслушать. И что-то мне подсказывает, что голосовавшие за «пожизненную» будут настроены очень скептически.

— Переходим к решению по делу местрель Ярлис, — произнес Рэйнар. — Право первого слова предоставляется вам.

Он посмотрел на отца Мелоры, и я невольно перевела на него взгляд. Этот мужчина с холодными глазами и коротким ежиком волос, не испытывая ни малейшего сострадания, заставил меня пережить до чешуи очень неприятных, я бы сказала, более чем неприятных моментов в моей жизни. Тем не менее сейчас мне стало не по себе, потому что выносить приговор собственной дочери — такого и врагу не пожелаешь.

— Пожизненная таэрран, — глухо произнес он.

Я поежилась.

— Благодарю, местр Ярлис. Местр Рингисхарт?

— Пожизненная таэрран.

— Пожизненная таэрран, — отозвался следующий иртыхан.

— Смертная казнь. — Это произнес правящий, сидевший по правую руку от Рэйнара.

Я покосилась на него: да, похоже, иртыханы не скупятся на крайние меры. Благо здесь все решает Рэйнар.

— Смертная казнь, — подтвердил еще один.

— Пожизненная таэрран.

— Смертная казнь.

Я взглянула на Гроу, который сцепил руки в замок, а потом невольно перескочила на Мелору. Она сидела в той же позе, в которой я застала ее, когда вошла, разве что сейчас еще обхватила себя руками.

Не знаю, как она себя чувствовала на пороге вынесения приговора, после которого ее пламя будет заперто на всю жизнь, но, судя по всему, не лучшим образом. Особенно учитывая, что Ильеррскую до меня играла она и, пожалуй, здорово прониклась тем, что ей предстоит. По крайней мере, я бы точно прониклась. Вот только Теарин получила свою таэрран ни за что, а Ярлис получит за дело.

Ситуация с Мелорой и равенством голосов повторилась, разве что сейчас последним говорил правящий Ортахарны. Который с чувством собственной значимости выдержал драматическую паузу (за что мне снова захотелось приложить его головой о стол) и произнес:

— Смертная казнь.

Ему жена сегодня ночью не дала, что ли?!

— Благодарю, — спокойно произнес Рэйнар. — Принимая во внимание ваши заявления и все обстоятельства, которые мной были изучены и тщательно взвешены, обозначаю приговор для местрель Ярлис. Смертная казнь.

Э... что?! Чего?!

Я покосилась на Мирис, словно она могла опровергнуть то, что сказал Рэйнар, но Мирис, кажется, была близка к обмороку. Взгляд метнулся к Мелоре, которая побелела еще сильнее, затем к ее отцу. Она смотрела на него, но он на нее не смотрел. Ни слова не произнес даже. Тут вообще никто ни слова не произнес, признавая право сильнейшего, то есть решение Рэйнара.

Они что, все со скалы попадали, что ли?!

— Перейдем к вопросам компенсации для эссы Ладэ и эссы Хайм...

Какая компенсация?!

Я попыталась поймать Рэйнаров взгляд, но он, походу, присоединился к команде Гроу, то есть на меня не смотрел.

— Эссе Хайм назначается...

Я пропустила часть фразы, потому что снова уставилась на Мелору. На отца она больше не смотрела, я вообще не уверена, что она куда-то смотрела, потому что ее трясло. Наверное, именно в эту минуту я поняла, что это не прикол. Что все это закончится здесь и сейчас, то есть... нет, они же не прибьют ее прямо здесь, но...

— ...Вам есть что сказать?

— Нет, местр Халлоран. — Сдавленный шепот Мирис напоминал писк.

— Компенсация для эссы Ладэ.

Вот теперь ему пришлось на меня посмотреть, и я поняла, в очередной раз за все это время, что да. Это правда.

Мелору действительно казнят.

— ...перевод осуществляется в течение двух часов после закрытия настоящего заседания. Вам есть что сказать, эсса Ладэ?

Я эти слова слышала раз десять от Леоны, когда мы репетировали. Вот только сейчас мой голос прозвучал гораздо глуше и ниже, чем я рассчитывала.

— Да, местр Халлоран. — Мне пришлось сделать глубокий вдох прежде, чем я поднялась. — Я прошу вашего разрешения обратиться к Совету.

— Разрешаю, эсса Ладэ.

На подиум я поднялась, чувствуя, что меня колотит. Сейчас мне потребовались все силы, чтобы не хлопнуться в обморок.

Ильеррская, напомнила я себе.

Ильеррская.

— Добрый день. — Мой голос звучал абсолютно спокойно, поэтому казался мне чужим. Я обвела взглядом собравшихся, от этого драного набла из Ортахарны, сидящего с одного края стола, до отца Мелоры, застывшего на другой стороне. — Я хочу воспользоваться своим правом отказаться от компенсации и взамен просить вас о снисхождении.

По рядам правящих прошел шепот и переглядывания: очевидно, они не ожидали, что кто-то мне сообщит о такой возможности. Ну, ребята, теперь мы с вами на равных. Я тоже не представляла, что вы мне тут устроите.

Когда на моем месте была Мелора, она стояла так, что не видела Гроу, я же не видела только Мирис. Зато Джерман и местрель Ярлис, сидевшие не так далеко друг от друга, сейчас были в масках, как сказала бы Теарин. Первый по-прежнему на меня не смотрел, а вторая смотрела сквозь. Минуты, когда она вглядывалась в лицо отца, пытаюсь понять, почему он ее

не защитил, уже прошли, и сейчас в ее глазах то и дело сквозили обреченность и пустота.

— Прежде чем я озвучу свою просьбу, я бы хотела ее объяснить. — Я сцепила руки, но тут же избавилась от этого жеста, понимая, насколько он выдает то, что творится внутри. — Когда я падала с балкона, это были несколько самых страшных секунд в моей жизни, пока Гроу... ферн Гранхарсен меня не подхватил. Он спас мне жизнь, и, воздействуя на Мирис, он спас меня второй раз.

В сторону Мелоры и Гроу я больше не смотрела, теперь не сводила глаз с тех, кто сидел за столом. Избегая взглядов Рэйнара и Вэйлара, потому что именно остальные делали меня сильной.

— Не знаю, во что бы превратилась моя жизнь, не решишь он на это. — Дальше я продолжала уже спокойнее, словно из меня вытянули все чувства. — Знаю только одно, что если бы не он, я бы сейчас не дышала и не могла на вас смотреть. Мое сердце не билось бы, а местрель Ярлис пришлось бы жить с этим. Я не верю в ее раскаяние.

Тишина в зале стояла такая, что я слышала даже дыхание Мирис за спиной, мне казалось, я слышу дыхание всех, кроме собственного.

— Но я верю в то, что жизнь — самая большая ценность в этом мире. Отнимать ее не вправе никто ни по какой причине, будь то состояние аффекта или наказание за преступление...

— Позвольте вас перебить, эсса Ладэ, — вперед подался правящий Ортахарны. — Как вы только что сказали, если бы не ферн Гранхарсен, вас не было бы в живых. Но, возможно, в живых не было бы не только вас, но и эссы Хайм. Вмешательство в психику человека несет за собой серьезные последствия.

— Я знаю. Но мы обе здесь.

— И это все искупает?

Я посмотрела на него в упор.

— Нет. Но это не значит, что высшая мера что-то исправит.

Он снова открыл было рот, но продолжить ему я не позволила.

— Равно как не считаю, что ферн Гранхарсен заслуживает столь сурового наказания. Я прошу смягчения наказания, — я снова прошлась взглядом по собравшимся, — для ферна Гранхарсена и местрель Ярлис.

После моих слов в зале на миг повисла тишина, которую снова нарушил этот недобитый набл из Ортахарны:

— Какая наглость! Вы всерьез думаете...

— Местр Фарранган, вы позволите мне сказать? — Голос Рэйнара прозвучал так, что правящий осекся и стал пунцовым.

— Да, местр Халлоран, но...

— Но?

Рэйнар едва к нему повернулся, но тот слегка просел на стуле и затих. Выждав воспитательную паузу, взгляд бросили на меня.

— Эсса Ладэ, вам придется выбрать.

Я не пошевелилась. Не была уверена, что смогу вообще сдвинуться с места.

— Мы можем вынести на обсуждение только одну вашу просьбу.

«Она одна, — хотела сказать я. — Я не могу выбрать».

Вместо этого посмотрела на Гроу и на Мелору. Озноб, который меня прошил при мысли о том, что этой женщины не станет, прокатился по всему телу, и не спасали от него ни мысли об Ильеррской, ни мысли о том, что она отправила меня умирать, а потом просто вышла из номера.

— Вы готовы сделать выбор, эсса Ладэ?

Она отправила меня умирать, а потом просто вышла из номера.

— Джерман Гроу, — сказала я, чувствуя, как набатом в ушах звучит пульс. И тут же поправилась: — Ферн Гранхарсен.

— Это все, что вы хотели сказать, эсса Ладэ? — Сейчас на меня смотрел Председатель.

— Да.

— Благодарю вас. Возвращайтесь на свое место.

Ноги у меня не гнулись, поэтому идти приходилось очень осторожно. Чувство было такое, что я вообще не гнусь ни в каком месте, поэтому на стул я изящно рухнула. То есть притянулась пятой точкой к поверхности и осталась в той позе, в какой села. Зато теперь поняла, почему Мелора выглядела именно так. Как она выглядит сейчас, я не представляла, потому что шея у меня тоже отказывалась поворачиваться. Может, и к счастью: впервые за все время заседания взгляд Гроу вонзился в меня и засел где-то в сердце.

— Я считаю просьбу эссы Ладэ достойной рассмотрения и удовлетворения. Если, разумеется, у второй пострадавшей стороны нет возражений. — Рэйнар внимательно посмотрел на Мирис.

— Нет, местр Халлоран. — Голос у Мирис стал еще более слабым.

— В таком случае предлагаю уменьшить срок наказания ферна Гранхарсена...

— Нет! — вскрикнула я.

— Эсса Ладэ?

— Нет. — Подняться я уже при всем желании не смогла бы. — Я прошу о смягчении наказания для местрель Ярлис.

Рэйнар прищурился.

— Это ваше окончательное решение? После того, как мы вынесем вашу просьбу на рассмотрение, изменить ее суть будет уже нельзя.

Я попыталась открыть рот, но не смогла. В общем, тоже к счастью, потому что под взглядом Рэйнара поняла: все, что могла, я уже сделала.

Поэтому только кивнула.

— Эсса Хайм?

— У меня нет возражений.

— Вследствие обращения эссы Ладэ выношу на рассмотрение вопрос о смягчении наказания местрель Ярлис до пожизненной таэрран.

Мысленно я сжимала пальцы так, что ногти вонзались в ладони.

— Предлагаю каждому из вас высказаться в соответствии с протоколом. — Рэйнар коснулся планшета, и голограмма из потолочного проектора над подиумом высветила два решения, столбики которых пока застыли на минимуме.

Но после слов Председателя и движения планшетов правящих они начали меняться. Я смотрела на то, как растет столбик «против» быстрее, чем столбик «за», потом они сравнялись, а потом...

— Большинство проголосовали «за», — произнес Рэйнар. — Окончательное решение: ферн Гранхарсен — пять лет таэрран, местрель Ярлис — пожизненная таэрран. Приговор окончателен, апелляция невозможна, дело пересмотру не подлежит. В исполнение привести в течение суток.

Он обвел взглядом присутствующих и, глядя почему-то на меня, подытожил:

— Заседание объявляю закрытым. Вальцгарды, вольно.

Стоило прозвучать этим словам, как стул Гроу скрежетнул по полу. Он вышел за дверь быстрее, чем я успела вздохнуть, и я, с трудом вытолкнув себя наверх, бросилась за ним.

Орать его имя на весь коридор, особенно когда на каждом шагу вальцгарды — сомнительное удовольствие. Поэтому я просто быстро шла, надеясь, что вызванный им лифт застрянет, а еще лучше — вместе с ним, и пока его будут вытаскивать, я отойду и смогу говорить нормально. Потому что, несмотря на все оставшееся за спиной, меня трясло. Сейчас еще сильнее, чем когда я только думала об этом клятом заседании, когда на него собиралась или когда бежала по коридорам, чтобы успеть.

Лифт не застрял, застрял Гроу. В смысле стоял на площадке под перекрестными взглядами вальцгардов, устроившихся у противоположной стены, и, разумеется, с видом, что ему глубоко начхать.

— Это, по-твоему, нормально? — спросила я. Сама понимала, что не самое удачное начало разговора, но остановиться уже не могла. — Нормально, что я должна бежать за тобой?

— Нет, Танни, это совершенно точно ненормально. — Он смотрел на меня, но не так, как раньше. Что-то неуловимо изменилось, и от этого скребло в груди, у самого сердца.

Я не хочу с ним ссориться.

Да что там, я просто хочу поехать с ним домой.

— Джерман, — сказала я уже гораздо спокойнее. — Нам надо поговорить.

— Это самая идиотская фраза, ты в курсе?

— Не знаю, идиотская она или нет...

— Я просил тебя остаться дома, Танни.

Что?!

— Я не осталась. Я здесь. Что теперь?

— Это я вижу. — Он подался вперед, шагнул ко мне вплотную, и меня окатило знакомым пламенем. — Вижу, что совершенно ничего не меняется. Ты решаешь — и ты делаешь, невзирая на последствия.

— Какие последствия?! — очень тихо спросила я, понимая, что отодвинутая в сторону дрожь возвращается снова. — С Ильеррской я накосячила? О'кей. Но я же это исправила, по крайней мере, сделала все, чтобы ее вернули. Что не так сейчас?

— Все.

— Все? — спросила я еще тише. — Все?! То есть, по-твоему, Мелору лучше казнить?!

— При чем здесь Мелора? — холодно поинтересовался Гроу.

Так холодно, что у меня сейчас не осталось никаких сомнений в том, что он северных кровей, пусть даже спрятанных очень глубоко в генетической цепочке.

— При том, что...

— «При том, что». — Он меня передразнил. — Тебе не приходило в голову, что я знаю о мире иртеханов чуточку больше, чем ты? И что если я говорю «не лезь», значит, лезть не надо?

Да. Круто.

— Сидеть и к ноге, — сказала я. — Это мы уже проходили.

— Но не усвоили.

— Ты сейчас серьезно? — спросила я, глядя ему в глаза. — Вот это все просто потому, что я тебя не послушалась и приехала?

— На тему послушалась, — теперь Гроу цедил слова. — Ты в курсе,

почему в армии строгая субординация? Потому что главнокомандующий принимает решение, исходя из собственного опыта и ответственности и потому что от действий остальных зависит исход ситуации.

— Мы не в армии, — выдохнула я. — Мы в отношениях. Тебе не кажется, что это немного другое?

— Не кажется. За теми дверями ты сделала то, что должна была, и сделаешь снова. Когда это понадобится Халлорану или твоей сестре.

От такого заявления я утратила дар речи. А когда обрела, выдохнула ему в лицо:

— Моя сестра тут ни при чем!

— Ну да, именно поэтому она не предупредила о том, что ждет Ярлис.

— При чем тут Ярлис?! — Я сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Стараясь не думать о том, что Леона правда мне не сказала, и о том, чтобы самой сейчас не ляпнуть чего-нибудь лишнего. — Мы говорим о нас. О тебе и обо мне.

— Не уверен, что о нас стоит говорить.

Это было слишком больно. Наверное, было бы больнее, если он ударил бы меня, и то не факт.

— А в чем ты уверен? — спросила я, сжимая кулаки еще сильнее. — Джерман, не отворачивайся от меня, пожалуйста. Не сейчас. Не закрывайся, давай вернемся домой и поговорим. Мне сейчас очень нужна твоя поддержка...

— Тебе? — Он не повысил голос, но меня обожгло и перетряхнуло. — Тебе нужна поддержка, Танни? Ты ничего не перепутала?!

Что я там говорила про «больно»?

— Что ты от меня хочешь?! — выдохнула ему в лицо. — Ты не хотел, чтобы я защищала тебя, и я просила за Мелору. Твоя таэрран останется при тебе, что тебе еще от меня нужно?!

Гроу не изменился в лице. Разве что зрачок на миг дернулся, но едва уловимо.

— В настоящий момент — чтобы ты оставила меня в покое.

Развернувшись, он шарахнул по панели лифта с такой силой, что чудом не расколошматил в пыль. Не расколошматил: видимо, когда здание Совета проектировали, рассчитывали на что-то подобное. Он шагнул в лифт так стремительно, что не оставил мне ни малейшей возможности что-либо сказать. Я смотрела, как кабина отсчитывает уровни, пока отсчет не прекратился.

— Танни.

Голос Леоны заставил меня обернуться.

Сестра стояла рядом со мной: такая вся идеальная, такая первая леди, что прям вот тошно.

— Почему ты мне не сказала про смертную казнь?

— Танни...

— Двадцать шесть лет. Ты знаешь меня двадцать шесть лет. — Теперь мне было уже плевать, что там и кто слышит, и плевать, как это выглядит со стороны. — Ты всегда меня прикрывала, стояла за меня горой. Ты стала мне матерью, сколько раз ты меня спасала — не перечить. Что изменилось сейчас, Леона?! Почему все так?!

— Ты не понимаешь...

— Нет. Не понимаю. И никогда не пойму, — сказала я.

Наверное, мне было бы проще услышать, что она ничего про Мелору не знала, что Рэйнар щадил ее чувства, но на кой мне сдался очередной самообман? Развернувшись к лифту, как это мгновение назад сделал Гроу, я чуть было не повторила его маневр с панелью, но прежде чем успела отбить ладонь, Леона перехватила меня за запястье.

— Ты оказалась на границе двух миров, Танни, — сказала она, глядя мне в глаза. — Видит небо, я этого не хотела, но так случилось. Кто-то очень опасный, кто-то, кого мы пока не видим, поставил тебя в центр происходящего, и теперь от любого твоего слова и действия зависит очень многое. Ты можешь разрушить мир между людьми и иртханами или помочь нам его восстановить. Это ты понимаешь?

— Я понимаю, что ты должна была мне это сказать до заседания, Леа, — произнесла, отнимая руку. — У меня все.

— И что бы ты сделала, заранее зная о том, каков приговор Мелоры?

Вопрос остался без ответа, потому что я все-таки шагнула в лифт. Соседний с тем, который увез Гроу.

Который оказался прав.

Прав в том, что моя сестра хладнокровно спланировала и вывела меня на решение, которое я принимала под каждый рвущийся внутри меня нерв.

«И что бы ты сделала, заранее зная о том, каков приговор Мелоры?»

Не хочу.

Я не хочу думать об этом сейчас. Я вообще не хочу об этом думать.

Обратно я тоже шла через зал, по которому меня вел Тергран. Навигатор показывал более короткий путь, но мне было без разницы. Остановившись над фреской, я смотрела на оборот, изображенный внизу. Солнце уже сдвинулось, и сейчас это была просто картина без всякого огня и прочего.

— Ты поступила правильно, Танни.

Правильные слова от неправильного мужчины: подошедший Тергран остановился рядом.

— Наверное.

— Куда тебя отвезти?

Странное предложение. Учитывая то, что мне и ехать-то особо здесь некуда.

А в Зингсприде?

При мысли об этом сердце сжалось в орех, таким и осталось. Я смотрела на фреску до тех пор, пока молчание не зазвенело в ушах. Стараясь не думать о том, что Тергран рядом со мной тоже стараниями сестры и что все в этом городе — ее стараниями или близко к тому, оттолкнулась от перил и ответила:

— К Имери.

ГЛАВА 14

Теперь я могла любоваться городом, в котором жила, сколько душе угодно. В смысле сейчас, когда мы особо никуда не спешили, пейзажи мимо проносились уже не с такой скоростью. Мэйстон разрастался, как и любой современный город, но новые районы не вызывали во мне почти никаких чувств, в отличие от тех, где мне частенько доводилось бывать.

«Маунтин Молл» — сто двадцать этажей развлечений и магазинов, где мы с Имери шлялись с этажа на этаж, из примерочной в примерочную или зависали в просторных 3D-кинотеатрах. Мэйстонский парк, где мы с друзьями собирались все вместе и валялись на траве, а в конце этих пикниковых посиделок начинались споры, кто будет собирать одноразовую посуду и прочее. Через наш старый район мы не летели, потому что окраина осталась в стороне, но стоило мне увидеть Четвертый остров, захотелось попросить водителя развернуть флайс.

Здесь каждый клочок земли был пропитан воспоминаниями, связанными с Леоной. И с Миком, потому что ту неделю, что мы были вместе, зависали преимущественно здесь. Наверное, мне еще тогда надо было задуматься, что если парень, обладатель самой крутой тачки в школе и словно магнитом притягивающий внимание большинства девчонок, особо никуда тебя не вытаскивает (за редким исключением), он просто тебя стесняется. Хотя сомневаюсь, что дело было именно в этом. Не уверена, что Мик вообще чего-то стеснялся.

— Скоро будем на месте, — сказал Тергран.

— Ты так хорошо все помнишь?

— С Четвертым у меня связано много воспоминаний.

— Ну да, — сказала я. — Сложно забыть место, где тебя чуть не убили.

Впрочем, тут же добавила:

— Прости. Иногда во мне просыпается черный юмор.

— Он у всех иногда просыпается, — хмыкнул он.

У меня перед глазами снова встала картина: Леоны возвращается домой поздно ночью после выступления в Ландстор-Холл. Мы цапаемся из-за того, что я все еще не в постели, серьезно так, а утром меня ждет завтрак, и хотя мне хочется вывалить его сестре на голову (с прощением у меня вообще туго), я сажусь и мрачно жую. Леоны что-то говорит, и вот я уже понимаю, что просто не могу на нее злиться. Обычно она встает

поздно после ночных смен, но сейчас поднялась, чтобы проводить меня в школу. Несмотря на то что под глазами круги, а говорит чуть тише, чем обычно, — у нее иногда бывало такое, когда надо побереечь голос. Я собираюсь в школу, и вот мы уже вместе хохочем над каким-то идиотизмом в юмористическом утреннем шоу «Проснись и вой».

Чтобы отвлечься от воспоминаний, чуть подаюсь вперед.

— Расскажи мне лучше, как так получилось, что ты меня встречал, если ушел в отставку.

— То, что я в отставке, еще не значит, что я не в курсе всех дел.

Мне хочется спросить, как Рэйнар его вообще отпустил после стольких лет, но я понимаю, что это лишнее.

— То есть ты выяснил, что я приезжаю, и...

— И решил тебя встретить, да.

— Но это служебный транспорт.

— А я злоупотребляю бывшим служебным положением.

У меня даже уголки губ дергаются слегка.

— Так и скажи, что просто захотел со мной встретиться, — фыркаю я.

— Вообще-то, Танни, это действительно так.

Неожиданный ответ.

Откинувшись на спинку, интересуюсь:

— Хотел посмотреть, что из меня выросло?

— Да.

Наверное, неловкость после своего заявления он почувствовал тоже, потому что в салоне стало тихо. Впрочем, даже если бы и не стало, мы уже прилетели: опустились на верхнюю парковку нашего дома, с которой топать до нашей квартиры было ближе всего.

— Спасибо, что подбросил, — сказала я и вышла из флайса поспешнее, чем рассчитывала.

— Танни, если я тебя чем-то обидел... — Тергран шагнул следом за мной.

— Да нет. — Я отмахнулась. — Просто у меня не совсем разговорное настроение. Сам понимаешь.

— Понимаю, — сказал он. — Номер водителя я оставил твоим сопровождающим, как только потребуется...

— Да, позвоним.

Наверное, это было не очень вежливо, но мне просто хотелось остаться одной. Еще на полпути к лифтам я поняла, что ехать к Имери было дурацкой идеей. Если Четвертый остров — скопище воспоминаний, то этот дом и подавно. Настроение у меня ухнуло ниже уровня подземки, и

я с трудом справилась с желанием развернуться и позорно сбежать. Остановило только то, что бежать было особо некуда.

А Гроу, наверное, уже прошел обратный телепорт.

На этой мысли я отвесила себе пощечину и чуть ли не силой затолкала в лифт. Следом погрузились вальцгарды, и знакомой дружной компанией мы поднялись на нужный этаж. Вот и холл, в котором Мик зажимал меня у стены, в котором я ругалась страшными словами, потому что забыла дома ключи, а Леона умудрилась куда-то свалить и выключить телефон, где мы с Марром чуть не подрались из-за того, что он решил, будто мой шарф с помпонами — это игрушка.

Да, определенно ехать сюда было не самой лучшей идеей, но отступить было уже поздно, и я просто нажала кнопку звонка.

— Гар, я же тебе сто раз говорила: проверяй ключи! — рявкнула Имери, распахнув дверь.

Осеклась, замерла, глядя на меня, а потом так же резко эту дверь захлопнула. И тут же распахнула снова.

— Танни Ладэ, — язвительно протянула подруга, сложив руки на груди. — Что такого должно было случиться в твоей жизни, чтобы ты обо мне вспомнила?

За спиной мелькнул знакомый холл, где я когда-то скакала на одной ноге, потому что не получалось расшнуровать кроссовки, и тогда я сделала то, чего уж точно не собиралась делать. Проще говоря, разревелась.

— Ну, ты красотка. — Имери откровенно ухмыльнулась, зажевывая палочки с беконом огромной ложкой замороженного крема.

В ответ я запустила в нее скомканным сипроновым^[1] платочком. Подруга ловко увернулась, а потом подвинула ко мне банку с кремом, из которой торчала вторая ложка. Мы сидели в ее спальне, точнее, теперь уже в их с Гарджером, которая когда-то принадлежала Леоне. Мою комнату они переделали под геймерскую: ее парень жить не мог без виртуальной реальности, и первое время я подкалывала подругу на тему, что она будет делать, если он оттуда не вернется.

В том, чтобы сидеть вот так на кровати и есть хрустящие палочки со вкусом бекона и замороженный крем, было нечто очень родное. Настолько родное, что даже сейчас, с опухшими от слез глазами я чувствовала себя несоизмеримо лучше.

— В общем, я рада, что ты восприняла мой совет насчет парня буквально и перешла к активным действиям.

— Угу. Только ничего хорошего из этого не получилось.

Имери покосилась на меня.

— У тебя сейчас соплями мозг забит, поэтому твой пессимизм мне понятен.

— Да ты что? — фыркнула я.

Поняла, что по поводу соплей она права, и потянулась за платочком, который в коробке оказался последним. Имери я рассказала все (начиная со своего устройства на главную роль, падения с балкона и заканчивая тем, что случилось сегодня). Знала, что она не спалит и что даже ее парню ничего из нашего разговора не станет известно. К тому моменту, когда я замолчала, во мне кончились и слезы и силы, а она посмотрела на меня и философски изрекла:

— Не знай я тебя так хорошо, Танни Ладэ, решила бы, что ты вешаешь мне на уши чешую, чтобы оправдаться и сохранить дружеские отношения.

Я посмотрела на нее сквозь пелену слез, пытаюсь собрать мысли в кучу, а Имери добавила:

— Считай, что ты прощена.

После этого мы ржали минут пять и не могли остановиться. Потом Имери притащила снизу крем и палочки, и когда открывала крышку, ляпнула большой кусок замороженного крема на пол. Выдала такое, после чего мы продолжили хохотать до слез и только недавно относительно успокоились.

— Рассказываю, — произнесла Имери. — Твой парень сейчас в шоке от того, что случилось. Ему пять лет условно дали, спорим, ты бы тоже была в шоке.

Я выразительно подняла ложку с мороженым, и она кивнула.

— Поняла. Юмор неуместен. В общем, исходя из того, что я услышала, а услышала я немало, у вас первая семейная ссора.

— Че-го? — переспросила я.

— Семейная ссора. Это когда вы решаете жить вместе, потому что цветочки-букетики, ох-ах и трах-трах-трах, а потом выясняется, что эта скотина не может даже трусы бросить в корзину для белья, напроочь забывает о том, что вы договаривались сходить в кино, и берет билеты на матч с друзьями, а ты сидишь как дура с оплаченной бронью, заказанным на вечер столиком в ресторане и готова голову ему открутить.

— Не знаю, можно ли эту ситуацию приравнять к билетам на матч...

— Мофно, — сказала Имери с набитым ртом. — Знаешь почему? Потому что это называется притирка. Вы узнаете друг друга, вы драконитесь, потому что он любит быстро и когда ты мордой в подушку, а ты — когда медленно и с предварительными ласками.

Я запустила в нее подушкой, попала в плечо.

В ответ в меня прилетело крышкой от замороженного крема.

— Им, это серьезно.

— Разумеется, это серьезно, — невозмутимо отозвалась подруга. — Отношения — это вообще серьезно, ты не знала?

Ответить я не успела, потому что мобильник Имери взорвался какой-то очешуительно красивой и откуда-то знакомой мне музыкой.

Звезды падают в небо.

Я стою на краю.

И, раскинув над пропастью руки, как крылья,

Для тебя я сейчас

Эту песню... [\[2\]](#)

— Да, Гар? — Голос Сибриллы перебил голос моей подруги и вытряхнул из состояния среднестатистического очешуения. — Хлеба на тосты, салат еще можно. О! И пару литров шипучки с литтоновым вкусом.

Имери нажала отбой и выразительно на меня посмотрела.

— Ну, что я говорила? Здоровый мужик звонит мне из магазина и спрашивает, что купить! А ты говоришь...

— Откуда у тебя эта песня? — спросила я.

— В смысле?

— Мелодия на смартфоне.

— Скачала. — Имери даже жевать перестала. — Она пару дней назад вышла, ее сейчас везде крутят. Ты и это умудрилась проспять, что ли? Это же Сибрилла Ритхарсон!

Да, я знаю, кто это. Про Сибриллу я как-то забыла упомянуть. Выражаясь терминами со съемочной площадки, «вырезала» этот момент из экранной версии.

— Угу, — сказала я.

— Так, на чем мы там остановились?

— На том, что отношения — это серьезно.

— Точно! — Подруга кивнула и ссыпала себе в рот целую горсть палочек. — Так фот. Отношения — это и правда серьезно, и тот факт, что у тебя их никогда не было...

Я потянулась за второй подушкой, но в меня прилетело первой.

— Тебя не оправдывает. Надо понимать, что вы будете цапаться. Иногда серьезно. Иногда будет очень больно, но главное — это то, что

внутри. Где-то здесь, хотя я не сильна в анатомии.

Имери ткнула меня примерно в область сердца.

— Помнишь, что ты меня спросила, когда я тебя набрала?

Кивнула, и подруга вытянула вперед руку, показывая колечко.

— В общем, встречный вопрос, Танни Ладэ. Ты его любишь?

— Да.

— Так вали в свой Зингсприд и скажи ему об этом.

— Он сказал, чтобы я оставила его в покое.

— Разумеется, он так сказал! Мужики, как дети. Ты пообещала ему машинку, а потом подарила ее этой... Мелоре.

— С тобой вообще можно серьезно разговаривать?

— Я серьезна как никогда, — фыркнула Имери. — А ты превратилась в зануду. Не исключено, что это последствия любовной лихорадки, потому что от нее разжижаются мозги. Добавь сюда сопли и получишь результат.

За что люблю Имери — это за то, что ее стараниями на любую, даже самую большую, задницу без смеха смотреть не получается.

— Не уверена, что именно это он хочет сейчас услышать.

— Именно это он хочет сейчас услышать! Все это хотят услышать: от трепетной школьницы до сурового иртехана в сексуально расстегнутой рубашке.

Я закатила глаза.

— Да-да, и все твои отмазки — это потому, что кое-кто трусливый наблий хвостик.

— Сама ты наблий хвостик.

— Иногда тот еще. Знаешь, как меня колбасило, когда Гар сделал мне предложение?

— Да уж помню, — ухмыльнулась я. — Звонит мне такая и говорит: «О, Танни, что мне делать, что мне делать?!»

Имери вскинула руку.

— Узнаю Танни Ладэ! Дай пять!

От удара в ладонь плеснуло силой, а еще уверенностью. Той, что почти меня оставила, когда я перешагнула порог.

— Так, значит, сейчас мы с тобой смотрим рейсы в Зингсприд, ты звонишь своему водителю...

Внизу что-то упало, раздался грохот и какой-то крик, больше напоминающий не то вопль подстреленного набла, не то боевой клич. Мы с Имери снялись с места одновременно и ломанулись из комнаты, где на лестнице нам представилась совершенно потрясающая картина: один из вальцгардов удерживал Гара с покрасневшим лицом и вывернутыми за

спиной руками, на полу валялось нечто, напоминающее выломанный руль от хтайса.^[3]

— Танни?! — взвыл Гар.

— Простите, эсса Ладэ, — немного смущенно произнес вальцгард. — Он бросился на нас с этим.

Я плотно сжала губы, но, видимо, напряжение окончательно меня отпустило, потому что я сначала сдавленно фыркнула, а потом расхохоталась. В голос.

— А если ты еще раз вздумаешь игнорировать мои сообщения, — заявила Имери, — я приеду к тебе в Зингсприд с этой штуковиной...

И она выразительно замахнулась на меня воображаемым рулем от хтайса.

— Ха-ха, — мрачно произнес Гар. — Очень смешно.

— Мой геро-о-ой.

— Что я, по-твоему, должен был подумать, когда вернулся домой и обнаружил, что у нас в квартире два незнакомых мужика и тишина?

— Ну, не знаю... что у нас в гостях Танни с охраной?

— Да! Определенно. Именно это.

— Ребят, может, хватит? — спросила я. — Я больше не могу ржать, а мне еще через телепорт идти.

Мы все-таки успели на вечерний рейс, и сейчас устроились в общем зале ожидания вместе с вальцгардами. Сказать, что на нас смотрели — значит, ничего не сказать, потому что обычно в общем зале не сидят те, кто ходит с охраной.

— Да я теперь всю жизнь это вспоминать буду, — фыркнула подруга.

— А я тебе это припомню, когда вернемся домой. — Он так выразительно на нее посмотрел, что даже мне стало жарко.

— Объявляется выход на рейс MZ-315, — донеслось из динамиков. — Всех пассажиров просим пройти к терминалу 145.

— О, твой. — Имери вздохнула, а потом так обняла, что чудом не выдавила меня из меня. — Тан, серьезно, не пропадай.

— Серьезно, — сказала я, — не пропаду. И вообще скоро приеду, или вы приезжайте. Дико соскучилась по нашим посиделкам.

— Ларрка ты драная, — с нежностью произнесла Имери и добавила: — В следующий раз твоя отмазка с телефонами не прокатит.

— У меня правда сдох телефон!

— А потом тебе подарили три. Давай вали уже! А то я никуда тебя не отпущу.

Мы еще раз крепко с ней обнялись, потом с Гаром, а затем вместе с вальцгардами направились к указанному терминалу. Я все-таки оглянулась: Имери с будущим мужем стояла в обнимку, его рука на ее талии, и мне почему-то стало дико грустно. Показалось, что целая эпоха остается за спиной, в том числе и наши с Им девчачьи посиделки, и наши с Леоной теплые отношения. Я сестре не звонила, она мне тоже, и, судя по тому, что вальцгарды не сопротивлялись, нам было дозволено идти общим переходом.

И то ладно.

Стоя в общей очереди на переход, я рассматривала то и дело вспыхивающие над нами рекламные голограммы и думала о Гроу. О том, что ждет меня в Зингсприде, о нашем последнем разговоре. Я и хотела бы подобрать слова, но они все как-то не складывались (сначала потому, что рядом была Имери с Гаром), а теперь вот просто не шли.

Надо будет во флайсе порепетировать, что ли.

Я тебя люблю.

Три простых и коротких слова почему-то казались невероятно сложными, то есть вот как ругаться — это я всегда пожалуйста, а сказать: «Я тебя люблю» — проще дракона раскрутить за хвост и швырнуть в воду. Возможно, дело было именно в том, что сказать «я тебя люблю» нужно именно дракону, с человеком все было бы проще.

Хотя не факт.

С такими философскими мыслями я прошла телепорт и села во флайс уже в Зингсприде. Где вспомнила про Терграна.

По-хорошему, надо было с ним попрощаться, но у меня не осталось ни его телефона, ни других контактов. Можно было спросить у водителя, который катал нас в Мэйстоне, но тогда я напрочь об этом забыла, а сейчас уже поздно махать крылышками. Наверное, можно узнать его номер и через вальцгардов, но этот момент я решила отложить на потом.

Сейчас мне надо решить вопрос с одним любимым и совершенно упоротым драконом.

Чем ближе мы подлетали, тем больше меня потряхивало. Как вообще признаются в любви? И что, мне вот прямо так с порога и говорить: «Я тебя люблю»? Хотя, может, и стоит. Сначала нужно обезоружить противника, потом идти в наступление. В том, что Гроу зависнет после таких слов, я почти не сомневалась.

Хотя вот это самое «почти» и заставляло меня слегка волноваться.

И еще немного то, что он мне ответит.

Самую малость. Капелюшечку прямо.

Сцепив руки за спиной, я размяла пальцы перед тем, как лезть за ключами. Очень не хотелось бряцать перед вальцгардами металлом из-за того, что руки дрогнут в самый неподходящий момент.

— Ребят, подождите у лифтов, — попросила сопровождающих. — Мне бы хотелось у дверей оказаться относительно одной.

Как ни странно, вальцгарды даже не стали сопротивляться, остановились в конце коридора. По большому счету до двери Гроу здесь было еще три (на весь огромный этаж — так мало квартир). Тем не менее мне показалось, что я прошла с десятков анфилад и еще прогулялась по «Сердцу Аринты».

Приложила ключ к замку.

Повернула ручку.

Вошла.

И тут же меня с визгом и верещанием чуть не снесли с ног: радость Бэрри припечатала меня к закрывшейся двери, виари продолжала колотить хвостом и цокать когтями в темном холле. Точнее, в темной квартире, потому что света нигде не было, и Гроу, судя по всему, не было тоже. Хотя на всякий случай я все-таки спросила:

— Джерман?

Тишина.

Я прошла на кухню, где с момента моего отъезда ничего существенно не изменилось. Провела ладонью у выключателя, прищурилась, когда вспыхнул верхний свет.

Ну и что, спрашивается, это значит?

Это значит, что Гроу нет дома. И что он вообще-то не домашний мальчик, чтобы являться домой до полуночи. Вот только где он?

В мыслях сразу вспыхнула наша с ним первая встреча в клубе, рука Гроу на заднице какой-то блондинки... потом еще одной конкретной блондинки, потом рыдания Ширил, но я тут же затолкала эти мысли подальше. Еще не хватало мне превращаться в ревнивую истеричку.

Вытащила мобильный и сунула обратно в сумку.

— Сейчас погуляем, — сообщила Бэрри и, насыпав ей корма, пошла переодеваться.

Без него квартира казалась пустой, а спальня — особенно. Подумать только, мы с ним вместе какие-то считанные дни, а меня уже так повело. Что же дальше-то будет?

А дальше, Танни, будет только хуже. Или только лучше. Это как посмотреть.

Я решила, что позвоню ему после того, как выгуляю Бэрри, но когда

вернулась, почему-то не позвонила. Пошла варить себе кофе, стараясь не думать о всяком. Поэтому я жевала губы, глядя на лежащий на столешнице мобильный.

Позвонить — это же так просто.

Нет?

Мобильный Гроу оказался выключен, и я не то с облегчением, не то с разочарованием в мандраже с чашкой кофе и виари переместилась в гостиную, где включила визор. Музыка мне зашла точно так же, как мультики, потому что я по привычке начала разбирать спецэффекты.

Отхлебнула кофе и снова переключила канал: там рассказывали про сегодняшний митинг, из-за которого я чуть не опоздала в Мэйстон. На следующем опять пели и танцевали, на очередном пара сплеталась в страстных объятиях со всеми подробностями, а вот пятый оказался международным, и судя по бегущей строке, там были новости из Ферверна. Показывали центральную больницу Хайрмарга, вокруг которой было слишком много журналистов.

— ...Вчера вечером флайс Фертрона Гранхарсена рухнул с огромной высоты. Сейчас ферн Гранхарсен находится в центральной клинике Хайрмарга, где врачи делают все, чтобы спасти ему жизнь.

— Что значит, я не могу уехать? — спросила я, глядя на вальцгардов.

Собранная за пять минут сумка, в которую я втрамбовала все самое необходимое, стояла у ног, а я готова была рвать, метать и дышать огнем. Но пока держалась.

— Это значит, что у нас приказ, эсса Ладэ. Приказ доставить вас в Зингсприд и ждать дальнейших распоряжений.

Л-л-л-еона.

— Ладно, — сказала я. — Никуда не уходите.

Как будто они могли.

Оставив вальцгардов и сумку за дверью, вернулась в квартиру и набрала номер Леоны. Если честно, мне по чешуе, что у них на несколько часов больше и глубокая ночь, глубже только задница, в которую превратилась моя сестра. Прислушиваясь к гудкам, взлетела по лестнице наверх, прошла в спальню и плотно прикрыла за собой дверь.

— Ты в курсе, сколько сейчас времени? — даже посреди ночи меня умудрились окатить холодом.

— Ты в курсе, что случилось с отцом Джермана? — спросила я. — Хотя о чем это я. Первая леди обязана быть в курсе всего.

— Назови мне пять причин, по которым я не должна положить трубку

прямо сейчас.

— Я назову всего одну. Я твоя сестра. Пока что.

Судя по настроению в Мэйстоне, кого-то проняло. Или, может быть, она просто не до конца проснулась, я уже не тешила себя тем, что понимаю Леону, как раньше. Впрочем, спустя пару минут дисплей вспыхнул значком видеосвязи, и я включила камеру. С распущенными волосами и в халате сестра выглядела обманчиво уютно, но я отпихнула это ощущение подальше.

— Почему? — спросила я, стараясь не сорваться на эмоции. Эмоций было ой как много, и не все они укладывались в рамки цензуры.

— Потому что тебе нечего там делать.

— Мне? Нечего?! У него отец при смерти.

— Ты на похоронах собственного отца не была.

— Ну ты и ларрка, — вырвалось у меня.

— Осторожнее со словами, Танни.

— А то что? Запрещь меня в Скай Стрим?

— Отличная идея. — Раньше у Леоны был очень говорящий взгляд, но сейчас он становился холодным одновременно с голосом, набл поймет, что она чувствует, и чувствует ли что-то вообще.

— Мне нужно там быть, — сказала я, стараясь не повышать голос. — Неужели не понимаешь?

— Нет.

— Это твое последнее слово?

— Да.

Я открыла было рот, но поняла, что это бессмысленно. Закрыла и от души пожелала:

— Бессонной вам ночи, мистра Халлоран.

После чего нажала отбой и от души швырнула мобильный через всю комнату. Судя по жалобному «хрусть», не такой уж «Верт» крепкий, как заявляют производители. Мне надо было что-то делать, но ничего поделать я не могла, разве что смотреть фервернские новости. В них ничего такого не говорили, да и до следующего выпуска было еще прилично, поэтому я открыла дверь и впустила Бэрри в спальню.

Знала, что Гроу терпеть не может, когда виари ставит лапы на кровать, но Гроу не было рядом. Он был один, в Ферверне.

А я здесь.

От невозможности это изменить захотелось что-то разбить, но телефон я, походу, уже разбила. Что-то еще разбитое не поможет мне оказаться в Ферверне с Джерманом. На этой мысли я глубоко вздохнула и принялась

чесать подставленную под руку огромную башку. Бэрри завирчала, я старалась сосредоточиться на этих звуках и на ощущениях, которые они дарили, — любви и тепла, но не получалось.

Какие уж тут любовь и тепло.

Его отец при смерти!

А я сижу здесь.

Леона заявила, что я не была на похоронах Дирана, но мой папаша скинул меня на руки сестры, а после в моей жизни появился всего два раза. Первый — чтобы всучить подарок и типа наладить отношения, а заодно назвать меня шлюхой. Второй — чтобы стясти с меня денег на высшее образование для моего брата, которого я в глаза не видела. Шантажом.

Отец Гроу его вырастил. Дал ему образование, собирался ввести в политику, и то, что у них не сошлись по этому поводу мнения, — дело десятое. Я общалась с Гранхарсеном, он не показался мне законченным засранцем. Политиком — да, но у меня сестра в политике. И если уж говорить откровенно, Гранхарсен-старший и Леона пользовались одинаковыми методами «убеждения».

Как ни странно, именно мысли об этом помогли мне остыть и посмотреть на ситуацию немного иначе. Я даже прогулялась до телефона, смахнула стеклянную крошку с треснувшего дисплея и написала Гроу сообщение:

«Я с тобой. Пожалуйста, позвони, когда будет возможность».

Текст под трещинами показался расколотым, но я все равно нажала «отправить», повертела в руках мобильный и положила рядом с собой на кровать. Во-первых, надо перестать думать о плохом — медики, которые сейчас вокруг Гранхарсена, наверняка лучшие в своем деле. Во-вторых, если бы Гроу хотел меня видеть рядом с собой, набрал бы меня перед телепортом. Он этого не сделал, по какой причине — дело десятое. Когда мы оба успокоимся, когда с его отцом все будет хорошо, тогда мы поговорим. Если понадобится, я приеду, если нет — дождусь его здесь.

Все будет хорошо.

Я повторяла это себе до тех пор, пока окончательно в это не поверила, только после этого забралась с ногами на кровать и похлопала по свободному месту.

— Иди ко мне.

Бэрри чуть приподнялась, опасливо глядя на меня.

— Иди-иди, — подтвердила я. — Сегодня можно все.

Когда Гроу приедет, будет ругаться, ну и пусть. Пусть ругается, пусть орет, пусть делает, что хочет, я его просто обниму. И набла с два позволю

ему еще куда-то уйти одному.

Виари взгромоздилась рядом со мной, все еще не веря своему счастью. Покрутилась, плюхнулась на кровать, положив хвост на подушку Джермана. Я представила себе его лицо, если бы он это увидел, и улыбнулась.

— Бэрри, замри, — сказала я и сделала фееричную фотку на гроуновский планшет.

Потом еще одну.

Вспомнила про сумку, оставленную вальцгардам, но спускаться именно сейчас было лень. Никуда она не денется за пару часов.

Вбила пароль «Гайер414в розовом трико», после чего открыла архивы Ильеррской.

Определенно это то самое, что мне сейчас нужно.

Да.

ГЛАВА 15

Даармарх, Огненные земли

Мэррис видела. Она видела все.

Эта мысль ударила в меня молнией, заставив замереть, распорядительница же метнулась вперед, рывком сдернула с кровати покрывало и набросила на пытающееся подобраться к стенам пламя. Второе набросила уже я, остатки мы вместе приглушили ногами, залили водой из кувшина, после чего, тяжело дыша, снова посмотрели друг на друга.

— Я догадывалась, что ты не сможешь это сделать, — произнесла она наконец.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Все ты прекрасно понимаешь, Теарин. — Распорядительница махнула рукой, а потом приблизилась к масляной лампе, остывшей со вчерашнего вечера, и, убедившись, что огня больше нигде нет, швырнула ее на пол. — Пойдем. Нам нужно поговорить.

Я была в этом вовсе не так уверена, но выбора у меня сейчас не было. Тем более что я в принципе не представляла, что мне делать дальше, поэтому, когда мы вышли на балкон, приблизилась к перилам, глядя на укутанную теплыми сумерками Аринту. Я ведь так и не побывала ни разу в городе, не прошлась по улицам, залитым солнечным светом. Не знаю почему, сейчас эта мысль отозвалась щемящей тоской. Наверное, все так и должно быть: Аринта никогда не была моим домом и никогда им не станет.

— Не хочешь присоединиться? — Мэррис указала на диван.

Я пожала плечами и приблизилась, но лишь когда я села, распорядительница заговорила.

— Ты слишком мягкая для правительницы, Теарин.

— Мать Витхара была жестче?

Она усмехнулась.

— С матерью Витхара мы были подругами. — Перехватив удивленный взгляд, продолжила: — Да, именно поэтому я догадалась про огонь.

— Как? — Это все, на что меня пока хватило.

— Меня тоже подарили его отцу в качестве наложницы. — Мэррис расправила платье, а потом посмотрела вдаль, как мне сейчас показалось, гораздо дальше, чем в пустоши. — Разумеется, я была ему не нужна, он с

самого первого дня был влюблен в Ривьетт. Свою прекрасную северянку.

Почему-то из ее уст это прозвучало гораздо более остро, чем рассказ Даармархского. Хотя, возможно, это я сейчас воспринимала все более остро.

— Он настоял на том, чтобы я осталась во дворце, когда увозил ее на Север, потому что мы с ней успели подружиться. Мы никогда не были соперницами, если ты понимаешь, о чем я. Я не любила его отца и даже не думала о том, чтобы разделить с ним ложе. Я дождалась их возвращения, долгое время была при ней в качестве... нет, нэри меня назвать было сложно, но она и сама не горела желанием приглашать к себе ир்தханесс. Зная о том, как к ней относится высшее общество Даармарха.

Мэррис немного помолчала, потом продолжила:

— После рождения Витхара мы стали общаться чуть меньше, и в то время я познакомилась с Дьерном. Он не был хаальварном, простой стражник, и мы действительно любили друг друга. Наверное, поженились бы, если бы не первое покушение на Ривьетт. Он закрыл ее собой от выпущенной из арбалета стрелы, а спустя две недели я поняла, что беременна.

Я молчала, потрясенная ее словами. Почему-то, когда Мэррис говорила о похожем выборе, я думала, что она тоже была в гареме, но такого не ожидала.

— Я думала о том, чтобы оборвать жизнь внутри себя, потому что это было больно. — Она продолжала говорить, глядя сквозь меня, словно меня тут не было. — Больно знать, что тот, кто должен был разделить с тобой радость рождения малыша, никогда больше не откроет глаз. Тогда мне, как и тебе, не хватило духа затушить эту искру, но сейчас... Ибри мой свет и моя любовь. Моя дочь, за которую я порву любого.

Вот теперь она посмотрела на меня в упор.

— Но я не могу избавить ее от той боли, которую она причиняет себе сама. Она действительно любит его, Теарин. И ты понимаешь, каково это.

Понимаю, хотела сказать я, но во мне не нашлось слов. Перед глазами стояли Даармархский и Джеавир, его губы терзали ее, как когда-то мои. Не знаю, было бы мне легче, если бы на месте подруги оказалась Эсмירה, но вряд ли я это узнаю.

— Сегодня днем я перегнула. — Мэррис вздохнула судорожно и глубоко. — Мне нужно было кого-то обвинить... потому что тот, кто это сделал... или та...

Она помолчала.

— С того самого дня, как Ибри забеременела, я знала, что покоя ей не

будет. Что каждый миг для нее станет как ходьба над пропастью и что однажды я могу проснуться и узнать, что ее больше нет.

— Почему?

Кажется, это был второй мой вопрос за все время нашей беседы.

— Почему он заставил ее... — Я осеклась и поправилась: — Почему он этого захотел?

— До того как появилась ты, он действительно проводил с ней много времени. Я бы сказала, больше, чем можно себе представить. Он вел себя иначе, чем его отец, никогда не обещал, что Ибри будет его единственной, но в какой-то мере... наверное, ее любил.

Да, как он любит всех.

К счастью, ядовитые слова я удержала, потому что боль Мэррис действительно сквозила в каждом слове.

— Он ничего ей не обещал, но Ибри надеялась на возможность остаться рядом с сыном и его растить. Разумеется, не во дворце.

Разумеется.

То же самое предлагали и мне.

— Я ей не соперница, Мэррис, — сказала я. — У меня нет желания бороться за мужчину, который сам не знает, чего он хочет.

— Он знает, — усмехнулась она. — Он не хочет быть слабым. Не хочет любить.

— Слабости ему точно не грозят.

Потому что он не любит никого, кроме себя.

Мы замолчали и какое-то время просто сидели рядом. Обрывки мыслей, которые меня посещали — о Джеавир, о нашей дружбе, о том, что увидела, я отбрасывала сразу, не позволяя им собой завладеть. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем Мэррис наконец поднялась.

— Попрошу, чтобы прибрали комнаты. Скажу, что опрокинула лампу...

— Я такое уже говорила. Помнишь?

Она усмехнулась.

— Значит, скажу, что ты запустила лампой в меня, когда я попыталась вернуть тебя на праздник.

Я пожала плечами.

— Нужно вернуться, Теарин. Ты знаешь это не хуже меня.

— Знаю.

Мэррис кивнула.

— Не показывай своих чувств. Не давай никому возможности видеть то, что творится внутри, даже если очень больно. И не принимай

поспешных решений, на горячую голову решения не принимаются.

Я поднялась, а распорядительница снова шагнула ко мне и легко сжала мою руку.

— Ты действительно была к ней добра. Спасибо за все, что ты для нее сделала. И прости за то, что я наговорила тебе сегодня.

Мне отчаянно, до дрожи, хотелось оказаться в ее объятиях и на миг забыть обо всем, но Мэррис права: никому не стоит видеть то, что творится внутри.

— Возвращаемся? — коротко спросила я.

И когда распорядительница отпустила мою руку, первой шагнула к дверям.

Зингсприд, Аронгара

Меня разбудили странные звуки: жужжание и глухое мычание под раскатистые басы. Чувство было такое, что у соседей за стеной намечалась вечеринка с неисправной стереосистемой, я сквозь сон пожелала им благополучно потанцевать, повернулась на другой бок и... вписалась носом в прикрытую шерстью чешую. Только сейчас до меня дошло, что если бы даже вечеринка была, то она явно до меня бы не донеслась: в этой квартире звукоизоляция была потрясающая. Еще до меня дошло, что я уткнулась лицом в ляжку Бэрри, которая повернулась ко мне задом и накрыла своей полудраконистой тушей мобильный.

Мобильный!

— Бэрри! — рыкнула я, и виари подскочила, а я выдернула из-под нее смартфон.

Который, разумеется, уже перестал звонить, и на нем значился пропущенный от Гроу.

Так я не ругалась уже давно: разбитый дисплей не реагировал, когда я лезла в контакты и пыталась набрать номер. С пятого раза у меня получилось, и я села на постели, чувствуя, как в ритм гудкам колотится сердце.

— Привет. — Голос не слушался, потому что я не ожидала, что Гроу включит видеосвязь. И уж тем более не готова была увидеть идущее трещинами изображение.

Первое, что бросилось в глаза — таэрран на нем нет, а еще он выглядел так, как человек, который не спал всю ночь. Точнее, он и не спал всю ночь.

— Он в коме. Прогнозы неутешительные.

Он произнес это слишком спокойно, и под этим «слишком спокойно», которое я хорошо изучила, крылось столько всего, что мне стало нечем дышать. Вместе с дыханием пропал и голос, потому что я совершенно не представляла, что говорить в таких ситуациях. Дурацкое: «Мне очень жаль», «Все будет хорошо» и прочую чешуйню в том же ключе?

Я поднялась и отошла к окну.

— Джерман, я приеду, — сказала я и поразилась тому, как спокойно звучит мой голос. — Сейчас мне нужно утрясти один вопрос с Леоной, но я все решу и приеду, мне просто...

— Не стоит, Танни.

Не стоит? Что значит не стоит?

— Все кончено.

Что?

— Между нами, Танни. Мы расстаемся.

Наверное, я еще сплю, подумалось мне. Сплю, и мне снится очередной бредовый кошмар, потому что не может же это быть так — походя, между делом, в день, когда его отец попал в страшную аварию?

— Джерман, ты...

— Ты была права. Таэрран не для меня, поэтому я остаюсь в Ферверне.

— Разумеется, ты остаешься в Ферверне. Твой отец...

— Нет, это никак не связано с моим отцом. — Из-за разбитого дисплея создавалось впечатление, что я смотрю на осколки того, кого люблю. — Просто мне нужно кое-что другое.

— Я тебе не верю, — сказала я, вглядываясь в стену за его спиной: судя по всему, это был холл для VIP-клиентов в больнице или что-то вроде того.

— Во что ты не веришь? В то, что я не хочу продолжать с тобой отношения?

Не надо. Не делай это со мной, хотела сказать я, но вместо этого спросила:

— Это из-за того, что я приехала на заседание? Или ты просто внезапно решил, что мы не подходим друг другу?

— А есть разница?

Пустота, которая меня затопила, сейчас заполнялась ядом отчаяния и ярости, как камера в ужастике — отравляющим газом.

— Представь себе, — сказала я. — Разница есть. Есть разница в том, чтобы сказать: мы не подходим друг другу, и в том, чтобы сказать — у нас серьезная проблема, Танни, давай поговорим, когда придем в себя.

Джерман, у тебя отец в коме, я хочу быть рядом с тобой. Это ты понимаешь?

— Понимаю. Но я этого не хочу.

Я вглядывалась в его лицо, пытаюсь найти хоть что-то, хоть какое-то опровержение его словам, и не находила. Он смотрел на меня так, как будто уже все решил, он на меня не орал, не выдвигал претензии, и я вдруг отчетливо поняла, что, наверное, именно так и выглядит конец отношений. Когда все, вместо эмоций — пустота.

Именно в эту минуту меня затрясло: на миг даже показалось, что телефон сейчас запрыгает в руке, но нет. Я и хотела бы что-то сказать, но слова во мне кончились, снова. За такой короткий промежуток времени не нашлось больше ни одного слова, кроме одной-единственной мысли, которую я озвучила:

— Я все равно приеду.

— И в этом ты вся, Танни. — Это прозвучало ужасающе равнодушно в аккомпанемент разрастающемуся внутри меня отчаянию, а потом я услышала какой-то шум, и Гроу отвернулся. — Да, Сиб. Иду.

Оставшиеся полминуты я смотрела на него, не то стараясь тщательно запомнить это лицо, чтобы вытаскивать его всякий раз, когда мне будет очень больно, и вспоминать это равнодушие, не то потому, что просто не могла отвести взгляд.

— Надеюсь, он поправится, — все-таки вытолкнула из себя.

А потом нажала отбой.

Бэрри спрыгнула с кровати, подошла ко мне и потерлась о ногу, я потрепала ее по голове, не зная, куда девать другую руку и телефон, потом направилась к двери. Мне нужно было что-то делать, обрывки мыслей складывались в какой-то кошмарный бред, потом рассыпались. Усилием воли я зацепилась за образ Фертрана Гранхарсена.

Сейчас мне казалось странным представлять, что этот мужчина в коме, и даже ультрасовременная медицина не может его вытащить. Сильный, яростный и жесткий ирлхан, с которым я пересеклась всего один раз в жизни, отец Джермана. В коме.

Нет, Танни, неправильная мысль.

Я вытолкнула себя на поверхность, как в тот день, когда упала в бассейн, и меня захлестнуло очередной мыслью.

Все. Кончено.

Где-то в глубине (сердца или прочего ливера) рождалось что-то похожее на огненный смерч, но я его гасила, не позволяя набрать силу. Не хотела обратиться в пепел раньше, чем дойду до кухни и выпью воды.

До кухни я все-таки дошла, воды выпила.

Поняла, что стою на том самом месте, где Гроу меня обнимал, совершенно бессовестным образом забираясь под майку руками.

Это тоже неправильная мысль. А правильная — «Да, Сиб. Иду».

И еще одна. «Все кончено».

Глубоко вздохнув, я посмотрела на Бэрри, которая спустилась следом за мной. Поняла, что задыхаюсь, поэтому глубоко вдохнула еще раз. Слез не было, не было даже кома в горле, не осталось вообще ничего, словно, пока я тащилась сюда, огненный смерч все-таки прошелся внутри меня и вымел подчистую все чувства.

— Бэрри, как ты смотришь на ночные прогулки? — спросила я. — Потому что мне совсем не хочется спать.

— Виу.

На часах было около трех утра, но я все равно направилась в коридор и помахала поводком. Ничего, всяко лучше, чем сидеть здесь. Заодно и вальцгарды разомнутся.

Даармарх, Огненные земли

— У меня самая красивая сестра в мире, — заявил Сарр.

Вальяжно (без преувеличения) развалившись в кресле, он ел фрукты, не забывая поглядывать в сторону дверей. Оттуда вот-вот должны были появиться Лирхэн и Фархи, но интересовала брата преимущественно Лирхэн. За последнее время я не раз и не два замечала, какими взглядами он награждает мою нэри: раскрытие огня для иртхана равносильно взрослению, с момента первой вспышки пламени мальчик становится мужчиной очень быстро.

— Спасибо, — произнесла я.

Желания смотреть на себя в зеркало у меня не возникало: насмотрелась и на золотое платье, пока служанки помогали мне одеваться, и на прическу, которой занимались больше трех часов, старательно закрепляя тяжелые волосы, чтобы они не рассыпались. Учитывая, что я снова собиралась танцевать в огне, это было очень кстати.

— О чем задумалась?

— Вспоминала шоу Наррза.

— Пфф! Нашла, о чем вспоминать. — Брат поднялся и подошел ко мне. — Я вот, наоборот, надеюсь забыть это как страшный сон.

— Ты здесь счастлив? — спросила я.

Спросила в упор, но Сарр не заметил моего настроения.

— Да уж гораздо больше, чем когда выгребал виарий навоз.

Я улыбнулась.

— Здесь тебя не заставляют его выгребать?

Сарр фыркнул.

— Нет, у нас даже наказания за провинности связаны с физическими тренировками. Ну, я имею в виду, гонять будут в два раза сильнее. Если совсем что-то отчудил, тогда уже под землю или таэрран. Но за все время, что я здесь, такого не было.

Было. Когда мы только приехали.

Но этого я говорить не стала. Вчера не раз и не два думала над предложением Янгеррда, вычисляя все «за» и «против», но мотивы ледяного по-прежнему оставались для меня загадкой. Предполагать я могла все что угодно — начиная от желания заручиться поддержкой дочери ильеррского правителя (ради чего — пока неясно) и заканчивая банальной скукой, как было у Витхара. Я ему понравилась, он меня забрал. Гадать можно было до бесконечности, но сейчас главное для меня Сарр и ребенок. Где будет лучше им.

Каково им будет на Севере, где их огонь будет чужим всем и каждому?

— Местари Ильеррская, нам пора. — Обернувшись на голос Лирхэн, Сарр чуть не выронил маларрнелу, но девушка на него не смотрела. Я бы сказала, упорно на него не смотрела, потому что избегала даже повернуться к нему.

— Иду. — Проходя мимо недовольного брата, заметила: — Смелость проявляется не только в умении призвать дракона.

Братец покосился на меня и хмыкнул.

— Удачи, сестренка.

Перехватив бросившегося за мной Дири, скомандовал:

— Назад! — И подросший виаренок покорно плюхнулся на пол, а мы вместе с нэри вышли в коридоры.

Им и хаальварнам предстояло сопроводить меня к Даармархскому, после чего мы, как правящие вместе, должны были встречать гостей, но я не чувствовала по этому поводу ничего. Должна была, но не чувствовала: после разговора с Мэррис крепко заперла свои эмоции, и, видимо, сейчас они отказывались отзываться. Тогда мне было нужно успокоиться, чтобы не спалить дворец, и у меня это получилось. Я даже о Джеавир думала отстраненно, как будто это все случилось не со мной. Она тоже не порывалась со мной общаться, в гости не заглядывала, а сегодня за обедом мы сидели далекие, как небо и земля, хотя могли коснуться друг друга руками.

Видимо, в тот вечер Джеавир тоже поняла, что дружбы у нас не получится.

Коридоры и переходы сливались перед глазами, шум океана сопровождал нас, когда мы пересекали балконы. Знакомый зал, двери в кабинет Даармархского. Стоило мне войти, он поднялся, шагнул навстречу.

— Местари Ильеррская.

Что-то шевельнулось в груди, но это что-то я безжалостно придушила. Мужчина, стоявший передо мной, никогда не станет моим. Моим в том самом смысле, когда пламя — одно на двоих, когда даже одного пламени хватит, чтобы соединить нас.

Все это глупости.

— Местар. — Я подала ему руку.

— Как ты себя чувствуешь? — неожиданно спросил он.

За этот вопрос мне захотелось наступить ему на ногу, а еще лучше — подпалить что-нибудь.

— Чудесно. — Я улыбнулась. — Разве может быть иначе? Сегодня мой вечер.

Даармархский вглядывался в мое лицо так, словно надеялся там найти что-то, и не находил. Поэтому просто коснулся моей руки.

— Пойдем.

Я была не против. Находиться наедине с ним мне противопоказано, лучше уж там, где быть сильной приходится по определению. Сегодняшний вечер нам предстояло полностью провести в зале, в котором я (как мне сейчас казалось, безумно давно) представилась и рассказала свою историю собравшимся иртханам.

— Значит, танцы, — произнес Витхар, когда мы подходили к залу.

— Это у меня получается лучше всего.

Он снова пристально на меня посмотрел, но я не повернулась. Хаальварны распахнули двери, и мы шагнули вперед: так же как и все претендентки, что делали это до меня. Насколько мне было известно, после этого испытания невест станет меньше, но меня это мало беспокоило. У всех участниц уже не будет отбоя от желающих разделить огонь с той, кого счел достойной сам Даармархский.

Встречали нас волной голосов, прокатившейся по залу и оборвавшейся тишиной, когда дракон поднял руку. Пусть даже Сарр ненавидел шоу Наррза, оно мне многое дало: например, научило воспринимать игру как часть жизни. Когда представляешь, что все это происходит не с тобой, и смотришь со стороны, эмоции отключаются, остаются только сосредоточенность и трезвый разум, которые мне сейчас жизненно

необходимы.

— Добро пожаловать в Аринту, — произнес он. — Сегодняшний вечер мы проведем так, как пожелает моя супруга.

О да, супруга ваша сейчас пожелает, местар.

— Моя прекрасная Теарин. — Не будь шоу Наррза, я бы вряд ли смогла все это пережить, особенно когда ладонь Даармархского легла на мою руку в точности так же, как недавно — на пальчики Джеавир. — Встречайте правительницу Даармарха!

Волна аплодисментов подхватила его голос, встреча «правительницы Даармарха» была такой же бурной, как и в предыдущие вечера. Это никак не зависело от симпатий или антипатий, или от программы, которую устраивали девушки. Все происходило по одному и тому же сценарию, разве что диадемы у правительниц были разные. Моя была золотой, как когда-то у моей матери, золото — один из цветов Ильерры.

— Добро пожаловать в Аринту, — отзываюсь я и, когда овации затихают, продолжаю: — Рада видеть вас и приветствовать вместе с моим супругом.

Могу же я позволить себе быть банальной? Пусть все считают, что все будет скучно... или не считают. Мне хочется свободы, и сегодня я могу себе ее позволить, потому что, как правильно сказал Витхар, это мой вечер.

— Наши традиции уходят корнями в древность. — Я улыбаюсь и обвожу взглядом зал. — В далекую древность, когда супруги смешивали кровь, чтобы их пламя получило возможность объединиться задолго до первой близости.

Кто-то в толпе ахает, рука Даармархского напрягается под моей, но я не собираюсь повторять историю с первым знакомством.

— Эта традиция несет в себе гораздо больше смысла, чем мы привыкли считать. Обмен пламенем — самое сокровенное, это не просто дань обручению, это суть доверия. Когда два огня сливаются воедино и становятся одним целым, рождается новая жизнь. И я сейчас не о детях.

Вот теперь в толпе раздаются смешки, а я наконец-то смотрю на Даармархского, легко касаясь пальцами его запястья.

— Супружество — нерушимый оплот, единение и доверие. Если этого нет, пара обречена. — Снова обвожу взглядом толпу. — Именно поэтому сегодня у нас будет не совсем обычный праздник. Мы поменяемся: ненадолго, всего на один вечер вы примете волю своих жен, как свою собственную. На танец вас тоже будут приглашать они, а за столом станут за вами ухаживать. Почувствуйте то, что испытываете сами, когда дарите им свою любовь.

Я улыбнулась и снова посмотрела Витхару в глаза: на миг, чтобы тут же вернуться к гостям.

— Только на один вечер. Доверьтесь единству пламени, объединившего вас. И пусть наш праздник запомнится вам надолго!

Пока иртыханы приходили в себя, зазвучала музыка. Музыканты сидели в центре зала, но благодаря акустике мелодия проникала в каждый его уголок.

— Теар-р-рин, — раздалось рычание.

— Да, местар? — Я взглянула на него.

— По-твоему, это смешно? — Огня в глазах Даармархского не было, он тщательно его сдерживал, судя по окаменевшей руке и играющим желвакам.

— По-моему, это чудесно, — заметила я, поглаживая его предплечье. — Власть... когда можешь творить все что угодно. Нарушать все правила и наслаждаться этим. Но самое главное, когда все безоговорочно принимают твою волю. Правда, интересное чувство?

Дракон попытался меня увести, но я покачала головой и отняла руку.

— Местар! Вы забыли. Сегодня я задаю тон.

Судя по выражению его лица, он был готов меня убить. К нам подходили пары, мы приветствовали их, вот только, в отличие от всех предыдущих вечеров, не было в этом ничего официального. Я ловила во взглядах все что угодно — начиная от раздражения и непонимания до восхищения, но равнодушным к моему предложению явно не остался никто.

— Потанцуем, местар? — поинтересовалась я, когда часть с приветствиями закончилась.

Даармархский скрипнул зубами, а я уже положила ладонь ему на талию, глядя в глаза.

— Вы чем-то недовольны? Ведь я сегодня ваша. Только ваша на весь этот вечер! Целый вечер, местар.

Судя по тому, как резко меня увели в мелодию, недоволен он действительно был, причем недоволен — это слабо сказано.

— Знаете, что самое замечательное? — Вторую руку я положила ему на плечо, позволяя себя вести. — Гости думают, что все это с вашего дозволения, поэтому неодобрения не выскажут. А вы не выскажете, потому что гости так думают, потому что ловушка власти и силы именно в этом. Сильным надо быть всегда, поддаться чувствам — нет, это не для вас.

Ладонь на моей талии напряглась еще сильнее.

— Издеваешься? — произнес он, глядя мне в глаза.

— Ну что вы. Я еще даже не начинала, — мило улыбнулась.

— Теарин...

— Да, местар?

Судя по тому, что творилось в зале (по бурлящему над нами огню), высшее общество было взбудоражено не меньше, если бы я вышла сегодня голый. Хотя сдается мне, обнаженная ир்தханесса такого эффекта не произведет.

— Ты понимаешь, что сейчас рушишь многовековые устои?

— Не драматизируйте, местар. Один вечер ничего не изменит.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так. Достаточно одной искры, чтобы общество осознало, что такая возможность...

— Такая возможность, — я сделала шаг назад, подчиняясь ритму танца, — позволит женщинам понять, что они способны на большее. То, в чем им старательно отказывали все это время, у них в руках.

— Или спровоцирует конфликты.

— Конфликты ведут к расширению границ. Кому, как не вам, это знать.

Ноздри Даармархского дрогнули, тем не менее в сторону он меня увел в нужное время и даже не сбился с шага. Огонь над залом набирал обороты, танцующих становилось все больше, и я могла поклясться, что, несмотря на отсутствие артистов и развлечений, скучать сейчас не приходится никому. Ничего, высшему обществу Аринты давно была нужна подобная встряска.

Даармархский мрачно молчал, а я, воспользовавшись нашим кружением по залу, поискала Янгеррда взглядом. Он танцевал с ир்தханессой, кажется, дочерью одного из гостей (я помнила их по недавнему приветствию), но мой взгляд словно почувствовал и коротко вернул его мне. Ледяные стрелы сейчас были очень даже кстати, потому что, вопреки разуму, прикосновения Витхара разжигали внутри огонь, который мне сейчас вовсе ни к чему. Особенно ни к чему, учитывая бьющуюся во мне жизнь. Если Даармархский что-то почувствует...

Но он чувствовал, как всегда, исключительно уязвленное самолюбие.

— Что ты планируешь делать дальше? — резко спросил дракон, когда танец закончился.

— Есть. Пить. Гулять. Развлекаться. — Я пожала плечами. — Мне кажется или вы немного напряжены, местар?

Скользнула пальчиками по его предплечью, а потом накрыла ладонью руку, как он вчера поступил с Джеавир.

— Хотите пройтись?

Что-то скрежетнуло сквозь новую мелодию, видимо, местар не справлялся с челюстями.

— Танцевать? — улыбнулась я. — Хорошо. Тогда...

— Подышим воздухом, Теарин, — сквозь зубы процедил дракон.

— И оставим гостей одних? Вам не кажется, что это невежливо?

— Мы быстро вернемся.

Я посмотрела на него, словно действительно размышляла, а потом покачала головой.

— Пожалуй... нет. Не после первого танца. О! К нам идут...

К нам действительно подходили гости, и мы общались на самые разные темы. Танцевали и снова разговаривали, благо поддержать беседу я могла на любую тему. Сказывались и часы, проведенные в библиотеке отца, и общение с матерью. В минуты, когда мы оставались в танце наедине, мне казалось, что Даармархский просто утащит меня из зала, но он справлялся. С переменным успехом.

Когда в зал хлынули слуги, чтобы накрывать на столы, гости устремились в огромные распахнутые двери, ведущие на расположенные друг напротив друга большие балконы, я кивнула в сторону дальней арки.

— Мне кажется или вы хотите о чем-то поговорить, местар?

Местар исполнил свою мечту и все-таки вытащил меня из зала, на этот раз взгляд Янггерда я скорее почувствовала, чем увидела, но оборачиваться не стала. Меня буквально проволокли по коридорам, втокнули в кабинет и захлопнули двери с таким грохотом, что лепнина только чудом не осыпалась на шевелюру дракона.

— Что ты устроила?! — прорычал он, впервые за весь вечер впуская в свой взгляд огонь.

— Я думала, что с этим мы уже разобрались. — Я нахмурилась. — Если вам не понравился прием, так и скажите, но судя по настроению в зале, у большинства другое мнение. Когда вас день за днем стоняют посмотреть на сто пятидесятое выступление артистов, от них начинает слегка тошнить. Равно как и от представлений. Ваши подданные счастливы, что сегодня предоставлены сами себе.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

Дракон шагнул вплотную, яростный взгляд вонзился в меня, отозвавшись в самой глубине моего существа. Огонек внутри тут же вспыхнул, но я его приглушила.

Нельзя, маленький. Не сейчас.

— Я знаю, что вы привыкли все контролировать, местар, — сказала, с трудом справляясь со своими эмоциями. — Но в жизни нельзя

контролировать все. То, что вы считаете своей силой, может обернуться слабостью, как это случилось сегодня. Ничего, такое случается. Если это все, о чем вы хотели поговорить, предлагаю вернуться к гостям. Некрасиво, если по нашей вине задержат ужин. Я слышала, что многие проголодались.

Обойти себя мне не дали, обжигая огнем, перехватывая за руку и толкая к стене. В следующее мгновение я уже была вжата в нее сильным телом разъяренного дракона. Насколько разъяренного, я поняла, когда с пальцев Даармархского сорвалось пламя, лизнув стены и тут же оседая пеплом. Так же, как осыпалось что-то внутри меня, когда полыхающий алым взгляд прошелся по моему лицу.

— Что происходит между тобой и Флангеррманским?! — прорычал Витхар.

— Не больше и не меньше того, что происходит между тобой и остальными претендентками. — Я стряхнула с себя наваждение его пламени.

Вот как хочет, так пусть и понимает.

— Хочешь, чтобы я вызвал его на поединок? — Пламени в глазах стало больше.

— Нет. Не хочу. Хотя, возможно, ради разнообразия тебе не помешает сразиться за женщину, потому что в последнее время они только и делают, что сражаются за тебя. — Я уперлась ладонями ему в грудь и, прежде чем в меня ударила огненная волна, добавила: — У нас осталось не так много времени, чтобы наше отсутствие осталось незамеченным, Витхар.

— Незамеченным оно уже не останется. — Резким рывком оттолкнувшись от стены, он скомандовал: — Руку, местари Ильеррская.

— Сегодня приказываю я. — Я вскинула голову.

Пламя все-таки прокатилось по комнате, но я готовилась к сегодняшнему вечеру и к реакции дракона — тоже. Поэтому сейчас мне удалось остаться спокойной.

— Ни одна женщина не будет мне приказывать, — прорычал Даармархский.

— А мне — ни один мужчина, — не отвела взгляда. — Поэтому либо мы общаемся на равных, либо не общаемся никак. Выбирай. Я могу прямо сейчас вернуться к себе, и наше отсутствие, как ты уже говорил, точно не останется незамеченным. Или я могу вернуться с тобой, и это не будет отличаться от твоих уединений с другими девушками.

Дракон пристально на меня посмотрел, а потом неожиданно предложил руку.

— Хорошо. Возвращаемся.

И мы вернулись, хотя от напряжения подрагивала каждая клеточка тела. Улыбаться становилось все сложнее, прическа казалась неимоверно тяжелой, как и платье. Тем не менее гости действительно были довольны, сегодня им не нужно было восхищаться представлениями, демонстрируемой силой претенденток (некоторые решили взять с Эсмиры «пример» и включили это в свою программу), или чем бы то ни было еще.

Впрочем, за ужином было кое-что, призванное оттенить сегодняшней вечер. Танцовщицы, которых я выбирала лично, языками пламени вспарывали полумрак зала, привлекая всеобщее расслабленное внимание. Пламенно-яркие платья, движения, напоминающие то вихри огня, то ночные костры, то дыхание драконов. У каждого танца было свое настроение, жаркое или уютное, согревающее или обжигающее.

— Необычное решение, — обратилась ко мне одна ир்தханесса, пока ее муж общался с Витхаром.

— Да, я подумала, что сегодня всем стоит просто отдохнуть и насладиться новыми непривычными ощущениями.

— Вам не кажется, что от будущей правительницы все ждали чего-то...

— Обычного? — уточнила я. — Возможно. Но будущая правительница должна видеть, когда гостей лучше оставить в покое, а когда развлекать.

Женщина улыбнулась, явно собираясь что-то сказать, но в этот момент к нам повернулся ее муж, и она положила ладонь на сгиб его локтя. Не считая огненных взглядов, которые сыпались на меня отовсюду (за ними терялись даже взгляды Эсмиры и Хеллирии, одна из которых явно хотела меня испепелить, а другая — заморозить), все было замечательно.

Джеавир на меня не смотрела, точнее, старательно избегала, но пересекаться нам случалось нечасто. Среди такого количества гостей, желающих с нами пообщаться, с ней мы столкнулись от силы раза два. Когда ужин закончился и мы с Витхаром поднялись, я произнесла:

— Спасибо всем, кто сегодня здесь с нами, — обвела взглядом собравшихся. — Спасибо всем, кто отозвался на наше с супругом гостеприимство. Но прежде чем вечер закончится, я бы хотела поблагодарить вас всех танцем, который посвящаю моему супругу и Аринте. Великой столице Даармарха, огонь которой никогда не иссякнет.

О танце Даармархский знал, поэтому даже не удивился, когда под оглушающую тишину я вышла в центр зала. Точнее, туда, где впервые представилась обществу Даармарха как претендентка отбора. Наверное, это было моей ошибкой: я с самого начала ею не была. Не могла стать, потому что, рожденная в Ильерре, в любви и свободе, я никогда не смогла бы

сражаться за мужчину с другими женщинами и уж тем более разделить его с кем-то.

Жаль, что он этого так и не понял.

Стоя в центре зала под пристальными взглядами собравшихся, я дожидалась, пока слуги расчертят пол дорожками горючего порошка, а мне подадут факел. Музыканты больше не играли, все присутствующие замерли, и даже Витхар смотрел только на меня. Я же думала о том, что мне предстоит. О чувствах, которые, запертые во мне, могли обрести свободу только в танце. О том, что это последний мой танец для него.

Факел удобно лег в руку, и когда его языки лизнули темный ручеек справа от меня, пламя взметнулось ввысь. Побежало по проложенному пути, и его рождение повторяла музыка. Музыка, бьющая в самое сердце (я сама ее подбирала, и мы с музыкантами репетировали каждый день, настраивая на танец, как инструмент), подбросила мою руку ввысь. Слуга перехватил факел и отступил, а я шагнула вперед.

Мелодия летела, как расправивший крылья дракон, и я летела вместе с ней, распахнув руки, позволяя платью парить между полосами огня.

Падала вниз, до едва звучащей тончайшими нотами тишины, и я падала вместе с ней, чтобы подняться снова. Взгляд Витхара, темный, как ночь, был моей тьмой, и пламя в нем было и моим тоже. Когда-то разделенным на двоих, как скользящие между пальцев языки пламени, когда я скользила над полом, чтобы снова взмыть ввысь.

Вдох. Поворот.

Ледяной взгляд Янгеррда, который тут же разлетается под брызгами искрящего на полу пламени.

Рывок — и плавный переход, уводящий меня в сторону, где среди нэри и претенденток изваянием застыла Мэррис. По ее лицу не понять, что она думает, особенно за такой краткий миг, когда я снова взлетаю вверх, на миг оторвавшись от земли.

Музыка становится быстрее, быстрее и быстрее, она уже не льется, обрушивается на зал водопадом. Водопадом огня, в который я падаю, чтобы спустя мгновение вынырнуть на поверхность, вскинув руки, вдыхая полной грудью под воспламеняющим взглядом Даармархского.

Возможно, именно поэтому я упустила мгновение, когда порыв ветра швырнул огонь мне в лицо. Не только в лицо — на платье, на волосы, и золото ткани вспыхнуло по-настоящему.

Дыхание перехватило от жара набросившегося на меня пламени, музыка оборвалась, кто-то оглушительно закричал, в груди полыхнуло. Я сбросила пламя с себя, как сбросила бы горящую одежду — рывком,

разметала в стороны, стряхивая последние искры с волос и тлеющего подола.

Тишина, воцарившаяся в зале, была тяжелой. Все смотрели на меня, все без исключения, чувство было такое, что никто не дышал.

Разве что Витхар, чье лицо в размытой толпе обозначилось резче всего.

Я опустила глаза и увидела на своих ладонях язычки пламени.

ГЛАВА 16

Зингсприд, Аронгара

— Ты откуда такая взъерошенная? — спросил Ленард, когда я подлетела к бургерной, у которой мы договорились встретиться.

— Оттуда, — неопределенно махнула рукой.

— Классный ответ. Привет, ребята. — Он помахал Единичке с напарником. — Ну что, пойдём?

— Если тебя не смущает, что с нами пойдут они.

— А должно?

Мы направились в сторону набережной, но очень скоро поняли, что это плохая идея: солнце палило так, что даже кепка с козырьком не спасала. Что уж говорить о вальцгардах.

— Может, поесть? — предложила я.

— Ну-у-у...

— Не переживай, я плачу.

— Я не хочу, чтобы за меня платила девчонка!

— Вообще-то я не девчонка, — сказала я. — А твоя сестра.

— По сценарию.

Иногда лучше по сценарию, подумалось мне, но вслух я этого не сказала.

— В общем, я не ела со вчерашнего дня, поэтому идем жрать.

Сеть кофеен «В кругу друзей» отличалась уютным оформлением в кремовых и оранжевых тонах, которое не менялось из года в год, большим потоком людей и неплохим меню. Здесь можно было отлично позавтракать, неплохо пообедать и даже поужинать, в будние дни предлагался бизнес-ланч.

— Ну, как дела? — спросила я, когда мы с Ленардом и вальцгардами устроились за угловым столиком и сделали заказ.

Ленард покосился на мое сопровождение.

— Считай, что нас здесь нет, — сказал Рон.

— Но вы есть, — хмыкнул Ленард.

— Ты собираешься ругать власть или обсуждать правительственные секреты?

Парень фыркнул.

— Тогда можешь смело говорить.

— А ты теперь вообще без них никуда, да?

— Вообще, — подтвердила я.

Сегодня выяснилось, что теперь они не отходят от меня ни на шаг, но мне лениво было сопротивляться. Мне вообще все было лениво, возможно, дело было в том, что я не спала всю ночь.

— Дела нормально. В общем-то. — Он неопределенно пожал плечами. — А у тебя как?

— У меня... тоже нормально.

В общем-то.

Потрясающий у нас получался разговор.

— Слушай, я видел в новостях... ну, про отца Гроу. Он там надолго, да?

Навсегда.

— Ага.

— А ты к нему разве не поедешь?

Я старательно не думала о Гроу все это время. У меня даже начало получаться после просмотра четвертой квартиры (удивительно, сколько агентов в Зингсприде с радостью бегали со мной в воскресенье, чтобы показать жилье). Пока что мне понравилась одна студия и одна квартира, достаточно дорогая, потому что двухкомнатная. Впрочем, понравились — это так, вялотекущее. На сей раз я испытывала смутное желание забрать Бэрри и свалить куда-нибудь из страны. Или хотя бы из города, потому что в первом случае возникали проблемы с визой и с Леоной.

— Я что-то не то спросил?

— Пойду, руки помою, — сообщил Единичка будничным тоном.

Его напарник поднялся вместе с ним, но следом не пошел, остановился в двух шагах от нашего столика у стены, стараясь слиться с интерьером. У него не получалось, потому что костюм был достаточно темный, а дизайн кофейни — светлый.

— Мы расстались, — сказала я.

— Чего?

Ленард моргнул.

— Расстались. Мы.

Может, если это повторять почаще, до меня наконец дойдет.

— Дерьмо, — сказал Ленард.

Ну, как-то так.

— Слушай, я не знал. Прости.

— Разумеется. Откуда ты мог знать. — С губ сорвался смешок.

Учитывая, что я ни с кем об этом не говорила, даже с собой,

старательно забивая мозги архивами Ильеррской, смешок вышел нервным.

— Тан...

— Давай просто замнем, ага?

— Давай. — Ленард кивнул.

Нам принесли кофе, и я подтянула чашку к себе. «Оранжевое настроение», так назывался ультрамодный напиток, который сейчас подавали везде. Благодаря добавке из особых трав цвет у него становился насыщенно-оранжевым, а из-за того, что кофе здесь было очень мало, пить его можно было в драконьих дозах, все равно мозги не сварятся. Подошедший вальцгард взял свою чашку с убойно крепким кофе и отошел, а я посмотрела в окно.

Какую квартиру снять?

Для Бэрри все равно нужно заверять ветпаспорт, сразу с ней уехать не получится. На Центральной ветстанции должны проверить, что у нее все в порядке и она не сожрет никого из желающих куда-нибудь телепортануться.

— А у меня засада, — неожиданно сказал Ленард, раскручивая стакан с шипучкой в разные стороны.

— Засада? — поинтересовалась я.

— Угу. Тетка на неделе обсуждала с юристом возможность получить контроль над моим счетом. Ну, вроде как потому, что я на нее свалился неожиданно, и ей потребуются дополнительные средства на подростка, которому столько всего нужно.

Я вскинула брови.

— Это же бред!

— Ну, вообще-то не совсем. Моим счетом до совершеннолетия распоряжались родители, а когда она официально станет моим опекуном... Да чешуя бы с ней. — Он махнул рукой и все-таки отпил шипучку. — Она собирается увезти меня. Во Флангстон.

— Во Флангстон? — переспросила я. — Какой Флангстон? У тебя же контракт.

Да чешуя бы с ним, выражаясь словами Ленарда, с контрактом, у него здесь все. Память о родителях, школа, друзья, от которых его просто нельзя сейчас забирать. Или в чью-то светлую голову эта мысль не доходит?

— Контракт она хочет расторгнуть, — заметил Ленард и замолчал: принесли сэндвичи.

— Она не имеет права.

— В общем, имеет. Как опекун. То есть будет иметь, когда все закончится. Часть средств она, конечно, потеряет из-за неустойки, но...

— А психолог что на этот счет говорит?

— Говорит, что мне полезно будет сменить обстановку и разорвать связь с местом трагедии.

Кажется, кто-то учился на тройки. Или этот мир сошел с ума.

— Так, — решительно сказала я. — Сейчас доедим все...

При этом организм вяло булькнул: мол, отстань, не хочу я есть. «Жри», — сурово сказала я и откусила большой кусок сэндвича.

— Доедим и поедем к тебе, — сообщила, когда прожевала. — Я с ней поговорю.

Ленард неуверенно на меня посмотрел.

— Точно?

— Что-то не так?

— Ну... тетка... она, в общем, не всегда приятная в общении.

— Я тоже не всегда приятная в общении.

— Она юрист по первому образованию и очень любит сыпать всякими терминами...

— Я ни чешуйки не понимаю в терминах, — сказала я. — Зато понимаю, что уезжать тебе нельзя. Ешь давай.

Ленард заметно повеселел, и шипучка пошла быстрее.

У меня тоже. Не шипучка, «оранжевое настроение» и сэндвичи. Как ни странно, обратно съеденное не полезло (хотя еще пару минут назад я была уверена, что вот-вот подавлюсь), а вслед за первым сэндвичем хорошо ушли еще два, пока не принесли суп. Вальцгарды сурово пили кофе у стен, на них косились, на нас косились, но я уже привыкла.

— Как зовут тетку? — спросила я, когда мы вышли из кофейни.

— Виалия Мэрдсток.

— Она замужем?

— Не-а.

Уже хорошо. Нет особых причин увозить Ленарда из Зингсприда, кроме своей хотелки.

— В следующий раз гулять будем вечером, — сказала я, чувствуя, что запекаюсь до хрустящей корочки, пока мы дошли до флайса.

— Это уж точно.

Не знаю, как насчет точно, но сейчас настроение у меня было самое решительное. Группа поддержки, читай вальцгарды, выступала у меня из-за спины, когда тетка Ленарда открыла дверь. Сначала дверь, потом рот. Потом закрыла. Только рот, к счастью, потому что второй раз так эффектно появиться у меня бы уже не получилось.

— Эсса Мэрдсток, добрый день. Меня зовут Танни Ладэ, и я бы хотела

поговорить о вашем племяннике.

Не знаю, сработал мой уверенный тон или сопровождение за спиной, но женщина отступила в сторону. Ленард вошел первым, я за ним, следом двинулись вальцгарды.

— Вы, простите, кто такие? — На этом моменте его тетка пришла в себя.

— Мои телохранители, — заметила я.

— А ваши телохранители, — она сделала упор на последнее слово, — не могут подождать за дверью?

— Не можем, — за меня ответил Рон. — У нас приказ.

— Чей?

— Первой леди.

Не знаю, смотрела ли Виалия Мэрдсток новости или вообще была из тех, кто отказался от визора, но у нее как-то странно дернулся глаз.

— Вы мне угрожаете, эсса Ладэ? — сухо поинтересовалась она.

— Не думала, что упоминание первой леди звучит как угроза.

Женщина поджала губы и кивнула в сторону гостиной. Невысокая и худая, с собранными в пучок волосами и маникюром-стилетами, она безумно напоминала (чтоб ей икалось и пукалось) мою школьную директрису эстерду Броджек.

Кофе нам, как ни странно, не предложили. Нам вообще ничего не предложили, но меня это не смущало. Меня вообще мало что смущало кроме того, что квартира Ленарда очень напоминала ту, что была у нас с Леоной в Мэйстоне на Четвертом и где сейчас жила Имери. Нет, планировка, конечно, другая, но в целом было что-то едва уловимое в атмосфере, всякие уютные мелочи и что-то невыносимо домашнее. Впрочем, возможно, это просто игра воображения, которое упорно затягивает меня в прошлое.

— Ленард, поднимайся к себе. — Это прозвучало очень сухо.

— При всем уважении, эсса Мэрдсток, речь пойдет именно о Ленарде, и отсылать его к себе по меньшей мере неправильно.

— Вы будете мне указывать, как воспитывать племянника? — резко поинтересовалась Виалия. Бесцветные глаза сверкнули.

— Я вам не указываю. Я просто хочу, чтобы Ленард слышал все, о чем мы будем с вами говорить.

Она снова открыла рот, собираясь было возразить, но в этот момент наткнулась взглядом на Единичку с напарником и передумала.

— Я вас внимательно, — она сделала акцент на последнем слове, — слушаю.

Это хорошо, что внимательно.

— Когда мы с вами общались в последний раз, вы говорили о том, что собираетесь переезжать в Зингсприд, — заметила я.

Ленард устроился в кресле, от диванчика, на котором сидели мы, его отделял только журнальный столик. Включенный планшет на подставке демонстрировал рост каких-то акций и новостные сводки.

— Я обязана перед вами отчитываться? — Она приподняла брови.

— Нет. Но если вы собираетесь заботиться о Ленарде, учитывать нужно не только свои желания.

В эту минуту я поняла, что идея отправить парня наверх была в общем-то не такой плохой. Просто все, что я думала привести в качестве аргументов, звучало достаточно жестко.

— Как я уже сказала, — ее голос сочился раздражением, — отчитываться перед вами я не обязана. Но если вы...

Она снова взглянула на вальцгардов.

— Настаиваете, то я, и не только я, но и психолог с большим стажем считает, что ему лучше будет переехать.

— Ленард, можно мне воды? — спросила я.

— Ага. — Парень вскочил. — Сейчас принесу.

Под насмешливым взглядом его тетки дождалась, пока он скроется на кухне, и заметила:

— Ему нужна семья. И друзья, которые останутся в другом городе, за тысячи километров. Ему нужно дело, которое не позволит ему скатиться в свою боль. Это вы понимаете?

— Я понимаю, что мне тридцать семь лет, а вам... сколько вам там, эсса Ладэ? — На меня посмотрели, раздувая ноздри. — Еще я понимаю, что ваш проект закрыт, и дела, которое не позволит ему скатиться, больше не существует. Чем дальше он будет от города, власти которого допустили этот ужас...

— Власти? — Я ее перебила. — Власти делали все, чтобы это остановить.

— Плохо делали, — произнесла она. — И вы зря считаете, что близость к правящей семье дает вам преимущество или возможность врываться в мой дом и учить меня жизни. Ленард уедет во Флангстон вместе со мной, как только я получу все необходимые документы.

В ее глазах мигала неоновая вывеска «упоротая». Не знаю, почему задержался Ленард (надеюсь, не потому, что подслушивал, но, надеюсь, Единичка мне бы тогда подмигнул), но это давало тактическое преимущество. То есть возможность продолжать разговор.

— Я пришла к вам сюда сама, — заметила я. — Без какой-либо поддержки правящей семьи, а мое сопровождение вызвано рядом причин, которые я вам озвучивать не собираюсь. Мне совершенно не нужны ваши отчеты, я здесь только потому, что хочу, чтобы Ленарду было хорошо. Чтобы он продолжал нормально учиться, а не доказывал всем в новой школе, переживая дикий стресс, что он достоин быть среди них. Можете мне поверить, в его возрасте я сменила район и школу, и ничем хорошим это не закончилось. У меня долгое время не было друзей и...

— То, что вы, — теперь она выделила «вы», — не умеете адаптироваться к обстоятельствам, вовсе не значит, что Ленард такой же, эсса Ладэ. Он переезжает со мной во Флангстон. Надеюсь, я достаточно четко выразила свою позицию?

В неоновой вывеске произошли небольшие перемены, к слову «упоротая» добавилось «дура». Единичка зачем-то направился на кухню, и я с трудом удержалась от того, чтобы признаться ему в любви. Вот выйдем отсюда, и я его даже обниму.

— Вы теряли родителей, эсса Мэрдсток? — поинтересовалась я. — Сразу обоих? Я теряла и могу сказать, что даже самый близкий человек, который терпит все твои бзики и прислушивается к тебе больше, чем к себе, не всегда гарантирует мгновенное исцеление. Я бы сказала, вообще не гарантирует.

— Меня совершенно не волнует история вашей жизни, — отрезала она и поднялась. — А теперь попрошу вас уйти, поскольку у меня еще много дел. И не заставляйте меня думать, что вы вносите смятение в мысли моего племянника, поскольку в этом случае мне придется ограничить ваше с ним общение. К моему величайшему сожалению.

А вот это она зря.

— Я пришла попросить вас остаться в Зингсприде, — сказала я, поднимаясь. — Но теперь вижу, что вам здесь делать нечего. Можете уезжать хоть завтра, но Ленард с вами не поедет.

— Что вы только что сказали, эсса Ладэ? — Она прищурилась.

— Что слышали, — с милой улыбкой ответила я. — Вы не единственная, кто способен о нем позаботиться.

— Да вы... как вы смеете! — выдохнула она, сжимая кулаки. Странно, что своими когтями ладони не продырявила, я бы на это посмотрела. — Я — его опекун...

— Еще нет, — сказала я. — Вы просто ближайший родственник, но родственник не всегда значит близкий человек. Ленарду сейчас нужен именно близкий человек, и я собираюсь им стать. Если, разумеется, ваш

племянник не будет против.

— Я не против! — выдохнул Ленард, врываясь в гостиную.

Без воды.

Единичка за его спиной развел руками, но я не расстроилась. В конце концов, так будет даже лучше.

— Вон из моего дома! — выпалила она.

— Это не ваш дом, — хмыкнул Ленард, шагая вперед. — Это дом моих родителей!

Тетка метнула на него убийственный взгляд, а я приложила палец к губам.

— Уже ухожу, — сообщила ей, переключая внимание на себя. — Но вы меня слышали. Мне совершенно без разницы, что будет с вами, но если вздумаете срывать на нем, очень сильно пожалеете.

Развернувшись, направилась к Ленарду, чтобы попрощаться, когда в спину мне ударило:

— Закон на моей стороне, эсса Ладэ, и на моей стороне общество! Когда я стану его опекуном, я запрещаю вам любое общение.

— Когда станете, — я оглянулась на нее через плечо, — можете даже запретить мне танцевать.

Ее лицо покраснело, ну в точности Броджек, но я уже подошла к Ленарду.

— Я действительно собираюсь стать твоим опекуном, — произнесла серьезно, вглядываясь в его лицо.

— А я действительно хочу такую сестру, как ты.

— У меня дерьмовый характер.

— У меня тоже.

— Ну, тогда... — сказала я. — Завтра понедельник, и я поеду сидеть в бюрократических очередях.

— Надеюсь, бюрократические очереди не будут слишком длинными. — Он улыбнулся, а я с трудом удержалась, чтобы взъерошить ему волосы (мальчишка все-таки), вместо этого произнесла:

— Если что, я на связи.

— Ага. — Он кивнул. — И я.

Мне хотелось еще о многом с ним поговорить. Например, о том, что мы обязательно увидимся в самое ближайшее время, но делать это в присутствии Броджек дубль два — точно нет. Лучше наберу его вечером или завтра после школы. Нам многое надо обсудить.

А сейчас мне нужна новая квартира, и, наверное, связаться с Нилом на тему работы в «Хайлайн». Но квартира важнее.

И, кажется, я только что решила, какую беру.
Двухкомнатную.

Даармарх, Огненные земли

Осознание того, что я только что чуть не превратилась в живой факел, пришло не сразу. Равно как и ощущение звенящей, режущей слух тишины и давящего на плечи взгляда Даармархского, огонь в котором был не менее опасным, чем тот, что несколько мгновений назад лизал мое платье.

Язычки над ладонями погасли на вдохе.

— Благодарю, — сказала я, и голос не дрогнул, наоборот, зазвучал в полную силу. — За то, что разделили этот чудесный вечер со мной и с супругом.

Мне невольно пришлось обвести взглядом зал, но я даже не запнулась о натянутые ледяные струны, протянувшиеся от Флангеррманского в мою сторону. Не представляю, знал ли он об огне, который пробуждается в сильном ребенке, но Витхар знал точно. Впрочем, сейчас не время об этом думать.

— ...За то, что приняли участие в моей небольшой шалости. Надеюсь, вам понравился отдых и ужин. — Подбирать слова было сложно, мысли путались, разбегались, меня начинало трясти. Вдобавок ко всему горело в груди, и приходилось держаться из последних сил, чтобы огонь не вернулся. — И мой танец, разумеется. Признаю, это было несколько необычно.

— Необычно? — поинтересовался один из иртханов. — Не считая того, что моя супруга чуть не упала в обморок, это было потрясающе.

Его слова встретили волной облегченного смеха, и меня накрыло сначала ею, а следом овациями, которые окончательно разрядили обстановку. Я подхватила подол платья и направилась к Даармархскому, вскинув голову. Мне хотелось бы думать, что он тоже поверил в мои слова, но его взгляд был более чем говорящим. Таким испепеляют, обращают в чистое пламя и испепеляют снова.

Потом была короткая официальная часть прощания, на которой все желающие могли подойти и поблагодарить нас за вечер. Моя рука покоилась на сгибе локтя Витхара, я же думала о том, как это вообще могло произойти. Мое платье должны были пропитать составом, который не позволит ткани вспыхнуть, если на него случайно попадет искра (я использовала его, когда танцевала в шоу Наррза и помнила состав наизусть). Точно такой же нанесли мне на волосы и на кожу служанки.

Если, разумеется, это был тот самый состав, а не подмена.

Да и порыву ветра в этом зале было неоткуда взяться: на время представления балконные двери были плотно закрыты, не только, чтобы избежать подобной возможности, но и чтобы источниками света оставался исключительно огонь, в котором я танцую.

Эти мысли, как ни странно, помогли мне собраться и удержать пламя, которое снова рвалось на волю. Не только пламя, но и себя — иначе я превратилась бы в огненный вихрь, и на этот раз скрыть свою тайну на глазах у всех больше не получилось бы.

Хотя тот, от кого стоило что-то скрывать, стоял рядом.

А потом шел рядом по коридорам, провожая «супругу». Что касается меня, я считала шаги, как удары сердца. Мысли превратились в спутанный клубок, ближе к своим покоям я с трудом переставляла ноги, думая только о том, что будет дальше. Наверное, все силы, что во мне были, ушли на поддержание контроля там, в зале, поэтому сейчас я чувствовала себя полностью беззащитной.

— Ждите здесь, — коротко произнес Витхар хаальварнам, и те покорно отступили.

Двери закрылись, и тогда его пальцы сдавили мое запястье.

— Отпусти. — Я попыталась сказать это резко и сильно, но вышло тихо и хрипло.

— Как ты посмела? — прорычал он, выталкивая меня на балкон. — Как ты посмела мне ничего не сказать?!

— Как я посмела?! — выдохнула я. — Я чуть не погибла, а ты спрашиваешь о том, как я посмела?!

Голос не дрожал, дрожало что-то внутри.

— Это мой ребенок, Теар-р-рин, — последнее он прорычал.

— Нет, этот ребенок — мой! Мой, и только мой, ему вовсе незачем знать, что его отец настолько погряз в собственных желаниях и власти, что даже не сумел защитить его мать!

Огонь во тьме полыхнул ярче.

— Думай о том, что говоришь.

— Думать? Я только и делаю, что думаю, Витхар! Целыми днями. Целыми днями думаю о том, как защитить ребенка, пока ты наслаждаешься обществом других претенденток.

— У меня все под контролем, Теарин.

— Да? — Я рассмеялась. — У тебя все под контролем?! У тебя?! Когда Ибри столкнули с лестницы, а сделавшего это даже не успели допросить?! И ты называешь себя правителем, Витхар?! Ты, который позволяет, чтобы

на его территории такое творилось?! Или, может быть, в меня швырнули огнем по твоему приказу?!

Дыхание сбивалось, на ладонях снова собиралось пламя. Я чувствовала, что меня трясет, чувствовала, что уже не могу это удержать. В глазах стоявшего напротив дракона полыхал огонь, но мне было все равно. Я собиралась сказать ему все здесь и сейчас, все, что думаю, все, что держала в себе, но в это мгновение в меня ударил короткий приказ:

— Замри.

Я поняла, что во мне кончилось дыхание и слова. Сила, спеленавшая меня, не позволяла ни пошевелиться, ни раскрыть рот.

— Поговорим, когда ты успокоишься, Теарин, — жестко произнес он, глядя мне в глаза.

Когда успокоюсь.

Мне не доводилось бывать под приказом иртхана, даже Горрхат им не воспользовался, когда меня тащили на площадь и швыряли к его ногам, но сейчас я в полной мере осознала, каково это. Полная потеря себя, полная принадлежность ему.

— Когда мы оба успокоимся, — произнес Даармархский. — Сейчас ты ляжешь спать, когда проснешься — будешь свободна.

Я пыталась вырваться из-под приказа, но тщетно: моего пламени, а точнее, пламени малыша было отчаянно мало, чтобы противопоставить себя силе того, кто называл себя правителем Даармарха. Впрочем, силы в нем и впрямь было предостаточно. Я вышла с балкона первой, он — следом, не останавливаясь, резко покинул комнату, где я раздевалась. Подчиняясь приказу и следуя привычке, стянула платье, которое чуть не обратилось в пепел.

Эта мысль сейчас показалась далекой и несущественной, и едва моя голова коснулась подушки, я провалилась в сон.

— Местари! Местари Ильеррская! — Возбужденный голос Фархи ворвался в сознание, заставляя разлепить веки.

Не дожидаясь моего ответа, нэри распахнула занавеси, и солнце расплескалось по комнате неровными островками. Спотыкаясь о мебель и подушки, растеклось по комнате, заставив приподняться на постели.

Не понимаю... какой сейчас час?

— Вас было приказано не будить, и мы не будили, — пояснила нэри, улыбаясь. — А потом пришла Мэррис и... В общем, у нас невероятные новости!

Фархи сияла так, что затмевала солнце, но я никак не могла прийти в себя. Вязкое покрывало сна не желало отпустить, и только когда я

вспомнила, что случилось вчера, стряхнула его с себя более чем поспешно. Вместе с остатками приказа («Когда проснешься — будешь свободна»), как вчера стряхнула с себя огонь.

— Мэррис здесь? — спросила я.

— Нет, она уже ушла. Просто велела как можно скорее вас собрать, и... вам же еще нужно пообедать! Она сказала, что сегодня все претендентки обедают у себя и что местар закрывает отбор!

— Что?!

— Да, испытаний больше не будет, сегодня местар назовет победительницу! — Нэри снова просияла. — И если хотите знать мое мнение, случилось это после вашего вчерашнего танца. Ну а как иначе? Когда я смотрела на вас, вы так танцевали... а когда ваше платье вспыхнуло... я чуть в обморок не упала! У меня до сих пор сердце замирает, даже не верится, что все это было просто представление!

Вот и мне не верится.

— Местари, вчерашний вечер был потрясающий! Самый лучший! Вы бы видели, как мужчины пытались подстроиться под своих жен... И какие у них при этом были лица... А ужин! Меню выше всяких похвал, даже не представляла, что в Ильерре такая кухня! Ох, я совсем заболталась! Нам же надо все успеть!

— Хорошо, — сказала я, пытаюсь прийти в себя от свалившихся на меня новостей. — Фархи, пришли ко мне служанок... Нет, не надо. Сейчас я приведу себя в порядок, потом можем вместе пообедать на балконе, а после вы поможете мне собраться.

— Да, местари. — Девушка ослепительно улыбнулась и вышла, а я направилась в купальни.

При мысли о том, как меня вчера спеленали, как не вставшего на крыло виаренка, ладони начало жечь.

— Все в порядке, маленький, — сказала я. — Просто твой отец...

Нет, это определение точно не для моего малыша, пусть даже он пока в утробе. И уж точно оно недостойно дочери правителя Ильерры.

«Местар закрывает отбор».

Невероятно.

Немыслимо.

«У меня все под контролем».

Что дракон имел в виду, когда это сказал?

Опустившись в воду, я погрузилась в нее с головой. Сдавившая грудь тяжесть отозвалась учащенным сердцебиением, особенно когда я вспомнила, как Витхар ворвался ко мне в купальни. Сегодня его,

разумеется, не было, а в тишине, когда я вынырнула на поверхность, слышался только тонкий плеск обновляющейся воды и мое дыхание.

«Если хотите знать мое мнение, случилось это после вашего вчерашнего танца. Ну а как иначе?»

Да, мой танец кого угодно мог заставить зашевелиться. Особенно если учесть, чем он мог закончиться.

Сейчас я отчетливо понимала, что не будь у меня силы ребенка, отбор для меня все равно бы закончился. Правда, у лекаря. Ни волосы, ни кожа, не защищенные составом, полыхнули бы как сухие ветки. Да, меня бы спасли: сгореть заживо в зале, полном ир்தханов, можно, если только никто не захочет тебе помочь, но ожоги превратили бы меня в такую «красавицу», на которую без слез невозможно взглянуть.

Нет, убивать меня, в отличие от Ибри, не хотели.

Изуродовать — да.

Вопрос только в том, кто.

Первой (на правах распорядительницы) узнала о моей программе Мэррис и долго расспрашивала про состав пропитки, чтобы убедиться, что танец в огне действительно безопасен. Вчера она оставалась среди гостей до последнего, но на меня не смотрела. Не избегала моего взгляда, случайно о него запнувшись, просто не смотрела. Вообще.

Могла ли она подменить бутылки?

Чтобы избавиться от соперницы Ибри, пусть даже я никогда не была ей соперницей?

Могла. Понимая, что рано или поздно тайное станет явным, и ребенок от ир்தханессы окончательно уничтожит будущее ее дочери.

Так же, как могла это сделать Эсмира. Или Хеллирия.

Или они обе.

«У меня все под контролем».

«После вашего танца...»

Витхар свой выбор сделал. Он выбрал... нас?

Я не должна была позволять себе эти мысли, но избавиться от них не могла. От странной горячей надежды, отзывающейся внутри меня биением маленького сердечка. От дикого безотчетного желания лично поговорить с местаром, не дожидаясь его объявления. О том, что он собирается сделать и зачем. А заодно о том, что если он посмеет еще хоть раз отдать мне приказ, недосчитается штанов и самого ценного.

Завтрак прошел в радостном возбуждении: нэри щебетали без умолку, их настроение невольно передавалось и мне. Я понимала, что сейчас не время (особенно после того, что случилось), но не могла унять бешено

бьющееся сердце.

— Я все-таки позову служанок, — сказала Фархи. — Сегодня вам надо выглядеть особенно...

— Нет. Мне не нужна особенная прическа, просто помогите уложить волосы.

— Но я думала... — Нэри запнулась. — Под то платье, в котором вы представлялись...

— Это платье, — сказала я, — надевают уже после победы, а не во время объявления результатов. Давай не будем забегать вперед.

Нэри фыркнула, но тут же стала серьезной.

— Я так рада, что мы останемся с вами, местари!

— Фархи! — на этот раз ее осадил Лирхэн, но глаза девушки тоже сверкали, в уголках губ пряталась улыбка.

Что касается меня, я думала только о том, что нам с Витхаром предстоит очень долгий разговор. Обо всем.

Платье я тоже выбрала самое простое, персикового цвета, единственным украшением которого был тонкий пояс, напоминающий драконьи чешуйки, собранные в кольцо. Волосы мне оставили распущенными, лишь закрепив несколько прядей заколками на висках. В завершение образа я нанесла несколько капель цветочной воды на запястья.

Нэри и хаальварны сопроводили меня в зал, где обычно проходила жеребьевка и встречи с распорядительницей. Мэррис коротко и слишком прямо взглянула на меня, после чего отвернулась, зато остальные смотрели, не таясь. Пристально вглядывались в лицо, как, впрочем, и в лицо Эмиры, которая стояла чуть поодаль. Долго это не продлилось, последней впорхнула Джеавир с нэри и, наткнувшись на мой взгляд, вздернула подбородок и отвернулась, как будто это я чем-то ее оскорбила. Все вместе мы направились в зал, где вчера встречали гостей. Столов на этот раз не было, балконные двери — нараспашку. В них врывался ветер, заставляя трепетать полотнища флагов Даармарха. Претендентки, как и в день представления, собрались на небольшом возвышении, гости взволнованно перешептывались.

Впрочем, стоило Витхару войти в зал, все стихло.

Стало так тихо, что даже трепет бившихся полотнищ казался оглушающе громким, как и его шаги.

— Приветствую всех, — произнес он, скользнув взглядом по гостям. — Сегодня я назову имя своей невесты.

После этих слов тишина стала еще выразительнее, а Витхар посмотрел в нашу сторону.

— Я благодарю вас за время, которое мы провели вместе.

Среди гостей я снова отметила Янгеррда: он стоял, привычно сложив руки на груди, обманчиво расслабленный и спокойный, Хеллирии в зале не было. Я могла сказать это точно, потому что ее платиновые пряди всегда однозначно выделяли сестру Витхара из толпы.

Потом он благодарил гостей и семьи девушек, участвовавших в отборе. Потом — Мэррис, которая спустилась к нему, а после стала частью собравшейся толпы. Поскольку отбор завершен, распорядительница больше не нужна.

А потом Витхар снова повернулся.

Наши с драконом взгляды встретились, и меня обожгло.

Второй раз обожгло, когда он произнес:

— Местари Риасса, прошу вас спуститься ко мне. — А третий, когда добавил, сплетая свои пальцы с пальцами Джеавир. — Приветствуйте мою будущую жену и правительницу Даармарха!

Зингсприд, Аронгара

— Все мужики — наблы, — философски заметила я, закрывая архивы.

Негромкое покашливание Единички однозначно говорило о том, что он в корне со мной не согласен.

— Ты не считаешься, — сообщила я. Подумала, посмотрела на его напарника и добавила: — Ты тоже.

— Мне сейчас хотелось бы уточнить, — заметил Рон, — я не считаюсь за мужика или не считаюсь за набла?

— За набла. Но я еще не пыталась строить с тобой отношения.

На этом мой телохранитель поперхнулся и закашлялся.

— По спинке постучать? — спросила я.

— Нет, спасибо, — сдавленно произнес вальцгард с такой серьезной физиономией, что сразу становилось понятно: с чувством юмора у него все в порядке. У его напарника в общем-то тоже, надо будет узнать его имя.

Бэрри нарезала круги у скамейки. Дожидаясь звонка риелтора (он должен был закончить дела и набрать меня, чтобы мы вместе подъехали на место моего нового проживания), я сидела и пыталась читать. Я бы легла, но посреди бела дня, задрав ноги, валяться в парке как-то некультурно, поэтому приходилось сидеть. Уж всяко лучше, чем в квартире Гроу.

— Не знаешь, что нужно, чтобы оформить опекунство? — поинтересовалась я у Рона.

Вообще-то проще было посмотреть в сети, но когда я вышла от

Ленарда, меня накрыло апатией и до сих пор не отпустило. Наверное, пошел откат.

— Не представляю. Но могу узнать.

— Не стоит. — Я махнула рукой. — Завтра сама все узнаю.

В конце концов, могу я позволить себе день рефлексии и блаженного ничегонеделания?

Не каждый же день тебя бросают знаменитые режиссеры.

Мне бы хотелось думать, что все будет легко, но легко не будет. Это я поняла, когда вернулась собрать оставшиеся вещи и вывести Бэрри на прогулку. Она несколько затянулась, но подниматься туда, где каждый квадратный сантиметр причиняет боль от воспоминаний, мне точно не хотелось. Не хотелось смотреть на диван, где мы сидели в обнимку и... в общем, не только сидели. Не хотелось пить из кружки, которую мне давал Гроу, касаясь пальцами ладоней, после чего мне становилось уже не до кружки. Про спальню я вообще молчу.

Да и вообще — молчу.

Молчание в моей ситуации золото.

Рон с напарником все понимали и на возвращении в квартиру не настаивали, хотя со стороны мы, должно быть, смотрелись стремно. На «стремно» указывали однозначные взгляды проходящих мимо, потому что, когда мы сидели на скамейке втроем (я в середине, телохранители по бокам), это выглядело так, будто я вывела погулять гарем. Или что я — жертва похищения или шпионка, которую должны передать соответствующим органам или властям ее государства в знак доброй воли.

Когда вальцгарды поднялись, взглядов стало поменьше, но все равно на нас то и дело косились. Парочка мужчин крепкого телосложения а-ля Баррет Крэйл, девчонка в бейсболке, майке и джинсах и виари с разноцветными глазами — несколько необычная компания для среднестатистического зингспридского прохожего.

— Сходить за кофе? — поинтересовался напарник Рона.

— Вы же вроде как не должны меня оставлять, — хмыкнула я.

— Это был намек на то, что Верт хочет прогуляться.

Верт?! Как мобильник?!

Очешуеть.

Зато теперь точно запомню.

— Давайте прогуляемся, — миролюбиво согласилась я, тем более что на этой самой скамейке уже почти заработала плоскопопие, но подняться не успела. Пристальный цепкий взгляд Рона вонзился в идущего по дорожке мужчину, я по канатику этого взгляда последовала за ним и

увидела Терграна.

— Тебя Леона прислала? — поинтересовалась я, стоило ему подойти.

— Определенно именно такой встречи я ждал. — Он был в светлых брюках и рубашке с коротким рукавом: сразу видно, что успел переодеться после телепорта.

Я пожала плечами.

— Я же говорил, что в отставке. — Экс-начальник службы безопасности Председателя опустился рядом со мной на скамейку, и наше общество стало еще больше напоминать гарем, в котором Тергран — любимый муж.

Ну или представитель соответствующего органа, который приехал забрать шпионку.

— Мне в последнее время много чего говорили.

— Знаешь ли, Танни, — он хмыкнул, — за то, что тебе говорили другие, я ответственности не несусь.

— Другие тоже не несут, — философски заметила я. — Не обращай внимания, у меня просто состояние нестояния.

— Когда ты в последний раз танцевала?

— Что?

— Когда ты в последний раз танцевала? — повторил Тергран, пристально глядя на меня.

Глаза у него светлые, как расходящиеся после грозы тучи, и я почему-то подумала о том, как в них смотрится алое пламя. Или какое там у него пламя?

— То есть тебя прислала не Леона, но про танцы ты тоже знаешь?

— То, что меня никто не присылал, еще не означает, что я не могу интересоваться девушкой, которая спасла мне жизнь.

Не надо мной интересоваться.

— И в Зингсприде ты тоже просто так?

— Моя новая работа позволяет работать удаленно.

— Какая же у тебя новая работа?

— Центр обеспечения информационной безопасности Аронгары.

Я приподняла брови.

— Это ты называешь — в отставке, Дар?

— Ты помнишь мое имя? — поинтересовался он.

— То, что я полностью безответственная особа двадцати шести лет от роду, еще не означает, что я способна забыть имя того, кому спасла жизнь. — Я поднялась. — И то, что я наивная, как это существо...

Существо, к слову, обнюхивало Терграна остороженько со всех

сторон.

— Не означает, что я первый день на свете живу. Либо говори, зачем ты здесь, либо прощаемся прямо сейчас.

Тергран поднялся следом за мной, он был основательно выше меня, поэтому пришлось запрокинуть голову, чтобы на него посмотреть.

— Чтобы защитить тебя от возможных кибератак и наладить систему твоей защиты в информационном поле.

— Ну, супер, — сказала я. — С этого и стоило начинать.

— Я начал с того, с чего счел нужным, — холодно произнес он. — Тем более что Леона меня не присылала. Это была моя инициатива.

— Класс. Ребят, может, и правда за кофе сходим? — Я взглянула на Рона с Вертом. — Тебя я с собой не зову.

Бэрри почувствовала мое настроение и воинственно рыкнула. Моя девочка!

— После налета в Зингсприде в Центре полетело много голов. — Тергран не стал меня останавливать, остановиться меня заставил его голос.

Оставалось только надеяться, что головы летели иносказательно, потому что богатая фантазия в сочетании с проснувшимся черным юмором рисовала удивительную картину.

— Мне предложили этот пост после полного смещения руководящего состава. Ты даже не представляешь, что можно устроить, обладая властью над информационными технологиями. Во что может вылиться одно нажатие кнопки. Точнее, представляешь: то, что случилось в Зингсприде, это только начало.

— Нет. Не представляю, — сказала я. — Зато представляю, что я здорово устала от всей этой суеты. Приехал заниматься обеспечением информационной безопасности? Занимайся. Только меня во все это не втягивай.

Ну, вот теперь я увидела, как выглядит алое пламя на сером: искры вокруг рванувшихся в вертикаль зрачков напоминали спецэффекты.

В этот ответственный момент риелтор все-таки обо мне вспомнил, и «Верт» взорвался песней (известной рок-группы) с говорящим названием «Шли бы все на...». Продемонстрировав Терграну двадцать секунд звучания, я ответила и подтвердила:

— Да. Еду.

Даармарх, Огненные земли

В груди горело так, что я не могла вдохнуть. Не могла двинуться или

пошевелиться, чтобы не почувствовать обжигающий комок плоти, в который превратилось мое сердце. К Витхару и Джеавир стекались желающие поздравить, толпа волновалась, как собравшийся обрушиться на берег океан. Эсмира прошла мимо меня, окатив шлейфом пламени, направляясь к своим родителям, которые выглядели не менее разгневанными, чем их дочь. Зал они покинули вместе.

Это был один из немногих моментов, что мне запомнился, а еще — сияющее счастьем лицо Джеавир. Такое подделать нельзя, нельзя впустить в свои глаза столько света и радости, если их не испытываешь. Хотя что я знаю о ее талантах.

Когда поняла, что снова могу дышать, спустилась в зал вместе с остальными девушками. Претенденток встречали родственники, и никто из них не выглядел расстроенным. Меня не встречал никто, поэтому я направилась к дверям и, только оказавшись в анфиладе, услышала, что меня зовут.

— Местари Ильеерская! Местари Ильеерская!

Лирхэн и Фархи догнали меня, покрасневшиеся, в глазах — растерянность.

Они явно не представляли, что им делать дальше и что говорить. Лирхэн плотно сжимала губы, стараясь при этом выдавить из себя улыбку, Фархи даже не старалась.

— Проводите меня до моих покоев, — негромко сказала я.

Понимая, что, скорее всего, завтра-послезавтра мы с ними расстанемся. Наложницам и любовницам не полагаются нэри, им полагается золотая клетка. До той поры, пока кто-нибудь не раздвинет прутья, чтобы вытащить птичку и ее придушить.

Назад мы возвращались в молчании, и чтобы не думать о сплетенных пальцах Витхара и Джеавир, я думала об идущих рядом девушках. Удивительно, но именно они стали мне теми, кого я так отчаянно искала в будущей правительнице Даармарха. Настоящими подругами, готовыми разделить со мной и радость, и горе, и даже цвет платья наложницы, которое я однажды пожелала надеть.

Мне отчаянно, безумно не хотелось с ними расставаться, но я понимала, что удерживать девушек тоже не могу. Их будущее после выбора Даармархского никак со мной не связано. Единственное, что я могу сделать для Лирхэн и Фархи, — это попросить, чтобы они остались во дворце, но вряд ли для них это будет лучше. Особенно после того, чьими нэри им довелось быть.

Наложница.

Любовница.

Отвергнутая претендентка.

И снова любовница.

Нет.

Я больше никогда не стану любовницей Даармархского. Он не приблизится ко мне ни на шаг, я не позволю.

— Девушки, — негромко сказала я, когда дверь за нами закрылась. — То, о чем я хочу вас попросить, очень опасно.

Я говорила, и голос у меня не дрожал. Почти. Видимо, вся дрожь собралась внутри на пределе с трудом сдерживаемого огня, но сейчас, под пристальными взглядами моих нэри, проходила даже она. Девушки смотрели на меня очень внимательно, затаив дыхание, поэтому я невольно понизила голос (мне казалось, что в напряженной тишине он звучит слишком громко).

— Поэтому если вы откажетесь, я пойму. Если сейчас же пойдете и доложите обо всем местару — тоже...

— Местари Ильеррская! — Лицо Лирхэн пошло красными пятнами. — Вы бы постеснялись говорить такие вещи. Разве за все время, что мы рядом с вами, мы хотя бы раз дали вам повод усомниться в нашей преданности?!

Фархи открыла рот, но тут же его закрыла. Импульсивная и стремительная, как маленький огненный ураган, она обычно была той, кто в нашем мире нарушал спокойствие, но не сегодня.

— Я бы на вас обиделась, — выдохнула Лирхэн, сжимая кулаки, — но после случившегося просто хочу сказать: мы сделаем все, о чем вы попросите. Даже если это действительно опасно, в чем я сильно сомневаюсь. Потому что вы ни разу не подвергали опасности чью-то жизнь.

Хотелось бы мне в это верить.

— Мне нужно передать одну вещь иртхану, рядом с которым меня видеть не должны...

— Местару Флангеррманскому? — Это спросила Фархи. — Давайте. Я передам.

Что еще я не знаю о своих нэри?

— Нет, — ответила я. — Передам я сама. Мне нужно, чтобы вы очень осторожно узнали о том, где находятся его покои.

— И как вы туда пойдете? По стене? — Лирхэн сложила руки на груди.

— А вот это вас точно волновать не должно. — Я покачала головой.

Чем меньше они знают, тем лучше. Им наверняка предстоит ментальный допрос, а помощь в побеге и просьба выяснить, где находятся покои мастера Флангеррманского — совершенно разные вещи. По той же причине я не собиралась прощаться с Сарром. Когда брат обо всем узнает, он поймет. Даармархскому незачем причинять ему вред, не говоря уже о ком-то другом. Без меня Сарр — просто будущий хаальварн, а не удобная мишень для давления на соперницу.

— Хорошо, — сказала Лирхэн. — Я все узнаю.

— Вам лучше пойти вдвоем.

Девушки переглянулись и выскользнули за дверь, а я направилась на балкон. Медальон был там, где я его оставила. Сверкающая на солнце ледяная капля в тяжелом металлическом каркасе, таком тяжелом, что руку потянуло вниз, словно что-то хотело заставить меня вернуть его на место.

Разумеется, я не вернула.

Сжимая в руке, вошла в спальню и остановилась. Надеюсь, Янгеррд не откажется от своих слов. Однажды я уже начала все заново, начну и теперь.

И с Сарром мы непременно увидимся.

Просто... не сразу.

На этой мысли я себе остановиться не позволила. Я вообще не позволяла себе остановиться, ходила из спальни в комнату, где мы с нэри и Джеавир проводили столько времени, обратно — и на балкон. Снова и снова.

Дири бегал за мной хвостом, но сейчас я была настолько взвинчена, что не останавливалась даже, чтобы его погладить.

— Сарр о тебе позаботится, — прошептала, когда виаренок жалобно заглянул мне в глаза и расправил крылышки.

Нэри не было безумно долго (или же просто время для меня текло иначе?), но когда они вошли, я уже с трудом сдерживала огонь. Странно, что сжатая в ладони вещица не растаяла или не треснула от жара, которым сквозь меня пыталось прорваться волнение моего малыша. Я кивнула им в сторону спальни, и нэри, бледные и еще более растерянные, чем встречали меня после объявления победительницы отбора, молча направились за мной.

— Что-то случилось? — пропуская девушек вперед, спокойно спросила я.

Слишком спокойно.

— Местари Ильеррская... мастер Флангеррманский, он... — еле слышным шепотом выдохнула Фархи, когда мы вышли на балкон. — Он уехал.

Уехал?!

Уехал...

Уехал.

Эта мысль отозвалась во мне одним резким ударом сердца.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Местари Ильеррская...

— Сейчас вам лучше пойти к себе.

Может, это звучало неблагоприятно, но я не хотела ни с кем разговаривать. Чуть позже я найду в себе силы по-настоящему поблагодарить нэри за все, что нас связывает. Чуть позже, но не сейчас.

«Не сейчас» затянулось.

На праздник, посвященный помолвке местара, я, разумеется, не пошла. Того, кто попытался бы привести меня насильно, спалила бы лично, но никто не пытался. Любовницам не место на семейном торжестве.

Мне принесли ужин, но я к нему не притронулась.

Не раздеваясь, легла поверх покрывал, подтянув колени к груди, но сон не шел. Зато не покидали мысли о том, что где-то там сейчас Витхар празднует помолвку. Было бы легче, если бы я могла плакать, но я не могла. Так и лежала, пока ночная тьма не сгустилась до черноты, а высеченные полумесяцы лун не разошлись друг от друга так далеко, как это возможно. Узор медальона Янгеррда отпечатался на моей ладони, но я по-прежнему не выпускала его из рук. То проваливалась в липкую дрему, то снова возвращалась в реальность. Впрочем, ее, как и счет времени, я потеряла уже давно. Даже боль притупилась, оставив лишь легкую пульсацию внутри: там, где во мне билась новая жизнь.

Поэтому когда из темноты выступил мужчина, я не сразу поверила своим глазам, а поверив, резко села на кровати.

— Я вернулся за тобой, Теарин. — Голос Янгеррда звучал глухо. — У нас будет единственная возможность уехать. Сейчас. Ты пойдешь со мной?

Он протянул мне руку, чтобы помочь подняться, но поднялась я сама. А в раскрытую ладонь молча вложила медальон.

Зингсприд, Аронгара

В двухкомнатной квартире можно много всего делать. Например, носиться с Бэрри с первого этажа на второй, не рискуя влететь в диван или в кресло. Квартира сдавалась без мебели, поэтому обстановкой предстояло заниматься мне. Мне же, к слову, предстояло сегодня спать на полу, но я решила, что это небольшое неудобство, зато не буду вдыхать оставшийся на

подушке запах кофе и сигарет.

Дерьмо.

Вот же дерьмо.

Можно сколько угодно уверять себя в том, что мне все равно, но мне не все равно. А еще у меня даже кофемашины нет. Есть только миски Бэрри и корм Бэрри. К счастью, есть кухня, но чашек в ней тоже нет. И холодильник, в котором тоже ничего нет, зато есть я, которой все это надо купить.

Завтра.

Потому что сегодня... Сегодня уже почти час ночи, в Ферверне почти девять утра.

Ненавижу Ферверн!

Ненавижу Гроу!

И себя тоже ненавижу — за то, что в очередной раз повелась на все это «я хочу строить с тобой отношения, бла-бла-бла». Пока я не возненавидела и всех остальных, подцепила Бэрри на поводок и пошла с ней исследовать новый район. Здесь поблизости располагалась набережная, там выгуливать виаров было нельзя, но в конце улицы мы обнаружили парк. Гораздо больше того, что располагался у дома Гроу.

Вот за что люблю Зингсприд — так это за то, что парков по районам разбросано море. Наверное, это самый зеленый город Аронгары, и, находясь здесь, на время можно забыть о том, что в основном наш мир состоит из огнеупорного стекла и металла.

— Пойду за кофе, — сообщила я Рону, хотя прекрасно понимала, что за кофе мы пойдем все вместе.

— В два часа ночи?

— Двух еще нет.

— Без четверти нет, да.

— И вообще. У вас смена, так что вам кофе не повредит.

Рон вздохнул.

— Что это только что было? — поинтересовалась я.

— Если скажу: Танни, тебе надо поспать, ты меня пошлешь?

— Нет. Но спать я буду, когда захочу.

Вальцгард усмехнулся.

— Логично.

— Мне кажется или ты хочешь что-то еще мне сказать?

Он покачал головой, а я пожалала плечами. Лоток с круглосуточным кофе «Взбодрись», которых по Зингсприду разбросано ничуть не меньше, чем парков, а то и больше, встречал меня показательно бодрой девушкой в

форменном фартуке.

— Доброй ночи, эсса. Что бы вы хотели?

Полить кофе Гроу.

— Дайте мне самый крепкий кофе, который у вас есть. И самый острый.

— У нас есть с перцем, но...

— С перцем пойдет.

Рон за моей спиной кашлянул.

— Что, милый? — спросила я. — Тебе взять с молоком?

После этого он больше не пытался намекать мне на то, что я веду себя как-то неправильно, и вообще молчал. Обиделся, наверное. Что касается меня, я пила кофе, позволяя ему жидким огнем растекаться по венам. Не знаю, как чувствуют себя иртыханы, когда у них передоз пламени, но у меня точно был передоз. Такого простого человеческого огня, который зовется любовью и который мне в очередной раз предстояло из себя вытряхивать за ненадобностью.

Бэрри, счастливая (прогулок ей сегодня перепало на несколько дней вперед), еще побегала по квартире, а потом вырубилась на втором этаже, что касается меня, я распахнула дверь и вышла на балкон.

Теарин сбежала с Янгеррдом, а у меня даже сбежать особо не получится. Да и куда в общем-то? От себя не убежишь. То, что во мне, во мне и останется, хоть в Ферверне, хоть в Рагране, хоть в Лархарре. Глубоко вздохнула, глядя на темную кромку океана: да, с моего балкона обязательно должно быть видно океан, и это частично оправдывало то, сколько денег я отвалила за первые три месяца аренды. Разумеется, в последний момент нашлось еще несколько желающих, но мне было по чешуе.

Я хотела эту квартиру.

И точка.

«Как давно ты не танцевала?»

Сунув в уши беспроводные наушники, врубила свой любимый дэнс-лист, скинула кроссовки и забралась на перила.

Кажется, Танни, мы снова будем танцевать.

Эта мысль ворвалась в меня с порывом ветра, который принес запах ночи и соли. Развернувшись, вскинула руки, позволяя волосам рассыпаться по плечам. И, подхватывая музыку, вливаясь в нее движениями и прогибами, то касаясь перил кончиками пальцев, то отрываясь от них, парить над городом под мельтешение неоновых огней.

Вдох, разворот — и за спиной остается падение.

Сумасшедшее падение вниз и подхватившие меня потоки воды, а еще

запах Гроу, когда он прижимал меня к себе.

Выдох, прогиб — и позади шум океана, идиотские бургеры и свидание.

Руки вскинуты вверх, и внизу, далеко внизу обжигающее дыхание драконов, дрожащая внутри мысль: «Считается пропавшим без вести».

Всплеск музыки, прыжок — и в тишину падают мои крики и его рычание, шум воды и шипение пара в развороченной душевой.

Спустя несколько минут я сижу уже в другой душевой, реву и понимаю, что танцы не помогают. Я не спросила у Леоны, как она справлялась с тем, что Рэйнар надел на нее таэрран, наверное, это могло бы мне пригодиться. После Мика я тоже ревела, и мне тоже казалось, что жизнь кончена, но сейчас мне так не кажется. Я просто не представляю, что будет завтра, когда проснусь с мыслью о том, что Гроу в Ферверне. И сколько еще раз мне придется танцевать на перилах, чтобы все это по-настоящему осталось в прошлом.

Всю жизнь — приходит в голову совершенно ненормальная мысль, но я ее отгоняю.

Всю жизнь — это слишком долго.

На дне сумки обнаруживается маечка с иглорыцкой (я запихнула ее туда еще до того, как мне позвонил Гроу), и сейчас, глядя на нее, мне уже ничего не вспоминается. Действие кофе закончилось, и все, чего мне хочется сейчас — спать. Отложив маечку в сторону, надеваю свою пижаму и сую под голову сумку. Покрытие в моей комнате далеко от моих представлений о кровати, но я все-таки лежу и пытаюсь понять, как обставить комнату.

Во-первых, кровать покупать необязательно, достаточно выдвигающегося кресла или раскладного дивана.

Во-вторых, мне потребуется новое оборудование, в частности, то, что потянет создание навороченных спецэффектов. Конечно, существует небольшой шанс, что меня возьмут обратно в «Хайлайн» и мне не придется ничего покупать, но работа в офисе — все-таки не мое. Мне проще работать удаленно, пусть даже заливаясь кофе по ночам, а не выпрыгивать в реальность офисного графика с большими красными глазами.

Я представляю, где можно поставить стол, а где повесить тестовый экран: в конце концов, комната действительно очень просторная, расстояния для проекции должно хватить. Думаю о том, что завтра пойду разбираться с вопросом об опекунстве Ленарда, а заодно и о том, как обставить его комнату. С другой стороны, пусть лучше решает сам.

Ему виднее, как должна выглядеть его комната.

Эта мысль звучит удивительно буднично, но именно сейчас придает мне сил и уверенности в себе. Ленард Харинсен не должен остаться с теткой, которой плевать на его мнение, он достоин гораздо большего. И мне нужно сделать все, чтобы стать его опекуном раньше, чем это сделает она, так что сейчас точно не время думать о Гроу.

Нет, сейчас определенно не время об этом думать.

Четыре часа утра все-таки. В Ферверне полдень.

Ненавижу Ферверн!

С этой совершенно нетолерантной мыслью я все-таки засыпаю.

А просыпаюсь от вопля «шли бы все на...», выдергивающего меня из сна. Бэрри скачет рядом, солнце ударяет в глаза, стоит мне их открыть. Щурюсь, мысленно посылая приступ диареи владельцу квартиры, который даже на жалюзи не расщедрился, тянусь за мобильным. На дисплее — незнакомый номер.

— Да, — мой голос после сна хриплый, — слушаю.

— Эсса Ладэ. — Этот голос звучит кисло, и еще спустя пару секунд до меня доходит, что звонит Гайервровомтрико. — «Гранд Пикчерз» приняла решение о возвращении Ильеррской. Вас по-прежнему хотят видеть в главной роли.

notes

Примечания

1

Сипрон — синтетический материал для изготовления одноразовых косметических принадлежностей.

Стихи Марины Кузиной.

Хтайс — воздухоход с подставкой для ног, используется в популярной спортивной игре гратхэнд.